

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХИГС САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ISSN 2949-3625

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ НОВИЗНА. ЭКСПЕРИМЕНТ. ТРАДИЦИИ

Novelty

Experiment

Traditions

N.Ex.T

КАРЬЕРА В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Научная траектория «абитуриент – кандидат наук» позволит приобрести и развить исследовательские навыки в сообществе единомышленников и преподавателей, а также внести собственный научный вклад

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

Российский научно-практический журнал
(сетевое издание)

ISSN 2949-3625

Новизна. Эксперимент. Традиции Н.Экс.Т

Novelty. Experiment. Traditions
N.Ex.T

Журнал является периодическим сетевым научно-практическим, образовательным изданием, в котором публикуются результаты теоретических и практических исследований по отраслям науки, образовательным направлениям специальностей и направлениям подготовки для обучения по образовательным программам среднего профессионального образования и высшего образования, которые реализуются в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Том 9, выпуск № 3 (23) – 2023
Издается с 2015 года, выходит
4 раза в год

Санкт-Петербург
2023

Главный редактор: Алёхина И. С. — доцент кафедры правоведения СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3-го класса

Редактор: Ворона А. А. — доцент кафедры таможенного администрирования ФБТ СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук

Председатель редакционной коллегии: Азаров А. А. — заместитель директора СЗИУ РАНХиГС, кандидат технических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азаров А. А. — заместитель директора СЗИУ РАНХиГС, кандидат технических наук

Алёхина И. С. — главный редактор журнала, доцент кафедры правоведения ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3-го класса

Баженова О. И. — доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова, доктор юридических наук

Буланакова М. А. — заведующая кафедрой международных отношений ФМОПИ СЗИУ РАНХиГС, кандидат исторических наук

Ворона А. А. — редактор журнала Н.Экс.Т, доцент кафедры таможенного администрирования ФБТ СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук

Ганц Н. В. — доцент кафедры иностранных языков и литературы СПбГИК, доцент кафедры иностранных языков СЗИУ РАНХиГС, кандидат филологических наук, доцент

Кашина М. А. — ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции, профессор кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, доцент

Колесников В. Н. — эксперт Управления научной работы СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, профессор

Межевич Н. М. — директор проекта Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор

Соловьева А. К. — заведующая кафедрой конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Тачанская Л. С. — студентка юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, председатель Студенческого научного общества СЗИУ РАНХиГС

Тулупьева Т. В. — профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГМУ СЗИУ РАНХиГС, кандидат психологических наук, доцент

Цыганкова И. В. — профессор кафедры экономики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор

Чубинская-Надеждина С. В. — доцент кафедры экономики ФЭФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент

Шепелева С. В. — доцент кафедры правоведения ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Шишкин В. В. — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, профессор кафедры общественных наук СЗИУ РАНХиГС, доктор исторических наук, доцент

Шматко А. Д. — директор ФГБУН «Институт проблем региональной экономики Российской академии наук», доктор экономических наук, профессор, профессор Российской академии образования, почетный работник науки и высоких технологий РФ

Журнал: <https://www.nxtjournal.ru>.

Адрес редакции:

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61, тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10.

E-mail: stud_editor-sziu@ranepa.ru.

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-82820 от 18 февраля 2022 г. («Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / «Novelty. Experiment. Traditions» (N.Ex.T))

(С 2014 по 2021 г. журнал выпускался под названием «Administrative Consulting», свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-59415 от 22 сентября 2014 г.)

ISSN 2949-3625 (для «Новизна. Эксперимент. Традиции»), ISSN 2713-3230 (для «Administrative Consulting»). Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на «Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / «Novelty. Experiment. Traditions» (N.Ex.T) обязательна.

Статьи размещаются в Научной электронной библиотеке, доступной по адресу: <http://elibrary.ru>.

@ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023

@ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023

@ Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Гундори́на А. А. Развитие концепции секьюритизации как результат кризиса глобальной безопасности в XXI веке Научный руководитель: Баранов Н. А. , д-р полит. наук, профессор	6
2.	Дамшин М. В. Александр Михайлович Горчаков: Российская империя до и после* Научный руководитель: Лушин Александр Иванович , д-р ист. наук	15
3.	Задворнев Д. В. Особенности и тренды Евразийской интеграции в условиях формирования многополярного мира Научный руководитель: Мисько Олег Николаевич , д-р экон. наук, доцент	22
4.	Коновалов Д. С. Государственно-частное партнерство как инструмент решения инфраструктурных проблем региона (на примере ГЧП-проектов Санкт-Петербурга) Научный руководитель: Шаулова Татьяна Владимировна , канд. социол. наук	29
5.	Маркосян А.Р. Административная ответственность лиц, передвигающихся на средствах индивидуальной мобильности Научный руководитель: Соловьева Анна Константиновна , канд. юрид. наук, доцент	40
6.	Савельчев Л. А. Высшее образование как ресурс «мягкой силы» России в новых геополитических условиях Часть I: литературный обзор и постановка проблемы**.* **	48
7.	Серго Г. Д., Емцова Н. В. Специфика устного перевода публичного политического выступления с немецкого языка на русский язык Научный руководитель: Радин Алексей Михайлович , д-р филол. наук, доцент	56
8.	Смирнова А. С. Проблемы правового регулирования франчайзинга в России****	63
9.	Черявко Е. Д. Использование цифровых технологий организованной преступностью Научный руководитель: Майборода Эльвира Тагировна , канд. философ. наук, доцент	68
10.	Шамсутдинов Т. А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности на рубеже XIX–XX вв. и в настоящее время*****	76
11.	Щеглова А. К. Историко-правовые проблемы реализации концепции «судебной столицы» в Санкт-Петербурге Научный руководитель: Копятина Гульнара Николаевна	85

* Статья подготовлена по итогам IV Международной научно-практической конференции по вопросам государственного управления и общественного развития «Горчаковские чтения — 2022».

** Статья подготовлена на основе исследовательской работы, результаты которой были апробированы в ходе участия в конкурсе студенческих работ по политологии имени Макса Вебера СЗИУ РАНХиГС в 2022–2023 уч. году, по итогам которого автор занял 1-е место в секции «Международные отношения» (28 апреля 2023 г.).

*** Данная статья будет опубликована в двух частях: в первой части автором проведен анализ литературных источников и поставлена проблема, в свою очередь во второй части автор представит основные результаты и выводы эмпирического анализа на примере российского кейса.

**** Статья подготовлена по итогам XIV Апрельской конференции СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург).

***** Статья подготовлена по итогам научно-практической конференции «Государственное управление на рубеже XIX–XX вв. Опыт реформаторства С. Ю. Витте», состоявшейся 28 октября 2022 г. в СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург).

CONTENTS

1.	Alina A. Gundorina The Development of the Concept of Securitization as a Response to the Global Security Crisis in the XXI Century Academic Supervisor: Nikolay A. Baranov , Doctor of Science (Political Sciences), Professor	6
2.	Maxim V. Damshin Alexander Mikhailovich Gorchakov: The Russian Empire Before and After* Academic Supervisor: Alexander I. Lushin , Doctor of Science (Historical), Professor	15
3.	Daniil V. Zadvornev Specific Features and Trends of Eurasian Integration under the Conditions of Multipolar World Formation Academic Supervisor: Oleg N. Misko , Doctor of Economics, Associate Professor	22
4.	Denis S. Konovalov Public-private Partnership as a Tool for Solving Infrastructure Problems in the Region (on the Example of PPP Projects in St. Petersburg) Academic Supervisor: Tatiana V. Shaulova , PhD of Sociological Sciences.....	29
5.	Anastasia R. Markosyan Administrative Responsibility of Persons Traveling by Means of Individual Mobility Academic Supervisor: Anna K. Soloveva , PhD in Jurisprudence, Associate Professor	40
6.	Leonid A. Savelchev Higher Education as a Resource of Russia’s “Soft Power” under the New Geopolitical Conditions. Part 1: Literature Review and Problem Statement**, ***	48
7.	Gleb D. Sergo, Nina V. Yemtsova The Specifics of Interpretation of a Political Public Speech from German into Russian Academic Supervisor: Aleksey M. Radin , Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor.....	56
8.	Alina S. Smirnova Problems of Legal Regulation of Franchising in Russia****	63
9.	Evgeny J. Cheryavko Use of Digital Technologies by Organized Criminals Academic Supervisor: Mayboroda Elvira Tagirovna , PhD in Philosophy, Associate Professor	68
10.	Timir A. Shamsutdinov State Regulation of Entrepreneurial Activity at the Turn of the XIX–XX Centuries and at the Present Time*****	76
11.	Anna K. Shcheglova Historical and Legal Issues of Implementing the “Judicial Capital” Concept in St. Petersburg Academic Supervisor: Gulnara N. Kopyatina	85

* The article was prepared based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference on Public Administration and Social Development “Gorchakov Readings 2022”, held on November 24, 2022 at the RANEPА NWIM (Saint Petersburg).

** The article was prepared on the basis of a research paper, the results of which were tested during participation in the Max Weber competition of student papers in political science of the RANEPА in 2022-2023 academic year, according to which the author took 1st place in the section “International Relations” (April 28, 2023).

*** This article will be published in two parts: in the first In the second part, the author analyzes literary sources and poses a problem, in turn, in the second part, the author will present the main results and conclusions of the empirical analysis on the example of the Russian case.

**** The article was prepared based on the results of the XIV April RANEPА Conference (St. Petersburg).

***** The article was prepared based on the results of the scientific and practical conference “Public Administration at the Turn of the XIX–XX Centuries. The Experience of S. Yu. Witte’s Reformism”, held on October 28, 2022 at the NWIM RANEPА (Saint Petersburg).

Развитие концепции секьюритизации как результат кризиса глобальной безопасности в XXI веке

Гундорина Алина Александровна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет международных отношений и политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студентка 4-го курса бакалавриата; e-mail: alina_gundorina@mail.ru.

Научный руководитель:

Баранов Николай Алексеевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра международных отношений (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор политических наук, профессор; e-mail: baranov-na@ranepa.ru.

Аннотация

В данной статье исследуется распространение концепции секьюритизации на фоне глубинных трансформаций в системе международных отношений. Цель статьи: выявить взаимосвязь между развитием концепции секьюритизации и изменениями системы глобальной безопасности в XXI в. В рамках данного исследования автор решал две основные задачи: показать субъективный характер секьюритизации, которая конструирует основные элементы безопасности; установить связь распространения секьюритизации с трансформацией системы глобальной безопасности. Объектом исследования является глобальная безопасность, а предметом — концепция секьюритизации, как реакция на проблемы глобальной безопасности в XXI в. Для исследования процесса секьюритизации использовался анализ речевых актов, раскрывающих коллективные представления международных акторов о глобальной безопасности.

На основе изучения стратегий национальной безопасности ведущих мировых держав высказывается предположение, что в силу субъективности (интерсубъективности) процесса секьюритизации, значительных возможностей манипулятивного влияния на аудиторию спектр угроз глобальной безопасности может конструироваться на основе национальных интересов сильнейших международных акторов. Все резкие смены спектра угроз глобальной безопасности можно объяснить изменениями политического и социально-экономического контекста.

Ключевые слова: глобальная безопасность, секьюритизация, угрозы, политические акторы, манипуляция, национальные интересы.

The Development of the Concept of Securitization as a Response to the Global Security Crisis in the XXI Century

Alina A. Gundorina, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of International Relations and Politics (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student; e-mail: alina_gundorina@mail.ru.

Academic Supervisor:

Nikolay A. Baranov, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of International Relations (Saint Petersburg, Russian Federation)

Doctor of Science (Political Sciences), Professor; e-mail: baranov-na@ranepa.ru.

Abstract

This article explores the dissemination of the concept of securitization in the context of profound transformations in the system of international relations. The goal of the article consists in identifying the interrelation between the development of the concept of securitization and the transformations in the system of global security in the 21st century. Within the framework of this study the author addresses two major objectives: to show the subjective nature of securitization constructing the core elements of security; to establish the connection between the spread of securitization and the transformation of the system of global security. The object of the study is global security, and the subject is the concept of securitization as a response to the problems of global security in the XXI century. To investigate the process of securitization the author employs the analysis of speech acts revealing international actors' collective perceptions of global security. Building on the research into the national security strategies of the leading world powers, it is suggested that due to the subjectivity (intersubjectivity) of the securitization process, and the significant opportunities for the manipulative influence on the audience, the spectrum of threats to global security can be constructed based on national interests of the strongest international actors. All abrupt transformations in the spectrum of threats to global security could be accounted for by the changes in the political and socio-economic context.

Keywords: global security, securitization, threats, political actors, manipulation, national interests.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения в системе международных отношений к концу XX в. вызвали дискуссию о появлении новых угроз глобальной безопасности. В условиях кратковременного ослабления военных угроз в мире внимание ученых оказалось сосредоточено на изучении невоенных аспектов безопасности. Происходит трансформация понятия глобальной безопасности, которая еще не завершена [8]. Расцвет секьюритизации пришелся на окончание холодной войны, когда формально обеспечение глобальной безопасности должно было упроститься, однако этого не произошло. Секьюритизация глобальной безопасности побуждает правительства стран мира тратить значительные ресурсы на устранение новых вызовов и угроз.

Проведенное исследование основывается на методологии социального конструктивизма, основоположником которого применительно к международным отношениям стал американский ученый Николас Онуф, опубликовавший книгу «Мир, который мы создаем» [10]. Николас Онуф полагает, что историей движет акт конструирования, в который вовлечены люди и общество. В рамках конструктивистского подхода концепцию секьюритизации предлагается рассматривать как социальную теорию, которая актуализирует значимые аспекты международных отношений, формируемые не только материальными, но и идеационными факторами, сконструированными исторически и социально [4].

Источниками исследования выбраны стратегии национальной безопасности основных мировых или региональных держав, чья политика безопасности определяет специфику понимания глобальной безопасности: США — National Security Strategy (2022), ЕС — A Strategic Compass for Security and Defence (2022), Россия — «Стратегии национальной безопасности РФ» (2021). Текст стратегий исследовался методом количественного контент-анализа. В общей сложности в исследовании было использовано 20 лексических единиц, которые показывают роль и место новых угроз в безопасности мировых держав. В общей сложности в текстах разных источников было обнаружено от 270 до 450 отобранных лексических единиц. Предполагается, что увеличение частоты встречаемости

знаковых лексических единиц может указывать на возрастание роли определенных угроз и вызовов в стратегиях безопасности мировых держав, что автоматически проецируется на глобальную безопасность.

КОНЦЕПЦИЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

В мире сформировалось несколько научных центров, где развивалась концепция секьюритизации (Копенгагенская школа международных отношений и Парижская школа исследований безопасности [7, с. 494–531]). Признавая различия между школами, следует обратить внимание на почти синхронный интерес большой группы исследователей к новым способам обоснования безопасности и идентификации угроз. Интерес к концепции секьюритизации был обусловлен масштабными сдвигами в глобальной системе международных отношений и безопасности, которые фиксировались в 1980–1990-х гг. и не вызывают сомнений.

В понимании теоретиков изучаемой концепции, секьюритизация — это процесс трансформации обычных (нормативных) политических вопросов в проблемы «безопасности», позволяющие государственным субъектам использовать экстраординарные инструменты [8, с. 25]. Следует обратить внимание на то, что секьюритизация переводит нормативные вопросы в проблемные.

Барри Бузан и Оле Вэйвер утверждают, что безопасность выводит политику за рамки установленных правил и рассматривает проблему либо как особый вид политики, либо выше нее. По мнению названных авторов, секьюритизацию можно считать более экстремальной версией политизации безопасности, и они предполагают, что вопросы безопасности могут быть классифицированы как неполитизированные, политизированные или секьюритизированные [8, с. 37].

В рамках секьюритизации любой объект может представляться в качестве проблемы безопасности и рассматривается как угроза. Для этого требуется идентифицировать референтный объект, находящийся под угрозой (явной или мнимой) и за счет усилий агента секьюритизации убедить функциональный субъект и аудиторию в появлении новых угроз безопасности, что позволит принимать чрезвычайные меры и получать доступ к дополнительным ресурсам.

Для понимания секьюритизации важен контекст, в котором она происходит. В формулировке Б. Бузана контекст представляется в двух формах: связан с секторами (политическим, военным, социальным и т. д.) и относится к конкретным «условиям, исторически связанным с угрозой» [8, с. 31]. То есть секьюритизация вытекает из конкретных социально-экономических и культурно-исторических условий. В этой связи имеет смысл рассматривать развитие концепции секьюритизации в контексте происходивших трансформаций в системе глобальной безопасности последних нескольких десятилетий.

Секьюритизация является объектом социальной конструкции. Проблема обозначается как вопрос безопасности и воспринимается аудиторией как угроза на основании заявления (речевого акта), сделанного агентами по секьюритизации, которые играют фундаментальную роль во всем процессе. В сфере обеспечения безопасности складывались ситуации, когда если что-то обозначалось как проблема глобальной безопасности, то оно получало абсолютный приоритет в государственной политике.

Секьюритизация концептуализируется как событие речевого акта (то есть субъективное) и результат согласованного (то есть intersubjectивного) действия субъектами секьюритизации, убеждающих соответствующую аудиторию [7, с. 494–531].

Проблема становится секьюритизированной, когда аудитория коллективно соглашается с характером угрозы и поддерживает принятие чрезвычайных мер. Если аудитория

отвергает речевой акт, это представляет собой только секьюритизирующий ход, а секьюритизации не происходит. В этом отношении концентрация внимания на аудитории и на процессе ее убеждения требует значительно большего, чем просто информировать о безопасности. Секьюритизация предполагает активную работу с гражданами, по их убеждению, формированию нужных позиций, что неизбежно влечет манипуляцию массовым сознанием [9]. То есть с этим связан успех мер по секьюритизации, следовательно, успешная секьюритизация зависит не от принятия экстраординарных мер, а от признания аудиторией угрозы безопасности, тогда она сама потребует принятия этих мер.

О. С. Гайдаев полагает, что теория секьюритизации определяет безопасность как форму дискурсивной практики. То есть границы безопасности устанавливаются не объективными факторами, а в процессе дискуссии и убеждения целевых аудиторий [2, с. 20–32; 1, с. 7–27]. «В процессе секьюритизации определяется, какие угрозы носят характер экзистенциальной опасности, требуют принятия неотложных мер и проведения политики особого рода. При этом, в отличие от традиционных подходов, оценка реальности той или иной угрозы зависит не столько от объективных факторов, сколько от политического выбора, результата действий политических акторов» [2, с. 21].

Таким образом, секьюритизация тесно связана с возможностями влияния политического актора, который лоббирует свои идеи. Показательно, что период расцвета концепции секьюритизации пришелся на распространение американской модели демократии и системы либеральных ценностей. Создались условия, когда небольшая группа стран, прежде всего США, имели мощное влияние на систему глобальной безопасности, фактически назначая новые угрозы и распределяя их приоритетность.

НОВЫЕ УГРОЗЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В широком понимании глобальная безопасность представляет собой особую систему международных отношений, где субъекты придерживаются общепризнанных принципов и норм международного права, исключающих решение конфликтов за счет силы или создания угроз [3, с. 230]. Встраивание подобной системы к концу XX в. стало возможным благодаря формированию однополярного мира с единым гегемоном, который определял и отстаивал удобные для себя нормы глобальной безопасности.

Разрушение баланса сил между международными акторами попытались компенсировать развитием разных форм экономического взаимодействия между странами и искусственным насаждением либерализма и общих ценностей. Защита этих элементов требовала пересмотра традиционного подхода к безопасности. Начался поиск новых угроз международной безопасности, при этом полностью не были устранены традиционные. В результате глобальная безопасность как понятие и как явление в начале XXI в. приобрела новые формы. Сформировались новые программы безопасности (например, формат «Россия — НАТО»), новые проявления безопасности (например, концепция «принуждения к миру») и новые правила игры для политики безопасности государств (следование политике США под угрозой силового давления).

Интерес мирового гегемона в системе глобальной безопасности с военной сферы сместился в экономическую, социальную и политическую. В стратегии национальной безопасности Дж. Буша — младшего декларируется, что «великая борьба XX в. между свободой и тоталитаризмом закончилась решающей победой сил свободы и единой устойчивой моделью национального успеха»¹. В стратегии большое внимание уделяется

¹ The National Security Strategy of the United States of America. The White House, September 17, 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (дата обращения: 27.04.2023).

угрозам политической и экономической безопасности. Белый дом актуализирует группу новых угроз и заявляет, что будет «защищать мир, сражаясь с террористами и тиранами». В систему международной политики вводится новая угроза безопасности — глобальный терроризм, борьба с которым объявляется войной. В документе заявлено, что Соединенные Штаты Америки ведут войну против террористов глобального масштаба².

Терроризм будет называться в числе приоритетных угроз глобальной безопасности США и других стран вплоть до 2022 г., когда как угроза он будет отмечен в новой стратегии национальной безопасности США³.

Изменения концепции секьюритизации стали результатом очередного изменения системы международных отношений. Показательно, что в 2021 г. Дж. Байден во временном руководстве по национальной безопасности США написал: «Наш мир находится в точке изменений. Глобальная динамика изменилась. Новые кризисы требуют нашего внимания»⁴. Среди угроз глобальной безопасности в документе называются: пандемия, изменения климата, информационные угрозы (киберпреступления), международные кризисы, системный расизм, трансграничная агрессия и др. Названные угрозы подтверждены и расширены в новой стратегии национальной безопасности 2022 г., где появляется описание угроз продовольственной, технологической, компьютерной безопасности. Обозначен перечень угроз в сфере торговли и экономики: «Процветание Америки также зависит от справедливой и открытой торговли и международной экономической системы. Соединенные Штаты уже давно извлекают выгоду из способности международной торговли способствовать глобальному экономическому росту...»⁵.

В современных стратегиях национальной безопасности широко используются слова и выражения, относящиеся к экономике. В стратегии США в 126 случаях фиксируется использование выражений, образованных от слова «экономика». В стратегии России выявлено 107 случаев. Американские идеологии заявляют, что они будут работать над созданием международной экономической системы, соответствующей современным реалиям с сохранением экономического доминирования США. Слова образованы от понятия «инвестиции» часто встречаются в стратегии США (67 раз) и ЕС (29 раз). Укрепление мощи США через инвестиции предусмотрено и не в военных сферах. В рамках реализации «зеленой политики» США декларируют, что инвестируют более 2 млрд долл., чтобы полностью использовать потенциал биотехнологий и биомедицинского производства, создать рабочие места, укрепить цепочки поставок. «Инновации» получили распространение в стратегиях национальной безопасности, как в контексте наращивания военно-технического превосходства, так и в поддержании экономического лидерства. В стратегии США слова, образованные от понятия «инновации», встречаются 32 раза, в стратегии ЕС — 19 раз. В стратегических документах РФ и КНР — 14 и 10 раз соответственно.

Происходит смешение экономических интересов государств и безопасности. Важными атрибутами безопасности признаются: финансовая система, инвестиции, инновации, технологии, промышленный рост. Экономические угрозы и риски стали неотъемлемой частью системы национальной безопасности крупных международных держав. Экономический потенциал называется частью военного потенциала стран, военные инструменты используются для обеспечения экономической безопасности. В стратегиях глобальных

² Там же.

³ National Security Strategy 2022. The White House, October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

⁵ National Security Strategy 2022. The White House, October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

держав военные и экономические (невоенные) аспекты безопасности неразделимы. Очевидные экономические проблемы и интересы государств подаются через призму обеспечения национальной и даже военной безопасности.

К новым угрозам в стратегии отнесена милитаризация космоса. Заявлено, что космос — сфера, «которую необходимо защищать». Можно предполагать появление нового направления международной безопасности — космическая безопасность. В стратегии национальной безопасности США 2022 г. предлагается интеграция безопасности в разных областях, военной (наземной, воздушной, морской, кибернетической и космической) и невоенной (экономической, технологической и информационной). Больше распространение в национальных стратегиях мировых держав получил термин кибербезопасность (и лексические единицы с ней связанные: кибератака, киберугроза и пр.). В российском стратегическом документе лексическая единица выявлена 21 раз, в документе ЕС 46 раз, США — 10 раз.

Другим показательным моментом является появление в стратегии безопасности США среди глобальных угроз «международного соперничества», которое называется главным вызовом демократического мира. В стратегии 2022 г. используются понятия геополитической конкуренции, стратегической конкуренции. В группу подобных угроз США включили: «антагонистические авторитарные державы», дезинформацию антидемократических сил, продвижение «альтернативной модели авторитарного управления» и др.

Формирование конкретных угроз безопасности в стратегии США происходит с явным учетом национальных интересов на субъективной основе. Угрозы для национальной безопасности США смещаются в экономическую и информационно-идеологическую сферы. Для сохранения своего лидирующего положения в системе международных отношений американская экономика должна стабильно развиваться. Конкретные угрозы (терроризм, кибербезопасность, конкуренция «ревизионистских держав») для безопасности США остаются важными, но представляются американскими политиками как второстепенные, проявляющиеся на фоне проблем американской модели экономики и политики. Безопасность Вашингтон пытается представить как интеграцию двух систем: военной и невоенной: «...Мы решим двойные задачи нашего времени: превзойдем наших конкурентов в формировании международного порядка, одновременно решая общие проблемы, включая изменение климата, готовность к пандемиям и продовольственную безопасность, которые определяют следующий этап человеческой истории»⁶.

Современная европейская политика безопасности определяет глобальные угрозы на основе своих интересов. Среди ключевых угроз называются следующие: миграция, Brexit (выход Великобритании из ЕС оформлен в 2020 г.), дезинформация и кибербезопасность, неравенство, терроризм. Из представленного списка угроз безопасности в документе ЕС видно, что все они относятся к политической и социальной сферам. Все из описанных в документе угроз стали актуальными для ЕС в последние годы. Степень их опасности разная для стран Союза, но процесс их секьюритизации является очевидным. В 2022 г. европейская оборонная стратегия «Стратегический компас» определила наличие угроз в пяти сферах: наземной, морской, воздушной, космической и кибернетической. Несмотря на то, что стратегия военная, в ней названы такие угрозы безопасности, как политическая нестабильность у границ ЕС, терроризм и экстремизм, распространение оружия массового поражения, гибридные, кибернетические и информационные угрозы, изменение климата и природные бедствия, кризис в здравоохранении⁷.

⁶ National Security Strategy 2022. The White House, October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

⁷ A Strategic Compass for Security and Defence. The Diplomatic Service of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en (дата обращения: 27.04.2023).

Не вызывает сомнений расширение сфер безопасности, проявившееся в последнее десятилетие. Представители Копенгагенской школы ввели в научный оборот новые категории концепции: политическую, экономическую, социальную и экологическую безопасность. Расширение концепции безопасности за пределы военного сектора и за пределы государства как единственного действующего лица позволило идентифицировать новые референтные объекты, такие как национальный суверенитет (политическая безопасность), национальные экономики (экономическая безопасность), коллективные идентичности (социальная безопасность) и среды обитания (экологическая безопасность) [8, с. 32].

В каждом секторе конкретная угроза артикулируется как угроза референтному объекту. Например, в социальном секторе референтным объектом в последние десятилетия стала национальная идентичность, система ценностей, в политическом — демократия и права человека, а в экологическом секторе — изменения климата.

В стратегии национальной безопасности России в пункте 26 среди приоритетов, кроме военной безопасности, выделены: государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность; духовно-нравственная безопасность⁸. Уже в общих положениях Стратегии обозначен широкий взгляд российского государства на безопасность, объявлен курс «на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала...»⁹. Среди девяти задач защиты национальных интересов России только один прямо связан с военными угрозами, остальные являются ответом на угрозы в демографической, политической, информационной, экономической, культурной, экологической сферах.

Следует указать, что большинство ученых и политиков приняли подход с выделением новых угроз безопасности и расширили его на идеологическую, информационную, демографическую, культурную и прочие сферы. Например, в монографии «Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации» авторы выделяют вызовы и угрозы безопасности России в 15 сферах: международная, политическая, экономическая, военная, оборонно-промышленная, информационная, социальная, транспортная, энергетическая, экологическая, культурная, духовно-нравственная, образовательная, охраны здоровья, демографическая [6, с. 3].

В статьях российских авторов после начала СВО в обеспечении глобальной безопасности военно-политический потенциал дополняется другими обязательными элементами: военно-техническое превосходство, экономический и финансовый потенциал, военно-политические факторы, технологическая обеспеченность, политическая стабильность, свободная торговля. Таким образом, в условиях возрастания военной напряженности концепция безопасности быстро проецируется на невоенные сферы [5, с. 5–15].

ВЫВОДЫ

Из теории секьюритизации известно, что субъект должен убедить соответствующую аудиторию (например, общество политиков или военных офицеров) в том, что конкретный референтный объект действительно находится в существенной опасности. Именно тогда аудитория признает, что для устранения угрозы могут быть приняты чрезвычай-

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 27.04.2023).

⁹ Там же.

ные политические меры. На этом этапе возможны манипуляции и изменение мнений нужным субъекту образом. То есть успех мер по секьюритизации по-прежнему в значительной степени зависит от признания аудиторией угрозы безопасности. В этих условиях информационная и идеологическая составляющие безопасности становятся ключевыми для защиты от новых угроз. В условиях, когда международные субъекты имеют разные возможности влияния на международную аудиторию, наиболее сильные акторы получают преимущество и могут определять новые угрозы глобальной безопасности, выгодные им. В этом заключается слабость теории секьюритизации. Успешная секьюритизация помещает «безопасность» в исключительную сферу, наделяя участников секьюритизации (номинально государства) властью решать, когда следует приостановить действие демократических рамок и манипулировать населением.

В стратегических документах многих стран большое внимание уделено гибридным угрозам безопасности, роль которых постоянно возрастает и которые с каждым годом становятся все сложнее и содержательнее. Происходит гибридизация угроз, когда военные угрозы описываются в терминах экономики, социологии и информационных систем, а невоенные угрозы получают значение военных и воспринимаются соответствующим образом.

Подводя итог, можно сказать, что теория секьюритизации получила импульс развития на фоне начавшегося процесса трансформации системы международных отношений. Развитие концепции секьюритизации стало ответом на ослабление военных угроз безопасности к концу XX в. и переносу внимания на новые типы угроз, к которым предлагалось применять прежний (военный) подход с принятием чрезвычайных мер и полномочий.

Секьюритизация в международных отношениях приводит к тому, что глобальные акторы определяют угрозы национальной безопасности на основе субъективных, а не объективных оценок предполагаемой опасности.

Явная слабость однополярной модели проявилась уже в начале XXI в. и была связана с нехваткой факторов, ограничивающих интересы гегемона, которые становятся очень обширными, что приводит к дефициту ресурсов для поддержания глобальной безопасности. Результатом стало смещение внимания в сферы безопасности общества и экономики. Начало процесса перехода к многополярной модели мироустройства (несколько систем региональных безопасностей, где представлен один сильный актор в своем регионе) принципиальным образом изменило контекст и саму секьюритизацию.

Теория секьюритизации показывает, что безопасность не является естественной данностью, а определяется и успешно конструируется политиками и лицами, принимающими управленческие решения с учетом конкретного контекста и своих национальных интересов. При таком подходе возрастает роль инструментов манипуляции аудиторией, интересы одних агентов начинают преобладать над другими, нарушается принцип равенства и баланса сил. В результате проблемы глобальной безопасности не решаются, а усложняются. То есть концепция секьюритизации не способствует достижению устойчивой безопасности.

Литература

1. *Гайдаев О. С.* «Осторожно, безопасность!» Теория (ин) секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности. Вестник МГИМО-Университета, 2022. № 15 (1). С. 7–37.
2. *Гайдаев О. С.* Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.

3. *Канунникова Н. Г.* Современные вызовы и угрозы международной безопасности. Социально-политические науки, 2018. № 6. С. 230–232.
4. *Лошкарев И. Д.* Международно-политическая мысль: от истоков к современности / под ред. Т. А. Алексеевой. М.: Аспект Пресс, 2021. 288 с.
5. *Подберезкин А. И.* Государственная стратегия безопасности России после февраля 2022 года. Обозреватель, 2022. № 5–6. С. 5–15.
6. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общей ред. А. С. Коржевского. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 562 с.
7. *Balzacq T., Leonard S., Ruzicka J.* Securitization revisited: theory and cases. International Relations, 2016. № 30 (4). P. 494–531.
8. *Buzan B., De Wilde J., Waever O.* Security: A New Framework for Analysis. L.: Lynne-Rienner Publishers, 1998. 239 p.
9. *Buzan B., Hansen L.* The Evolution of International Security Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 p.
10. *Onuf N. G.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina, 1989. 352 p.

Александр Михайлович Горчаков: Российская империя до и после*

Дамшин Максим Владимирович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет государственного и муниципального управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 2-го курса бакалавриата; e-mail: max3335557@mail.ru.

Научный руководитель:

Лушин Александр Иванович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра государственного и муниципального управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

профессор кафедры, доктор исторических наук, профессор;

e-mail: lushin-ai@ranepa.ru.

Аннотация

Статья посвящена изучению социально-экономического и политического положения Российской империи в период деятельности министра иностранных дел канцлера Александра Михайловича Горчакова. Оценивается внешне- и внутривластная ситуация, проводится анализ особенностей исторического периода в начале работы А. М. Горчакова в качестве министра иностранных дел и к окончанию его дипломатической карьеры. Рассматриваются основные исторические события правления Александра II. Читатели узнают о международной обстановке и балансе сил, становлении А. М. Горчакова как дипломата и его сотрудничестве с Отто фон Бисмарком, а также о территориальных изменениях в Европе и их причинах.

На сегодняшний день это исследование является актуальным, поскольку дипломатический успех во многом обеспечивается знанием исторических событий, пониманием истинного происхождения выявленных противоречий. Богатейший опыт министерства Горчакова, добившегося принятия столь значимых для страны решений дипломатическим путем, позволяет проанализировать международные успехи, понять стратегию, которая привела к успешным результатам.

Ключевые слова: А. М. Горчаков, Александр II, международные отношения, Отто фон Бисмарк, Российская империя, международная политика России в XIX в., деятельность Горчакова, Парижский мирный договор.

Alexander Mikhailovich Gorchakov: The Russian Empire before and after**

Maxim V. Damshin, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; of the Faculty of Public and Municipal Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student 2nd year;

e-mail: max3335557@mail.ru.

* Статья подготовлена по итогам IV Международной научно-практической конференции по вопросам государственного управления и общественного развития «Горчаковские чтения — 2022», состоявшейся 24 ноября 2022 г. в СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург).

** The article was prepared based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference on Public Administration and Social Development “Gorchakov Readings 2022”, held on November 24, 2022 at the RANEPa NWIM (Saint Petersburg).

Academic Supervisor:

Alexander I. Lushin, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy, and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of Public and Municipal Administration (Saint Petersburg, Russian Federation) *Professor of the Department, Doctor of Science (Historical), Professor;*
e-mail: lushin-ai@ranepa.ru.

Abstract

The article is devoted to the study of the socio-economic and political situation of the Russian Empire during the period of activity of the Minister of Foreign Affairs, Chancellor Alexander Mikhailovich Gorchakov. The external and internal political situation is assessed, an analysis is made of the features of the historical period at the beginning of the work of A. M. Gorchakov as Minister of Foreign Affairs and to the end of his diplomatic career. The main historical events of the reign of Alexander II are considered. Readers will learn about the international situation and the balance of power, the formation of A. M. Gorchakov as a diplomat and his collaboration with Otto von Bismarck, as well as territorial changes in Europe and their causes.

Today, this study is relevant, since diplomatic success is largely ensured by knowledge of historical events, an understanding of the true origin of the identified contradictions. The rich experience of the Gorchakov Ministry, which achieved the adoption of such significant decisions for the country through diplomacy, allows us to analyze international successes and understand the strategy that led to successful results.

Keywords: A. M. Gorchakov, Alexander II, international relations, Otto von Bismarck, Russian Empire, Russia's foreign policy in the 19th century, Gorchakov's activities, Paris Peace Treaty.

ВВЕДЕНИЕ

Будущего канцлера и министра иностранных дел, а в то время — ученика лицея, Александр Сергеевич Пушкин называл «философ и шалун». Александр Михайлович Горчаков с ранних лет обладал аристократическими чертами и светскими манерами, отлично знал литературу, и его с успехом принимали в салонах. После выпуска из лицея отправился за границу получать практический дипломатический опыт, побывал в Лондоне, Вене, Флоренции, Риме, постепенно продвигаясь по карьерной лестнице, и в 1838 г. получил звание *камергера*. Затем он работал во Франкфурте, где познакомился с Отто фон Бисмарком. Эти дружеские связи, а также выдающиеся дипломатические способности впоследствии позволили Александру Михайловичу проводить успешную политику с Пруссией.

Одним из главных достижений дипломата стал разрыв Парижского мирного договора в 1871 г. Кроме того, при Горчакове были выстроены многочисленные связи с государствами всех регионов, возвращены утраченные ранее российские земли, повышен престиж страны на международной арене, обеспечена внешняя безопасность. Однако к назначению будущего канцлера в Министерство иностранных дел российская внешняя политика находилась в фактически бедственном положении.

В этом исследовании мы проанализируем положение Российской империи в мировой иерархии к началу работы Александра Михайловича в качестве министра иностранных дел и к окончанию его дипломатической карьеры, а также изучим его влияние на развитие страны и политические решения в период руководства Министерством.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Государственные доходы росли минимальными темпами. Период неурожайных лет и гнет крепостного права не позволяли стране осуществить какой-либо серьезное развитие. Внешняя политика николаевского времени скорее мешала построению новых международных отношений, чем обеспечивала выгоды для России. Военный престиж страны в конце сороковых годов уже не соответствовал действительности: вооружение наших войск не могло идти ни в какое сравнение с вооружением европейских армий (от ружей до артиллерии). Боевые генералы (Ермолов, Муравьев) находились в опале вследствие того, что выражали открытое недовольство армейским положением [7]. Это шло вразрез с официальной политикой: Россия по опыту предыдущих кампаний должна была считаться государством военным с замечательной боеспособной армией и блестящими руководителями. Однако во главе армии стояли по большей части чиновники, часто совершенно не способные к управлению в этой сфере. Кроме того, накладывалось почти полное отсутствие каких-либо благоустроенных путей сообщения между войсками. Имело значение отсутствие парового флота, который уже начали поставлять на вооружение в Европе.

Расстроенное положение финансов вполне соответствовало слабому экономическому развитию. Единственным ресурсом финансирования войны оставался лишь экстенсивный выпуск дополнительных бумажных денежных знаков, который требовал серьезных усилий со стороны казначейской администрации. Финансовая составляющая в Российской империи существовала волнообразно, чередуя кризисы с подъемами, что не способствовало стабильности и в иных сферах управления. Лавинообразно рос государственный долг [7].

Для императора причина бедственного положения страны виделась во вреде либеральных взглядов и учений, господствовавших в то время в Европе. Сочинения французских философов волновали российскую общественность и захватывали просвещенные умы, заставляя задумываться об основах государственного строя и права, а не о следовании незыблемым основам [9].

Крымская кампания отрицательно повлияла на финансово-экономическую систему России. Черноморский флот был затоплен, было проиграно три генеральных сражения. Несмотря на мужество наших войск и героическую защиту Севастополя, ошибки командного состава привели к самым плачевным результатам. Был подписан Парижский трактат, по которому Россия теряла часть территорий в Азии и обязывалась не иметь военный флот на Черном море.

Поражение России в Крымской войне обнаружило существенные недостатки в организации государственного управления. Так, Министерство иностранных дел при Николае оказалось фактически не участвующим в принятии важных внешнеполитических решений. Канцлер Нессельроде, руководивший ведомством, не выражал участия в делах: это был закат его карьеры. После окончания войны он был отправлен в отставку, а на его место новый император назначил Александра Михайловича Горчакова.

СТАНОВЛЕНИЕ А. М. ГОРЧАКОВА КАК ДИПЛОМАТА

Если после поражения в войне представить тяжесть общего положения России еще возможно, то падение значимости Министерства иностранных дел являлось поистине невероятным. Нессельроде перед выходом в отставку даже заявлял о необходимости упразднения Министерства, поскольку страна потеряла всякие международные связи и не имела каких-либо внешнеполитических претензий. Действительностью стала изоляция России и некоторые воспоминания о былой международной значимости. Горчаков взялся за работу.

Основной задачей внешней политики России являлось восстановление утраченных позиций. Прежде всего был изменен процесс принятия решений по международным вопросам. Союз между Горчаковым и императором, как двух образованных, мыслящих и переживающих за судьбу России деятелей, вскоре принес свои первые результаты. Их совместная работа, в отличие от достаточно авторитарного взаимодействия предыдущего самодержца с МИДом, базировалась на диалоге и учете взаимных пожеланий, что способствовало выработке лучших решений внешнеполитических вопросов. Механизм принятия таких решений стал в большей степени коллегиальным. Важные дела, требовавшие согласования ряда ведомств, решались на особых совещаниях у царя и в специальных комитетах.

Затем Александр Михайлович приступил к формированию посольского штата. Многие чиновники, оставшиеся в Министерстве еще со времен предыдущего руководителя, заявляли, «нам дела нет до России, у нас есть император». Проведя чистку ведомства и назначив на должности людей, чьей главной задачей являлось соблюдение национальных интересов России, Горчаков подготовил Министерство к работе по повышению международного авторитета страны и восстановлению ее позиций. Было расширено дипломатическое представительство России в регионах, где происходили территориальные изменения, а также там, где расширялись торгово-экономические связи нашей страны.

Таким образом, Горчаков выстроил систему дипломатических связей, которая учитывала и мнение императора, и депеши послов в регионах. Принятые решения вкупе с проницательностью министра позволили получать актуальную информацию об интересах других государств и их планах, что в дальнейшем принесло России существенную пользу, в частности при подготовке к отмене Парижского договора.

СОТРУДНИЧЕСТВО С «ЖЕЛЕЗНЫМ КАНЦЛЕРОМ»

После Крымской войны проводимая Пруссией политика по сдерживанию Австрии вполне соответствовала российским внешнеполитическим задачам. Австрия, занявшая недружественный нейтралитет во время войны с Коалицией, претендовала на дальнейшую эскалацию отношений с Россией, и нашей стране было выгодно поддержать Бисмарка в дипломатическом конфликте [11].

Отношения Горчакова и Бисмарка часто описывают как некую возвышенную дружбу. Чтобы убедиться в обратном, нужно рассмотреть вопрос повнимательнее.

Первоочередной задачей каждого дипломата являлось отстаивание интересов своей страны. Их отношения базировались на обоюдном уважении и понимании интересов друг друга [6]. Несмотря на достаточную запутанность дипломатических отношений в Европе, в которых Бисмарк за спиной Вильгельма I осуществлял свои планы, а соседи Пруссии оказывались пассивными участниками событий, отношения российского и германского дипломатических представительств были построены на взаимной выгоде. Пруссия, хоть и исключительно по политическим, а не товарищеским причинам, все же поддержала подавление Россией польского восстания. Восстание в Польше представилось Бисмарку шансом для восстановления связей с Россией и для противодействия сложившейся в Петербурге со времен Крымской войны склонности к союзу с Францией [10]. Кроме того, во время Франко-прусской войны Бисмарк подтвердил обещание оказать нашей стране полную поддержку в вопросе отмены статей Парижского трактата [1]. Содействие, которое немецкий канцлер оказал России, обеспечило ему согласие России на мирные условия, которые он решил предъявить Франции. Кроме того, дипломатический корпус Горчакова положительно оценивал объединение Германии под знаменами

Пруссии [2]. Несмотря на это, германская сторона перешла впоследствии к антироссийской позиции.

Представительство Бисмарка было достойным дипломатическим субъектом, взаимодействие с которым являлось непростой, но важной задачей [5]. Россия выступала за объединение Германии с целью возвращения утраченных в Крымской войне территорий и успешно решила вопрос в свою пользу. Кроме того, благодаря достигнутым договоренностям на некоторое время была обеспечена внешняя безопасность от агрессии из Восточной Европы.

ДОСТИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Основные задачи Горчакова были достигнуты: Россия восстановила свои внешнеполитические позиции, вновь стала полноправным участником международных отношений [3]. Александр Михайлович успешно провел подготовку и отмену условий Парижского договора, о чем сообщил иностранным дворам в своей Циркулярной депеше 1870 г. [4]. Россия вернула свое право держать военный флот в Черном море и возвратила утраченные в ходе Крымской войны земли. В отношениях с другими государствами внешнеполитический престиж России снова определялся вполне высоко. Страна не находилась в открытой конфронтации с другими державами. В тяжелых условиях международной обстановки российские дипломаты смогли обеспечить условия, достаточные для восстановления и последующего укрепления позиций государства. Известный поэт Федор Иванович Тютчев писал:

*Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля¹.*

Важной заслугой Горчакова является обеспечение нейтралитета европейских держав в русско-турецкой войне во время кризиса на Ближнем Востоке, в котором Россия преследовала наступательные цели при поддержке повстанческих движений в Османской империи. Решена сложнейшая задача: поддержка балканских славян и при этом избежание столкновения с Австро-Венгрией. Мудрые решения канцлера позволили России достичь целей силового вмешательства, укрепить свое влияние на Ближнем Востоке и не допустить вооруженного конфликта с крупнейшими европейскими державами. Внешнеполитической победой Горчакова также является и дипломатическая кампания против вмешательства европейских государств во время польского восстания. Действия Министерства иностранных дел позволили властям провести комплекс мероприятий по восстановлению социальной стабильности, скорректировать особенности взятого курса с учетом сложившейся политико-правовой ситуации, предоставили возможность проведения широких преобразований во внутренней политике.

С другой стороны, на западных границах империи возникла новая объединенная Германия, агрессивность действий которой росла и постепенно увеличивалась пропорционально набору силы. Внешнеполитические заявления этого государства стали походить на претензии мощного государства. Вероятнее всего, вопрос о поддержке Россией Германии и влиянии этого на последующую милитаризацию германской экономики, а также события Первой мировой войны останутся дискуссионными [8].

¹ Тютчев Ф. И. «Да, вы сдержали ваше слово...» (1870). Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с. (Б-ка поэта. Большая серия.) С. 257.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территориальные изменения в Европе, которые заключались в исчезновении так называемой прослойки между державами из мелких буферных государств, отчасти уменьшавшими прямую агрессию между крупными игроками, привели к тому, что теперь территории великих держав соприкасались [11]. Международное положение стало более напряженным. Этот накал стал неотъемлемой частью дальнейших международных отношений. Тем не менее условия работы Министерства после отставки канцлера были несравненно проще, хоть это и не уберегло новых дипломатов от серьезных политических ошибок (например, неудачное решение Болгарского вопроса). В целом работа А. М. Горчакова обеспечила, помимо успехов в международных отношениях, и возможности для прогресса внутри государства, что выразилось в подъеме промышленности, уровня подготовки армии и в общем преодолении проблем, стоявших перед восшествием на престол Александра II. На сегодняшний день это исследование является актуальным, поскольку дипломатический успех во многом обеспечивается знанием исторических событий, пониманием истинного происхождения выявленных противоречий. Более того, зарубежные исследователи обращают внимание на признание деятельности А. М. Горчакова в современной науке ведения иностранных дел: они принимают к сведению возросший интерес к наследию дипломата со стороны государственных органов современной России и, как следствие, учитывают его опыт в построении своего взгляда на вопросы европейской безопасности [10]. Так, богатейший опыт министерства Горчакова, добившегося принятия столь значимых для страны решений дипломатическим путем, позволяет проанализировать международные успехи, понять стратегию, которая привела к положительным результатам. Исследование еще раз подчеркивает важность диалога и его несомненную продуктивность в серьезной политической игре [13].

Литература

1. *Азаров В. Н.* Объединение Германии и внешнеполитическая позиция России (1862–1871). Научный диалог, 2016. №12 (60). С. 229–238.
2. *Ахтамзян А. А.* Верный сын Отечества. Этносфера, 2008. № 8 (119). С. 48–50.
3. *Бабенко О. В.* Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения // МИД Российской Федерации: межвуз. сб. науч. тр. / редкол. : Е. М. Примаков и др. Москва: МГИМО, 1998. С. 406.
4. *Горчаков А. М.* Циркулярная депеша министра иностранных дел России к представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат 1856 года (1870) / А. С. Орлов, Н. Г. Георгиева, В. А. Георгиев. Исторический словарь. Хронос. 2-е изд. М., 2012. С. 550.
5. *Королев П. И.* Деятельность российско-германских дипломатических ведомств в период 1856–1871 гг. (по материалам АВПРИ) // Вестник ТГУ. История и политология, 2010. № 6 (86). С. 247–252.
6. *Лапин А. А.* Бисмарк и дипломатическая служба Германии // Вестник Московской международной академии. История и археология, 2016. С. 187–190.
7. *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит (1769–[1906]) = Le Credit public en Russie: опыт историко-критического обзора / соч. П. П. Мигулина. Харьков: Типолит. «Печатное дело» кн. К. Н. Гагарина, 1899–1907. Источник — РГБ. С. 177–202.
8. *Сироткина Е. В.* «Оглянувшись с холодным вниманием назад»: франко-прусская война 1870–1871 гг. и развитие российско-австрийских отношений // Социально-экономические явления и процессы. История и археология, 2014. № 4 (062). С. 128–131.

9. *Смирнова А. А.* Политико-правовые взгляды Николая I: к истории создания Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии // Известия Алтайского государственного университета. История и археология, 2008. С. 127–129.
10. *Сплитсбель-Хансен Ф.* Встреча прошлого и будущего: Александр Горчаков и внешняя политика России // Исследования Европа-Азия. Изд. Тейлор & Фрэнсис, Лтд. Май 2002 г. Выпуск 3 (54). С. 377.
11. *Тарле Е. В.* История дипломатии: сборник / Е. В. Тарле [и др.], сост. А. Лактионов. Москва: АСТ, 2009. Т. 1. С. 520–527. Т. 2. С. 28–52.
12. *Хилльгрубер А.* Отто фон Бисмарк. Основатель великой европейской державы — германской империи / Пер. И. И. Жаровой, О. Е. Рывкиной / В кн.: А. Хилльгрубер. Выдающиеся политики: Отто фон Бисмарк, Меттерних. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 115.
13. *Шпаковская М. А., Жидкова О. В.* Оценка деятельности канцлера А. М. Горчакова в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 55–63.

Особенности и тренды Евразийской интеграции в условиях формирования многополярного мира

Задворнев Даниил Владимирович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультета международных отношений и политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 3-го курса бакалавриата; e-mail: dzadvornev-20@edu.ranepa.ru.

Научный руководитель:

Мисько Олег Николаевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

заведующий кафедрой, доктор экономических наук, доцент; e-mail: misko-on@ranepa.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются интеграционные процессы между постсоветскими странами в рамках Евразийского региона, который развивается и постепенно становится новым центром в формирующемся многополярном мире. Основной задачей автора в данной статье является попытка выявления особенностей и тенденций развития евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Автор приходит к выводу, что ЕАЭС имеет большие перспективы для развития, темпы которого тормозятся в связи со спецификой и проблемами, которые тянутся со времен распада СССР до настоящего времени.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийское экономическое сообщество, интеграционные процессы, постсоветское пространство, суверенитет, единая валюта.

Specific Features and Trends of Eurasian Integration under the Conditions of Multipolar World Formation

Daniil V. Zadvornev, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of International Relations and Politics (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student; e-mail: dzadvornev-20@edu.ranepa.ru.

Academic Supervisor:

Oleg N. Misko, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of Economics

Head of the Department, Doctor of Economics, Associate Professor; e-mail: misko-on@ranepa.ru.

Abstract

The paper examines the integration processes between the Post Soviet countries within the framework of the Eurasian region, which is developing and gradually becoming a new center in the emerging multipolar world. The author's main objective consists in attempting to identify the specific features and the development trends of Eurasian integration within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU). The author draws the conclusion that the EAEU possesses great prospects for development, its

progress being slowed down by its specifics and the problems persisting from the collapse of the USSR to the present time.

Keywords: Eurasian integration, Eurasian Economic Community, integration processes, post-Soviet space, sovereignty, single currency.

ВВЕДЕНИЕ

Идея о евразийской интеграции появилась еще в начале XX в. среди кругов русской эмиграции, что стало интеллектуальной реакцией на Октябрьскую революцию 1917 г. Впоследствии идеи об интеграции отошли на второй план в связи с ненадобностью, а ренессанс идеи начался уже после распада СССР. В настоящее время евразийская интеграция является процессом сближения государств, которые находятся внутри материковой части Евразии, что способствует восстановлению и развитию связей как между постсоветскими странами, так и между внерегиональными государствами. В данной статье под термином евразийской интеграции будет рассматриваться прежде всего Евразийский экономический союз и страны постсоветского пространства, которые входят в состав СНГ.

В связи с развалом СССР были нарушены хозяйственно-промышленные цепочки между бывшими республиками, произошла деградация национальной промышленности, что наиболее сильно ударило по таким сложным производствам, как, например, машиностроение и станкостроение. Произошла примитивизация производства, производство неконкурентоспособных советских товаров было брошено в связи с низкой рентабельностью и высокими рисками [2, с. 23]. Также появился тренд увеличивать экспорт технологий и товаров с высокой добавленной стоимостью из ЕС, что в свою очередь усилило рычаги давления со стороны Запада, что играет немаловажную роль и в настоящее время.

Советские республики находились в схожих ситуациях: страны, которые владели ресурсами, стали постепенно переориентироваться на экспорт этих самых ресурсов, что впоследствии привело к тому, что крупную часть пополнений в бюджет этих стран стал составлять именно экспорт: Россия — углеводородов, Казахстан — нефти и цветных металлов, Узбекистан — газа и хлопка, Туркменистан — газа. Другие страны, как, например, республики Киргизия и Таджикистан, у которых не было запасов природных ресурсов, находились в худшем положении.

Для середины 90-х и начала нулевых годов идея об интеграции являлась закономерным и популярным решением, о чем может свидетельствовать параллельно начатое создание Европейского союза. Если же говорить о влиянии ЕС на становление ЕАЭС, то изначально строительство производилось по смежному пути, но чем больше проходит времени, тем сильнее ЕАЭС отличается от своего соседа, к тому же идти по схожему пути и использовать одинаковые решения в реалиях постсоветского пространства и конфликтов, которые существуют между государствами, просто невозможно.

Интеграция стала ответом на новые вызовы XX в., такие как, с одной стороны, глобализация, а с другой — ужесточение глобальной конкуренции, что в свою очередь поставило государства на путь объединения, особенно если экономические ситуации и проблемы этих самых стран были близки друг другу. К тому же интегрирование стран в перспективе позволяет увеличивать эффективность и конкурентоспособность как отдельных стран союза, так и интеграционного объединения в целом.

Для исследования были использованы работы русскоязычных авторов, прежде всего Н. В. Лукьянович, С. С. Жильцов, Л. Е. Слуцкий, Е. А. Худоренко. Также нельзя не отметить Е. В. Кулакову, О. В. Буторину, Л. Б. Вардомского, А. Г. Пылина, А. В. Шурубовича, К. Девоншира-Эллиса, С. Ю. Глазьева.

ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ ЕАЭС

Знаковым для евразийской интеграции явилось выступление бывшего президента Казахстана Н. А. Назарбаева в Московском государственном университете в 1994 г., в котором был заявлен переход на качественно новый уровень во взаимоотношениях между странами, основанных на новом межгосударственном объединении. Было также отмечено, что в принципы подобного объединения должны войти добровольность (по аналогии с СНГ) и равноправие. В то же время отличия от СНГ по предложению Назарбаева должны были заключаться в создании наднациональных органов, которые в результате своей работы смогут решить две основные задачи: формирование нового экономического пространства и расширение оборонной политики [8].

Если говорить об основных вехах на пути создания Евразийского экономического союза, то важными шагами к нему стали три события. Во-первых, договор о создании Таможенного союза от 1 января 2010 г., который установил единый таможенный тариф. Подписание этого договора было вызвано экономическим кризисом 2007–2009 гг., который указал на необходимость создания нового объединения стран вместо Содружества Независимых Государств (СНГ), которые не решали их экономические проблемы. Во-вторых, начало функционирования Единого экономического пространства от 1 января 2012 г. на территории Российской Федерации, Казахстана и Белоруссии, что подразумевало под собой свободное движение товаров и услуг, капитала и трудовых ресурсов, единые правила и принципы конкуренции. В-третьих, подписание договора о создании ЕАЭС от 2014 г. между Россией, Казахстаном и Белоруссией, вступление договора в силу 1 января 2015 г. и последующее присоединение к этому договору Армении и Киргизии¹.

ОСОБЕННОСТИ ЕАЭС

В настоящее время экономики стран — участниц ЕАЭС имеют схожие черты в связи с общим советским прошлым, а также «ресурсным проклятием», которое их преследует. Страны-участники обладают качествами формирующихся рынков, к которым можно отнести следующие: высокую волатильность цен на энергоресурсы, которые напрямую влияют на страны с экспортно-сырьевой ориентацией, склонность к перегреву экономики, критическую подверженность внешним шокам в связи с международными экономическими кризисами. В то же время высока зависимость экономики стран ЕАЭС от конъюнктуры рынков, что может проявляться как положительно, так и отрицательно. В период благоприятной конъюнктуры наблюдается высокий темп экономического роста, что позволяет быстрее расти и сокращать разрыв с развитыми странами. Однако в период неблагоприятной конъюнктуры происходит падение фондовых индексов. Инвесторы начинают паниковать и выводить свои средства, что сильно ухудшает ситуацию с извечной проблемой нехватки капитала [1, с. 29].

Внутри ЕАЭС существует явный перевес в сторону Российской Федерации, которая является как геополитическим, так и экономическим центром всего союза. Это выражается прежде всего в структуре товарооборота, который имеет место, в основном между странами-участниками и Российской Федерацией. В то же время между собой республики Армения, Казахстан, Беларусь и Киргизия почти не торгуют. Такое положение дел накладывает на Россию определенные обязанности по развитию союза, что

¹ Шельдешова Ю. В., Сагитова Н. Н. Этапы развития евразийской интеграции [Электронный ресурс]. IN SITU, 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 30.03.2023).

выражается в финансовой помощи и различных уступках по отношению к партнерам. Поэтому можно говорить о том, что в союзе происходит процесс объединения территорий вокруг Российской Федерации, что является закономерным в связи с позиционированием России как одного из политических центров силы в многополярном мире. В то же время подобная ситуация сильно отличает ЕАЭС от ЕС, в котором все страны-участники производят активное взаимодействие между собой и нет такого выделенного центра объединения.

Членство в ЕАЭС предоставляет странам определенные преференции и выгоды, однако эти выгоды распределяются неравномерно. Наибольшую выгоду от членства в союзе получает Республика Беларусь с 46,4% торгового оборота с членами ЕАЭС, за ней следует Казахстан с 18,8%. Армения использует членство в ЕАЭС для защиты своих национальных интересов, а Киргизия видит в союзе возможности для стабилизации своей экономики. Трудовая миграция также является стимулирующим фактором для экономик этих стран, особенно учитывая, что Армения и Киргизия получают значительный доход от переводов из России (примерно 30 и 20% соответственно) [5, с. 9]. Однако следует отметить, что расходы на поддержание ЕАЭС несет преимущественно Российская Федерация, которая использует союз для укрепления своего геополитического положения в условиях формирования многополярного мира. Именно по этой причине Россия часто выступает представителем ЕАЭС в переговорах с другими экономическими блоками, например с ЕС и Китаем. Тем не менее следует отметить, что Россия занимает важное место на мировой арене и обладает большим влиянием благодаря статусу ядерной державы и одной из сильнейших армий в мире. Однако ее экономика не соответствует этому статусу и нуждается в дополнительных реформах и мощной модернизации.

Асимметрия, которая вызвана доминирующей ролью России в Союзе и сильной зависимостью членов, а также других стран бывшего СССР, создает возможные угрозы для сопредельных стран, что приводит к тому, что экономические риски и потрясения, которые происходят в России, затрагивают и других членов ЕАЭС. В обратную сторону такая ситуация разворачивается гораздо реже [9, с. 133]. Это наглядно видно на примере многочисленных санкций, которые были введены по отношению к России в связи с Украинским кризисом, что в свою очередь ограничило импорт и экспорт и, несомненно, ударило по цепочкам поставок и трудовой миграции внутри ЕАЭС. В то же время в связи с санкциями, направленными по отношению к России, происходит адаптация производителей к меняющимся условиям, что выражается, например, в переносах предприятий с территории России в другие страны Союза, что, несомненно, положительно сказывается на экономиках этих стран.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ТРЕНДЫ

Объединение ЕАЭС, при всех проблемах, которые присущи экономикам стран-участников, имеет огромные перспективы и показывает устойчивые тенденции к развитию, что в свою очередь соответствует тенденциям по формированию макрорегионов в глобальной экономике [7, с. 2]. Это, в свою очередь, также выражается в интересе других стран к налаживанию сотрудничества, даже без наличия статуса участника ЕАЭС. Так, Республика Молдова в 2018 г. получила статус наблюдателя, Республика Узбекистан в 2019 г. подняла вопрос о вступлении в ЕАЭС и в 2020 г. получила статус наблюдателя [3, с. 93]. Помимо этих стран в сотрудничестве также заинтересованы такие страны «большой Евразии», как Китай, Индия, Пакистан, Иран, Турция.

Расширение объема торговли внутри Евразийского экономического союза (ЕАЭС) предоставляет огромные возможности для ускорения экономического роста. Этот

эффект можно объяснить принципом «низкой базы». В условиях ЕАЭС факторами, которые непосредственно влияют на такое положение, являются: слабое развитие промышленных отраслей, низкий объем применяемых финансовых вливаний, как внутренних, так внешних, отдаленность от крупных рынков, что также затрудняет приток инвестиций и замедляет рост экономики, высокий уровень коррупции, что также серьезно замедляет рост экономики. Несмотря на то, что период с 2015 по 2022 г. является достаточно длительным для того, чтобы утверждать, что стабильный рост, который составил 10,3% в 2022 г., объясняется только этим эффектом. Все же очевидным последствием является стремление ЕАЭС к созданию безбарьерной среды для торговли в рамках экономического пространства союза². Это, в свою очередь, должно помочь снизить негативное влияние на взаимную торговлю, как заявил Президент Республики Казахстан на заседании Евразийского межправительственного совета 3 февраля 2023 г.³

Немаловажным фактором развития ЕАЭС является полное обеспечение своих потребностей в таком сырье, как нефть, газ, уголь, черные и цветные металлы и т. д. В условиях противостояния со странами Запада это является серьезным аргументом в пользу членства в ЕАЭС.

Однако существует ряд проблем и негативных трендов развития, которые за время своего существования ЕАЭС так и не смог решить. Одной из таких проблем является экспортно-ресурсная ориентация экономик стран Союза, тогда как экспорт из стран ЕС в основном состоит из товаров с высокой добавленной стоимостью, как, например, автомобили, химикаты и промышленные товары [7, с. 9]. Данное положение дел, несомненно, тормозит развитие как России, так и всего ЕАЭС, что не позволяет укрепить экономическое положение стран-участниц и увеличить их долю в мировой экономике. Параллельно с этим прослеживается тренд на изменение в структуре внешней торговли с постепенным уменьшением сотрудничества с ЕС и увеличением числа экономических связей с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) [4, с. 103].

Что касается создания единой валюты для упрощения торговли между странами ЕАЭС, то в настоящее время реализация этой идеи отложена. Возможный «алтын» или «евраз» не могут быть введены в связи с тем, что интеграция в ЕАЭС протекает медленнее, чем того хотелось бы странам-участникам. До 2022 г. шло постепенное увеличение использования рубля в качестве основной валюты, но в связи с политическими событиями и санкциями в отношении РФ последовала и дестабилизация курса российской валюты, что напрямую отразилось и на экспорте. Но если абстрагироваться от расчетов в рублях, то перед созданием единой коллективной валюты всем странам необходимо пройти несколько важных стадий: начать производить взаимные расчеты через национальные валюты, скоординировать монетарную и валютную политику, провести взаимную увязку курсов национальных валют и создать единый эмиссионный центр [6, с. 26]. Закономерный вопрос, который может последовать в ходе создания коллективной валюты: «Где должен располагаться эмиссионный центр?» Этот вопрос однозначно встанет в связи с тем, что появление подобного центра в большой стране, например в России, может привести к угрозе утери суверенитета стран с малыми экономиками.

² ЕАБР оценил рост взаимной торговли ЕАЭС за 2022 г. на уровне 10,3% [Электронный ресурс]. tass.ru: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17101289> (дата обращения: 30.03.2023).

³ Нужно максимально сконцентрироваться на устранении торговых барьеров в ЕАЭС — Аликхан Смаилов. Официальный информационный ресурс премьер-министра Республики Казахстан. 3 февраля 2023 г. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/nuzhno-maksimalno-skontsentrirovatsya-na-ustranenii-torgovyykh-barerov-v-eaes-alikhan-smailov-22910> (дата обращения: 30.03.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сказать, что Евразийский экономический союз представляет собой важную экономическую платформу для сотрудничества между странами-участниками и имеет большие перспективы развития. Однако следует отметить некоторые вызовы и проблемы, с которыми Союз сталкивается, такие как зависимость от конъюнктуры рынка ресурсов и недостаток общих правил и норм, регулирующих экономическую деятельность между странами-участниками. Тем не менее ЕАЭС продолжает шагать вперед, и его развитие можно оценить как стабильное. Несмотря на то, что рост не такой быстрый, как хотелось бы, Союз устойчив и жизнеспособен. Он несет в себе огромный потенциал для укрепления экономических связей и дальнейшего интеграционного процесса между странами-участниками. Важно продолжать совершенствование механизмов координации и управления в рамках ЕАЭС, а также развивать сотрудничество в области инноваций и развития технологий, чтобы укрепить позиции Союза на мировой арене.

Дальнейшее развитие ЕАЭС в настоящее время прямым образом зависит от ситуации, связанной с Украинским кризисом, что может выражаться как в положительном, так и в отрицательном ключе. Разрешение конфликта повлияет и на взаимоотношения с Западом, что прямым образом зависит от намерения стран — участников ЕАЭС вести какие-либо формы сотрудничества и взаимодействия. Если такого намерения после решения Украинского конфликта и окончания СВО не последует, то наиболее вероятным вариантом дальнейшего пути ЕАЭС является развитие Союза как альтернативного торгового блока. В перспективе ЕАЭС может превратиться в объединение, которое помимо нынешних членов будет включать в себя и страны БРИКС+, что само по себе порождает огромный интерес, который подтвержден большим количеством желающих вступить в подобное объединение (больше десятка стран). Яркими примерами является подача Ираном и Аргентиной заявки на вступление в БРИКС от 27 июня 2022 г.⁴

Не стоит забывать и о возможной консолидации ЕАЭС с инициативой Китая о создании проекта «Один пояс, один путь», который может стать важной составляющей сотрудничества и быть взаимовыгодным для обеих сторон. Это в свою очередь поможет улучшить ситуацию с логистикой и нивелировать огромные расстояния Евразии. К тому же это может стать шагом на пути к усилению взаимодействия с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС)⁵.

Также стоит отметить, что в ЕАЭС происходит планомерная гармонизация финансовых рынков, которая к 2025 г. может стать основой для создания альтернативы сложившейся финансовой системе, которая во всем мире известна как «Бреттон-Вудс-3». Об этом рассказал член Российской академии наук Сергей Глазьев: «Вы находитесь на переднем крае геэкономического развития, меняющего правила игры, — разработка новой валютно-финансовой системы через ассоциацию между ЕАЭС и Китаем в обход доллара США, проект которой скоро будет завершен»⁶. В условиях санкционного давления в отношении РФ на фоне Украинского кризиса многие страны начинают опасаться за собственную финансовую безопасность, что в свою очередь побуждает к поиску альтернатив

⁴ Лавров назвал достойной кандидатуры Аргентины и Ирана в БРИКС [Электронный ресурс]. РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2022/62bb0ffc9a7947b3c1a58323> (дата обращения: 30.03.2023).

⁵ Devonshire-Ellis C. Trade Prospects As Russia Chairs The Eurasian Economic Union // Russia Briefing. 2023. URL: <https://www.russia-briefing.com/news/2023-trade-prospects-as-russia-chairs-the-eurasian-economic-union.html/> (дата обращения 30.03.2023).

⁶ The Cradle: Exclusive: Russia's Sergey Glazyev introduces the new global financial system. URL: <https://thecradle.co/article-view/9135> (дата обращения 30.03.2023).

американской финансовой системе и постепенного отказа от доллара, евро и фунтов. Это в свою очередь еще повышает привлекательность будущего, расширенного ЕАЭС, который уже эту альтернативу формирует.

Литература

1. *Буторина О. В.* Особенности евразийской модели экономической интеграции [Электронный ресурс]. Современная Европа, 2016. № 2. URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2016/2-2016/Butorina_2-2016.pdf (дата обращения: 30.03.2023).
2. *Вардомский Л. Б., Пылин А. Г., Шурубович А. В.* К вопросу о модернизации экономики стран СНГ [Электронный ресурс]. Вестник Института экономики РАН, 2017. № 1. URL: https://vestnik-ieran.ru/archive/2017/vn_2017_1.pdf (дата обращения: 30.03.2023).
3. *Джанталеева М. Ш.* Перспективы расширения и развития ЕАЭС [Электронный ресурс]. Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2022. № 1 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rasshireniya-i-razvitiya-eaes/viewer> (дата обращения: 30.03.2023).
4. *Жильцов С. С.* Развитие ЕАЭС на современном этапе: итоги и новые вызовы [Электронный ресурс]. Геоэкономика энергетики, 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-eaes-na-sovremennom-etape-itogi-i-novye-vyzovy> (дата обращения: 30.04.2023).
5. *Зиядуллаев Н.* Евразийский экономический союз в контексте российской интеграционной стратегии [Электронный ресурс]. Общество и экономика, 2016. № 8. URL: http://www.ipr-ras.ru/old_site/articles/ziyadul16-02.pdf (дата обращения: 30.03.2023).
6. *Кулакова Е.* Перспективы введения единой валюты Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2016. № 2. URL: <https://vestnik.astu.org/ru/pauka/article/32940/view> (дата обращения: 30.03.2023).
7. *Лукьянович Н. В.* Перспективы евразийской экономической интеграции в контексте роста глобальных вызовов и угроз [Электронный ресурс]. Проблемы национальной стратегии, 2021. № 1 (64). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44899257_82950265.pdf (дата обращения: 30.03.2023).
8. *Н. А. НАЗАРБАЕВ и ЕВРАЗИЙСТВО: сборник избранных статей и выступлений главы государства / под ред. Е. Б. Сыдыкова.* Астана: Издательство ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2012. 222 с.
9. *Слуцкий Л. Е., Худоренко Е. А.* 2022. ЕАЭС в условиях глобальной неопределенности. Россия в глобальных делах, 20 (2). С. 133.

Государственно-частное партнерство как инструмент решения инфраструктурных проблем региона (на примере ГЧП-проектов Санкт-Петербурга)

Коновалов Денис Сергеевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет государственного и муниципального управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 4-го курса бакалавриата; e-mail: dkonovalov-19@ranepa.ru.

Научный руководитель:

Шаулова Татьяна Владимировна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра государственного и муниципального управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доцент кафедры, кандидат социологических наук; e-mail: shaulova-tv@ranepa.ru.

Аннотация

С конца XX в. значительное число социально-экономических и производственных проблем в Российской Федерации решается в рамках партнерства государства и бизнеса. В статье представлена краткая характеристика основных форм партнерств, используемых в Санкт-Петербурге. Автор исходит из того, что с учетом потенциала государственно-частного партнерства и особенностей сегодняшней ситуации — прежде всего, необходимости «ускоренного решения вопросов импортозамещения», механизм государственно-частного партнерства может выступить одним из действенных инструментов решения ряда инфраструктурных проблем (в частности, создания, модернизации и эксплуатации объектов промышленной инфраструктуры) не только Санкт-Петербурга, но и Российской Федерации в целом.

Использование методов системного подхода, статистического анализа данных из открытых источников (Росстата, профильных ведомств, цифровой платформы «Росинфра» и пр.), контент-анализа текстов нормативных документов, аналитических отчетов, а также иной доступной информации, позволяет прийти к заключению о низкой заинтересованности органов государственной власти региона и их бизнес-партнеров в использовании механизмов государственно-частного партнерства. В работе выделены основные причины низкой заинтересованности партнеров в использовании института, а также предложены рекомендации по совершенствованию отдельных элементов механизма государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: формы партнерства, концессионное соглашение, государственно-частное партнерство, специальный инвестиционный контракт, публичная сторона, частный партнер, взаимный интерес, инвестиции, инфраструктура, промышленность.

Public-private Partnership as a Tool for Solving Infrastructure Problems in the Region (on the Example of PPP Projects in St. Petersburg)

Denis S. Konovalov, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of Public and Municipal Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student; e-mail: dkonovalov-19@ranepa.ru.

Academic Supervisor:

Tatiana V. Shaulova, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of Public and Municipal Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Department, PhD of Sociological Sciences;
e-mail: shaulova-tv@ranepa.ru.

Abstract

Since the end of the twentieth century, a significant number of socio-economic and production issues in the Russian Federation have been addressed within the framework of partnership between the state and business. The article presents a concise outline of the main forms of partnerships practiced in St. Petersburg. The author proceeds from the fact that considering the potential of public-private partnership and the specific features of the current situation - primarily, the need for “accelerated solution of import substitution issues”, the mechanism of public-private partnership can be an effective tool in solving a number of infrastructural problems, specifically, the design, modernization and operation of industrial infrastructure facilities, not only in St. Petersburg, but also in the Russian Federation as a whole.

The employment of systematic approach, statistical analysis of data from open sources (Rosstat, specialized agencies, digital platform “Rosinfra”, etc.), content analysis regulatory documents, analytical reports, as well as other available information, has enabled the author to conclude that there is a low interest of public authorities of the region and their business partners in the use of public-private partnership mechanisms. The paper identifies the main reasons for the low interest of partners in the use of the institution, and suggests recommendations for improving certain features of the mechanism of public-private partnership.

Keywords: forms of partnership, concession agreement, public-private partnership, special investment contract, public side, private partner, mutual interest, investment, infrastructure, industry.

Партнерство государства и бизнеса в решении задач социально-экономического развития государства и общества во всех системах государственного управления давно стало обыденной практикой¹. Основные характеристики и особенности форм партнерств, применяемых в Российской Федерации, нормативно закреплены в профильных федеральных законах², Кодексах РФ, постановлениях Правительства РФ и ведомственных актах.

В частности, реализация проекта в форме концессионного соглашения (далее — КС)³ предполагает, что концессионер (частный партнер) обязуется за свой счет создать объект и осуществлять его эксплуатацию, а концедент (публичная сторона) предоставляет все необходимые условия для реализации проекта и передает во владение и пользование концессионеру объект соглашения для проведения работ. Право собственности на объект

¹ Речь прежде всего идет о ГЧП как инструменте создания, модернизации и поддержки социальной и производственной инфраструктур, софинансировании процессов «частной стороной»; решения проблем несоответствия их уровня современным потребностям общества и экономики и пр.

² Регулирование партнерства профильными федеральными законами характерно для концессионных соглашений и государственно-частного / муниципально-частного партнерств.

³ Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ (последняя редакция) (далее ФЗ № 115). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 15.03.2023).

принадлежит или будет принадлежать концеденту. Исходя из норм ФЗ № 115, проект может быть реализован в следующих формах:

- ВТО (Building — Transfer — Operation) и ее вторая версия RTO (Reconstruction — Transfer — Operation), где вместо строительства предполагается реконструкция объекта соглашения.
- DBTO (Design — Building — Transfer — Operation), DRTO (Design — Reconstruction — Transfer — Operation). Данные формы применяются, если концессионером (частным партнером) осуществляется еще и проектирование объекта соглашения.

Основные преимущества реализации проектов в форме КС:

- Наличие механизма по привлечению инвестиции путем выпуска особых концессионных облигаций.
- Проработанность нормативно-правовой базы КС по сравнению с остальными формами партнерства.
- КС наиболее интересны банкам при предоставлении заемных средств.

Недостатки КС:

- Недостаточная проработанность механизма возврата средств, когда объектом соглашения является тарифное регулирование. *(Когда объект КС попадает под тарифное регулирование, а к нему относятся все виды ЖКХ, то возврат средств частному партнеру осуществляется за счет поднятия тарифов на услугу, в которую закладываются расходы частной стороны. Следовательно, прирост цен на тарифы сильно скажется на благосостоянии населения и вызовет волну протестов, а также многочисленные задолженности по услугам.)*
- Отсутствие специального правового режима для КС. *(Закон о КС в должной мере не охватывает все аспекты бюджетного, налогового, земельного, экологического и другого законодательства, которые играют большое значение в реализации проектов.)*
- Отсутствие гарантий по частичному финансированию проекта и компенсации вложений в случае его убыточности. *(Необходимо разработать механизм возврата и компенсации инвестиций в случае непредвиденных ситуаций, не зависящих от воли концессионера.)*

Что касается государственно-частного партнерства (далее — ГЧП), то в последние два десятилетия ему уделяется большое внимание и в теории, и в практике государственного управления (как в плане стимулирования создания, так и в плане поддержки реализации проектов) [2]. В частности, в работах отечественных исследователей механизм ГЧП рассматривается как инструмент решения разнообразных задач (инфраструктурных, технологических, инновационных и пр.); как форма взаимодействия, позволяющая обеспечить возможности выполнения бизнес-партнером государства обязательств последнего, как инструмент государственного управления и в целом как институт развития⁴.

Следует обратить внимание на то, что в профильном ФЗ № 224⁵ (в отличие от ФЗ № 115) использован иной подход к определению его форм: выделены обязательные

⁴ Следует отметить работы отечественных исследователей, в частности: А. Н. Бродунова, В. Г. Варнавского, А. В. Баженова, А. М. Воротникова, Н. В. Золотникова, Ф. М. Ибятого, С. А. Кочетковой, В. В. Курченкова, П. В. Самылова, Т. Д. Юроша и др., в которых обосновывается роль ГЧП как инструмента государственного управления, проведен анализ и дана оценка эффективности механизма государственно-частного партнерства в России и проблемы его развития на современном этапе.

⁵ Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 20.03.2023).

и необязательные элементы, а также их последовательность, которые необходимо применять при выборе формы для проекта ГЧП. Другими словами, правоприменителям предоставляется «набор» элементов, используя которые «партнеры» самостоятельно «создают» ту или иную форму ГЧП, а именно:

- BOT (Building — Operation — Transfer);
- DBOT (Design — Building — Operation — Transfer);
- BOMT (Building — Operation — Maintenance — Transfer);
- DBFM (Design — Building — Financing — Maintenance);
- DBFMO (Design — Building — Financing — Maintenance — Operation);
- BOO (Building — Operation — Ownership);
- BOOT (Building — Operation — Ownership — Transfer) [3, с. 139].

К преимуществам ГЧП относят:

- гибкое структурирование проекта;
- возможность предоставления долгосрочных гарантий частному партнеру и его софинансирование в процессе реализации проекта;
- возможность привлечения частных инвестиций для создания объектов социальной инфраструктуры и сопутствующей инфраструктуры промышленных предприятий;
- способность объединять возможности частного и публичного партнеров, что необходимо для создания технологически сложных проектов;
- распределение рисков между публичным и частным партнерами.

Сравнительный анализ национальных форм ГЧП позволяет делать вывод о том, что в Российской Федерации проекты ГЧП реализуются в формах, используемых и в мировой практике.

Помимо концессии и ГЧП выделяют и иные формы партнерств (соглашений) государства и бизнеса, которые не только отдельными авторами [4; 1; 6], но и на официальных сайтах⁶ и в отчетах профильных ведомств часто рассматриваются как формы ГЧП, что, по нашему мнению, не совсем корректно, поскольку элементный состав не соответствует нормам ФЗ № 224. В то же время представление их как форм квази-ГЧП вполне уместно (табл. 1).

Таблица 1

Формы квази-ГЧП и их основная характеристика⁷

Форма партнерства (соглашения)	Основные характеристики
Аренда с инвестиционными обязательствами	Частная сторона модернизирует или строит новый объект на территории, которая предоставляется государством в аренду
Контракт жизненного цикла	Весь спектр работ на объекте производится частной стороной, а государство приобретает услуги или товары
Специальный инвестиционный контракт (СПИК)	Соглашение между государством и частным инвестором по созданию и введению новой технологии, необходимой для освоения промышленного производства
Инвестиционный договор	Договор об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений
Офсетная сделка	Инвестор строит/модернизирует объект, а государство в течение определенного времени приобретает произведенные товары/услуги
Энергосервисный контракт	Контракт, по которому частная сторона выполняет работы, нацеленные на увеличение эффективности использования энергоресурсов. Выплаты инвестора строятся исходя из достигнутых показателей экономии.

⁶ Государственно-частное партнерство — меры поддержки. Инвестиционный портал Санкт-Петербурга. URL: <https://spbinvestment.ru/ru/gid/partnerstvo> (дата обращения: 22.03.2023).

⁷ Составлено (разработано) автором.

Представляется целесообразным дать краткую характеристику тем формам квази-ГЧП, которые используются в Санкт-Петербурге.

Аренда с инвестиционными обязательствами регулируется Гражданским кодексом РФ и Приказом ФАС России от 10.02.2010 № 67 «О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса».

В соответствии с ними арендодатель передает арендатору право владения и пользования имуществом за определенную плату. Арендодателем могут выступать как органы государственной власти субъекта РФ, так и государственные (муниципальные) учреждения, предприятия. В отличие от КС арендатору передается полностью готовое имущество, по которому он осуществляет его текущий ремонт. Предметом данного договора является любой объект государственной недвижимости, который может быть передан в аренду.

Преимущества аренды с инвестиционными обязательствами:

- Гибкое установление инвестиционных обязательств арендатора.
- Возможность устанавливать льготную арендную ставку по отдельным видам работ.

К недостаткам реализации проектов в данной форме могут быть отнесены:

- отсутствие механизма софинансирования затрат из бюджета, при реконструкции, модернизации и эксплуатации объекта;
- возможность пересмотра арендодателем стоимости аренды в одностороннем порядке;
- низкая рентабельность использования арендных схем при реализации технологически сложных проектов, ввиду длительности процедур их подготовки и согласования.

Следующей формой партнерства, получившей широкое распространение в промышленности, выступает специальный инвестиционный контракт (далее — СПИК). Это соглашение между публичной стороной и инвестором, в котором последний обязуется в определенный срок создать либо модернизировать и/или освоить производство промышленной продукции своими силами или с привлечением третьей стороны. Публичная сторона, в свою очередь, осуществляет меры стимулирования промышленной деятельности в отношении участников СПИК [5, с. 52]⁸. Нормативно-правовое регулирование СПИК основывается на Федеральном законе от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

Преимущества СПИК:

1. Отсутствие жестких законодательных требований, что позволяет учитывать особенности инвестиционной деятельности частной стороны.
2. Индивидуальный пакет преференций. *(Инвестор в период переговоров имеет возможность получить именно те преференции, с помощью которых проект будет реализован наиболее эффективно.)*
3. Получение сертификата «Сделано в России». *(Наличие сертификата позволяет не только подтвердить добросовестность отечественного производителя как*

⁸ Следует обратить внимание на то, что СПИК-1 и СПИК-2 очень близки британским моделям PFI и PF2, подробный анализ которых представлен в работе В. Г. Варнавского. Новая концепция государственно-частного партнерства в Великобритании. Мировая экономика и международные отношения, 2014. № 8. С. 67–75.

поставщика качественной продукции, но и участвовать в государственных закупках.)

Как и все ранее рассмотренные формы квази-ГЧП, СПИК не лишен ограничений. К последним могут быть отнесены:

1. Отсутствие конкурсных процедур по заключению соглашения. *(В СПИК 1.0 решение о возможности заключения соглашения принимается межведомственной комиссией.)*
2. Закрытость процесса. *(Другие участники рынка не знают условий заключения того или иного соглашения.)*
3. Отсутствует возможность передачи имущества в частную собственность.

Что касается практического использования рассмотренных форм партнерств и роли ГЧП⁹ в решении инфраструктурных проблем Санкт-Петербурга, то на начало 2023 г. в регионе (по данным цифровой платформы «Росинфра» и Информационного портала СПб) реализуются 28 проектов в сферах промышленности, образования и науки, здравоохранения, транспорта, индустрии гостеприимства, теплоснабжения и ГВС, культуры, физкультуры и спорта с общим объемом инвестиций 501,2 млрд рублей, из которых 383,5 млрд — частные средства (рис. 1).

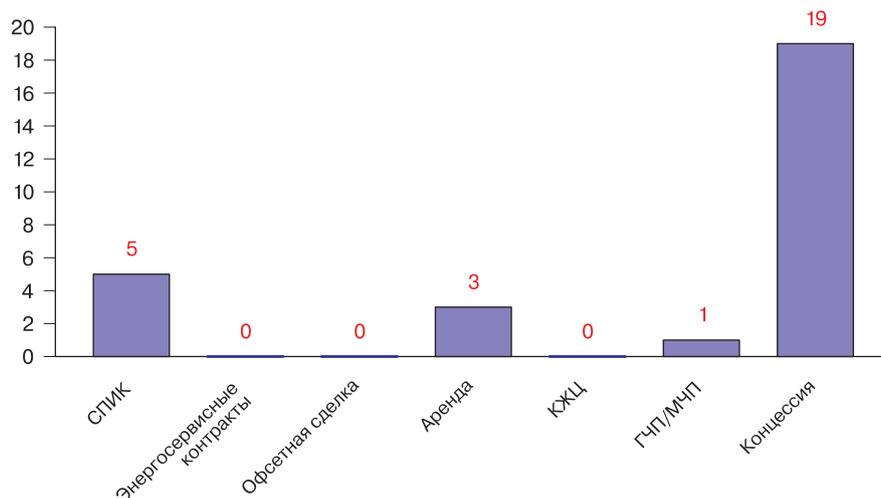

Рис. 1. Реализуемые инфраструктурные проекты в Санкт-Петербурге по формам партнерств¹⁰

Представленные данные позволяют делать вывод о том, что роль ГЧП в решении проблем несоответствия уровня социальной и производственной инфраструктур современным потребностям общества и экономики в теории контрастирует с практикой применения ГЧП в Санкт-Петербурге, даже несмотря на широкий спектр мер финансовой и нефинансовой поддержки со стороны федерального центра¹¹.

⁹ Следует обратить внимание на то, что Санкт-Петербург был одним из первых субъектов РФ, в котором задолго до принятия ФЗ № 224 в 2006 г. был принят региональный закон «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах». См.: Закон «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» от 25.12.2006 [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8442332> (дата обращения: 27.03.2023).

¹⁰ Составлено автором на основе данных цифровой платформы «Росинфра». URL: <https://dpo.rosinfra.ru/base-projects> (дата обращения: 10.04.2023).

¹¹ Среди финансовых инструментов можно выделить целевые займы из средств «Фонда развития территорий», «Российского экологического оператора»; инфраструктурные бюджетные кредиты; механизм списания задолженности регионов по бюджетным кредитам при осуществлении инвестиций в инфраструктуру, программу модернизации городского электротранспорта и пр. К нефинансовым: механизм промышленной ипотеки и пр.

Что касается создания, модернизации и эксплуатации промышленной инфраструктуры в рамках ГЧП в Санкт-Петербурге, то интерес автора к данной сфере обусловлен не столько наибольшим вкладом промышленности в формирование доходной части бюджета региона¹², сколько комплексностью проблем¹³.

Кроме того, одно из «слабых мест» Санкт-Петербурга — недостаточно высокий уровень развития промышленной инфраструктуры, задающей «предел развития» другим отраслям¹⁴. Хотя реализация государственной программы «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге» началась в 2015 г., к 2023 г. сохраняют актуальность неудовлетворенные потребности в инвестициях в промышленную инфраструктуру и в проработку новых проектов¹⁵.

Несмотря на то что инфраструктурные инвестиции имеют «дальний горизонт» и низкую норму доходности, привлечение частных инвестиций в создание, модернизацию, реконструкцию, эксплуатацию объектов промышленной инфраструктуры способно обеспечить мультипликативный эффект развития экономики региона в целом. В данном случае, как нам представляется, наиболее приемлемой формой с позиций как публичной, так и частной сторон должно было бы выступить ГЧП.

На практике же все оказывается не так однозначно, как в теории. Сравнительный анализ данных по реализуемым проектам в промышленности Санкт-Петербурга с 2019 по 2023 г. позволяет выделить только одну форму партнерств — СПИК.

В данной ситуации естественен вопрос: почему СПИК, а не ГЧП?

В качестве первого аргумента может выступать то, что СПИК носит более специализированную форму применения (ориентирован на создание либо модернизацию и/или освоение производства промышленной продукции, а также на внедрение и/или создание современной технологии для освоения серийного производства промышленных изделий), по сравнению с ГЧП/МЧП.

Во-вторых, в СПИК минимальный срок действия контракта не ограничен в отличие от ГЧП-соглашений¹⁶.

В-третьих, существенным преимуществом СПИК по сравнению с другими формами партнерства является «конструктор предпочтений», который позволяет частному

¹² В частности, промышленные предприятия по итогам 2022 г. обеспечили 38,5% налоговых поступлений в бюджетную систему РФ, 14,4% в бюджет СПб (по оценке КППИТ на основе данных Управления ФНС по Санкт-Петербургу), что отмечено в Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 23.06.2014 № 495 (ред. от 29.05.2023) «О государственной программе Санкт-Петербурга “Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге”» См.: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=149167-0&req=doc&rnd=Vxp7Xg&base=SPB&n=275454#oMtFCiTRUENkB26A> (дата обращения: 10.04.2023).

¹³ Таких, как необходимость достижения технологического суверенитета; оптимизации расходов регионального бюджета; решения проблемы износа основных производственных фондов, поскольку устаревшее оборудование — не только фактор, ограничивающий рост производства, но и причина его низкой энергоэффективности и пр.

¹⁴ Последнее отражено в государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге».

¹⁵ Причины не только в «ухудшении с рынка западных производителей», но и в необходимости модернизации производств. Высокой степени изношенности производственных фондов и недостаточно высокому коэффициенту их обновления уделено внимание и в государственной программе Санкт-Петербурга. Что касается финансовых затрат на модернизацию, то «яркие» примеры — Балтийский завод, Северная верфь, требующие на модернизацию порядка 20 млрд рублей инвестиций. См. об этом: Балтийский завод и Северная верфь требуют 20 млрд инвестиций [Электронный ресурс]. Петербургский вестник: [сайт]. URL: <https://spbvestnik.ru/post/baltijskij-zavod-i-severnaya-verf-trebuyut-20-mlrd-investicij-evtuhov/> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶ Напомним, что в ГЧП он не менее 3 лет.

партнеру на этапе переговоров «собрать» оптимальный перечень льгот и стимулов, необходимых для реализации проекта. К ним относятся следующие:

1. Нет ухудшения условий соглашения. Если после заключения СПИК принимаются новые нормативно-правовые акты, устанавливающие запреты и ограничения для промышленной продукции, то в отношении участника СПИК они не применяются.
2. Возможность снижения ставки налога на прибыль до 0 %.
3. Ускоренная амортизация. Производитель амортизируемого основного средства (частый партнер) имеет право выдавать своим покупателям свидетельства, для применения ими ускоренной амортизации¹⁷.
4. Частный партнер имеет возможность получить статус «Единственный поставщик»¹⁸ для ряда категорий государственных закупок¹⁹.

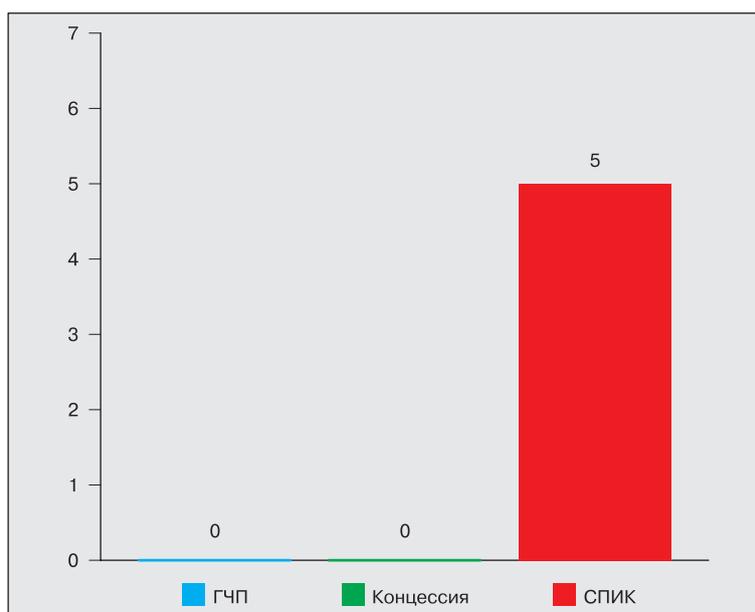

Рис. 2. Количество реализуемых промышленных проектов в г. Санкт-Петербурге по формам партнерства с 2019 по 2023 г.²⁰

Преимущество СПИК проявляется и в том, что:

- законодательное регулирование СПИК в промышленной сфере является более проработанным и менее жестким, чем в ГЧП;
- комплекс стимулирующих мер на развитие производства промышленной продукции в СПИК является довольно многообразным, что выступает существенным обстоятельством при выборе формы партнерства.

Наряду с возможностями и преимуществами СПИК необходимо обратить внимание и на то, что данная форма, по нашему мнению, является достаточно «ангажированной»,

¹⁷ Условия получения свидетельства: амортизируемое средство является промышленной продукцией, указанной в контракте; амортизируемое средство произведено в период действия СПИК.

¹⁸ В список единственных поставщиков можно попасть при выполнении следующих условий: СПИК с частным партнером заключило государство; объем инвестиций больше 3 млрд руб.; товар будет производиться российским юридическим лицом.

¹⁹ CGBR 2.0: поддержка промышленных предприятий и стимуляция импортозамещения [Электронный ресурс]. Аудиторско-консалтинговая группа «ДЕЛОВОЙ ПРОФИЛЬ»: [сайт]. URL: <https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/spik-2-0-podderzhka-promyshlennykh-predpriyatiy-i-stimulyatsiya-importozameshcheniya/> (дата обращения: 13.04.2023).

²⁰ Составлено автором на основе данных цифровой платформы «Росинфра». URL: <https://dpo.rosinfra.ru/base-projects> (дата обращения: 12.04.2023).

поскольку отсутствуют конкурсные процедуры — решение о заключении соглашения принимается межведомственной комиссией²¹; закрытость процесса — иным участникам рынка не известны условия заключения того или иного соглашения.

Что же мешает привлечению инвестиций в создание, модернизацию, реконструкцию промышленной инфраструктуры Санкт-Петербурга в форме классического ГЧП? Причин много, но основные, по нашему мнению, описаны ниже.

1. Недостаток предложений от государства, дефицит инициатив как следствие незаинтересованности администрации Санкт-Петербурга в ГЧП-проектах в промышленности. Прежде всего, это происходит потому, что такие проекты не выгодны «бюджету», так как предполагают разделение финансирования между частным и публичным партнерами, а промышленные проекты очень капиталоемкие²². В данной ситуации «безвозмездное создание, модернизация, реконструкция» являются более предпочтительными.
2. В случае если инициатором проекта выступает частный партнер, то сроки предварительной проработки ГЧП-проектов могут быть «растянуты» на годы.
3. Ограниченный перечень объектов промышленности, в отношении которых возможно заключение ГЧП-соглашений, что снижает эффективность взаимодействия государства, бизнеса и пр.

Для того чтобы форма ГЧП стала более востребованной в промышленном секторе, необходимо стимулировать органы государственной власти региона к использованию классической формы ГЧП. Например, при рейтинговании регионов по использованию проектов ГЧП Министерству экономического развития РФ следовало бы учитывать разнообразие форм партнерства государства и бизнеса, не включая в ГЧП формы квази-ГЧП²³.

Готовность бизнеса инвестировать в совместный проект напрямую зависит не только от спроса на товары и услуги, но и от позиции государства. Оптимальны будут протекционистские меры государства, направленные на обеспечение сбыта производимой продукции и снижение импорта аналогов, начиная со стадии запуска проекта и заканчивая выходом предприятия на оптимальную мощность, что позволит частному партнеру в дальнейшем конкурировать на рынке без государственной поддержки²⁴. Также государству необходимо разрабатывать новые и расширять существующие государственные программы с определением приоритетных отраслей промышленности. К тому же необходимо, чтобы предприятия выступали с инициативами по модернизации производственных линий с применением новейших технологий.

Также существенным толчком для повышения привлекательности ГЧП может послужить закрепление права собственности на объект за частным партнером до момента завершения соглашения. В этом случае в активах у частного партнера появится объект, который сможет учитываться в качестве залогового имущества перед кредитными организациями.

²¹ В данной ситуации ни о какой конкуренции частных партнеров за право заключения соглашения речь не идет; ответственность за реализацию проекта, а также риски ложатся на частного партнера, хотя это и компенсируется значительными преференциями, которые он получает от государства.

²² В СПИК возможно софинансирование публичным партнером, но не обязательно. Кроме того, если провести параллель с созданием объектов социальной инфраструктуры, то в последние годы все они возводились за счет застройщиков в обмен на получение разрешения на возведение жилых комплексов.

²³ В частности, в соответствии с рейтингом, Санкт-Петербург по использованию ГЧП входит в десятку лидеров (см. рис. 1). Хотя из 28 проектов только 1 в форме ГЧП.

²⁴ Проекты с «гарантированным сбытом» — это «долгосрочный инструмент» с повышенной доходностью и низким риском не только для частного партнера, но и для публичного.

В последние несколько лет в России наблюдается активная цифровизация социально-экономической системы, всех ее элементов, в том числе и промышленности. Общественная значимость проектов цифровизации производственных систем в долгосрочной перспективе не вызывает сомнений. Поэтому переход к цифровым технологиям является приоритетным направлением в обеспечении технологической конкурентоспособности Санкт-Петербурга. Однако и в законе Санкт-Петербурга, и в ФЗ № 224 такая общественная значимость отсутствует. Особенность цифровых активов промышленности состоит в том, что они концентрируют в себе механическое и электро-механическое оборудование, недвижимость и программное обеспечение. Поскольку приведенные «элементы» являются отдельными объектами соглашения ГЧП, постольку необходимо внести корректировки в нормативно-правовое регулирование, а именно добавить в закон Санкт-Петербурга, в ФЗ № 224 новый объект соглашения — имущественные комплексы, связанные с созданием и эксплуатацией промышленных производств.

Многие исследователи отмечают, что существенным толчком для развития ГЧП в промышленности могут послужить послабления в налоговой политике для бизнеса. Снижение налоговых ставок позитивно сказывается на количестве заключаемых соглашений. Так, например, государство может передать во владение частному партнеру территории или производственные комплексы, находящиеся на территории особых экономических зон с имеющимися налоговыми льготами, а у инвестора повысятся шансы на получение заемных средств по сниженной ставке²⁵.

Таким образом, выбор формы сотрудничества зависит от сферы проекта, сроков его реализации и механизма инвестирования. Поддержание промышленной инфраструктуры на достаточно высоком уровне — обязательство государства, но его обеспечение — задача, решить которую государству самостоятельно, без взаимодействия с бизнесом, не представляется возможным.

Литература

1. *Борщевский Г. А.* Государственно-частное партнерство: учебник и практикум для вузов / 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 412 с.
2. *Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А. [и др.]* Государственно-частное партнерство: теория и практика / В. Г. Варнавский, А. В. Баженов, А. М. Воротников. М.: ВШУ, 2018. 284 с.
3. *Величко Ю., Ефремова Н., Жильцов К., Зусман Е., Зыкина С., Савельев А., Туголукова В., Фурищик М.* Аналитическое исследование: офсетный контракт 2.0 [Электронный ресурс]. URL: https://news.solidwaste.ru/wp-content/uploads/2022/10/Analiticheskoe-issledovanie_Ofsetnyy-kontrakt-2.0.pdf. (дата обращения: 17.04.2023).
4. *Головин Ю. В., Маркелов О. В.* Механизмы привлечения инвестиций в энергосервисные контракты от участников финансового рынка через вновь созданные финансовые инструменты на базе IT-платформ. Бизнес. Общество. Власть. 2019. № 2 (32). С. 149–158.
5. *Кванина В. В.* СПИК как инструмент импортозамещения в Российской Федерации в условиях обновленного санкционного режима. Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2022. № 2. С. 52–59.

²⁵ Тем более что законодательство позволяет совмещать реализацию концессионных соглашений и ГЧП-проектов и получение льгот в рамках территорий со специальными режимами. Это одна из государственных мер стимулирования и поддержки проектов ГЧП.

6. *Мелюс Б. В.* Государственно-частное партнерство: модели, формы и механизмы реализации. Вестник Донецкого национального университета. Серия: В. Экономика и право. 2018. № 2. С. 134.
7. *Никитин Ю. А., Васильев Н. И., Детков Г. Б.* Особенности контракта жизненного цикла. Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 33–40.
8. *Шапошникова Т. В.* Преимущества и риски энергосервисных контрактов. Молодой ученый, 2016. № 6 (110). С. 969–972.

Административная ответственность лиц, передвигающихся на средствах индивидуальной мобильности

Маркосян Анастасия Рубеновна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; юридический факультет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студент 2-го курса магистратуры; e-mail: amarkosyan-17-01@edu.ranepa.ru.

Научный руководитель:

Соловьева Анна Константиновна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра конституционного и административного права (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
*заведующая кафедрой, кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: soloveva-ak@ranepa.ru.*

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования и привлечения к административной ответственности лиц, передвигающихся на средствах индивидуальной мобильности (СИМ). Исследовано понятие СИМ и его характеристики применительно к изменениям в Правилах дорожного движения, которые вступили в силу весной 2023 г. Выявлены отличия СИМ от других видов транспортных средств. Определен правовой статус лица, использующего СИМ, как участника дорожного движения, его права и обязанности. Исследована судебная практика по применению ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) в отношении лиц, использующих СИМ. Сделаны предложения по совершенствованию норм Правил дорожного движения и КоАП РФ в части административной ответственности лиц, использующих СИМ, в том числе при их передвижении в состоянии опьянения.

Ключевые слова: средство индивидуальной мобильности, административное правонарушение, электросамокаты, административная ответственность, участники дорожного движения, пешеход, правила дорожного движения, управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Administrative Responsibility of Persons Traveling by Means of Individual Mobility

Anastasia R. Markosyan, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of Law (Saint Petersburg, Russian Federation)
MA student; e-mail: amarkosyan-17-01@edu.ranepa.ru.

Academic Supervisor:

Anna K. Soloveva, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of Constitutional and Administrative Law
*Head of the Department, PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: soloveva-ak@ranepa.ru.*

Abstract

The article considers the problems of legal regulation and bringing to administrative responsibility of persons traveling by means of individual mobility (MIM). The author analyses the concept of MIM and its characteristics in relation to the amendments to the Road Traffic Rules, which came into force in the spring of 2023. The features of SIM distinguishing them from other types of vehicles are revealed. The author identifies the legal status of a MIM user as a participant of road traffic, as well as his/her rights and obligations. The paper looks at the judicial practice on application of Article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (CAO RF) in relation to MIM users. The author puts forward the suggestions concerning the improvement of the norms of the Rules of the Road Traffic and CAO RF in terms of administrative responsibility of MIM, including those in a state of intoxication.

Keywords: means of individual mobility, administrative offense, electric scooters, administrative responsibility, road users, pedestrian, traffic rules, driving a vehicle while intoxicated.

Административная ответственность является действенным инструментом обеспечения безопасности в сфере дорожного движения. Административная ответственность — сложный комплексный институт административного права. Традиционно ее рассматривают как «меру государственного принуждения, применяемую государственными органами, должностными лицами к лицу, совершившему административное правонарушение» [4, с. 235]. С точки зрения теории права и государства, а также теории административного права «административная ответственность представляет собой один из видов публично-правовой ответственности, установленной при совершении проступков (административных правонарушений), влекущих за собой малозначительное, реальное или потенциальное причинение вреда или ущерба правоохраняемым имущественным и нематериальным интересам» [1, с. 23].

В сфере обеспечения безопасности дорожного движения административная ответственность выполняет не только наказательные, но и прежде всего профилактические функции. Эффективность ее применения зависит в том числе от постоянного учета законодателем уровня развития транспортных средств, которые используются гражданами для своего передвижения. Своевременно введенная в законодательство и адекватная содеянному мера административной ответственности может способствовать сокращению количества правонарушений на дорогах. К сожалению, никакие изменения в части СИМ пока не затронули административную ответственность: по-прежнему отсутствуют нормы, которые бы регулировали именно «средства индивидуальной мобильности». Кроме того, на сегодняшний день административное наказание «воспринимается не как мера предупреждения правонарушений, а как цена, которую водители могут заплатить за свои противоправные действия» [3, с. 41].

В этой связи целью настоящей статьи является исследование правовых проблем применения законодательства об административной ответственности за нарушение нового порядка использования средств индивидуальной мобильности и формирование предложений по их разрешению.

Перед жителями современных мегаполисов и небольших городов все чаще стоит вопрос о выборе средства передвижения, на котором было бы безопасно, удобно, быстро и недорого перемещаться. С каждым годом для граждан становятся более доступными новые средства индивидуальной мобильности. Длительное время использование СИМ на дорогах общего пользования не регулировалось никакими нормативными правовыми актами.

В целях устранения данного пробела в законодательстве Российской Федерации Правительство страны внесло изменения в Правила дорожного движения¹ (далее — ПДД), касающиеся электросамокатов, электроскутеров и других устройств с электродвигателем. С 1 марта 2023 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ от 6 октября 2022 г. № 1769 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»² вводится термин «средство индивидуальной мобильности».

Обновленные правила ПДД определяют термин СИМ следующим образом: «Средство индивидуальной мобильности — транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей)». Практически идентичное понятие у термина «электромобиль», что вводит в заблуждение при классификации транспортных средств (далее — ТС). Так, в соответствии с ПДД, «электромобиль — транспортное средство, приводимое в движение исключительно электрическим двигателем и заряжаемое с помощью внешнего источника электроэнергии».

Правила дорожного движения к средствам индивидуальной мобильности относят: электросамокаты, моноколеса, электроскейтборды, сигвеи, гироскутеры и иные аналогичные средства.

Отдельные разновидности и модели средств индивидуальной мобильности имеют технические характеристики, по формальным признакам соответствующие характеристикам велосипеда с электродвигателем (при электродвигателе номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки, не превышающей 0,25 кВт) или мопеда (при электродвигателе номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт), а в ряде случаев — мотоцикла (при электродвигателе номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки, превышающей 4 кВт)³. Такие неопределенные характеристики СИМ «создают условия, при которых в случае участия данных средств передвижения в ДТП невозможно однозначно определить категорию участника дорожного движения» [2, с. 33].

СИМ, согласно ПДД, должен обладать следующими признаками: оборудован тормозной системой, звуковым сигналом, световозвращателями белого цвета спереди, оранжевого или красного цвета с боковых сторон, красного цвета сзади, фарой (фонарем) белого цвета спереди. Таким образом, в соответствии с законодательством СИМ является транспортным средством, в этой связи было бы логично при обнаружении факта передвижения посредством СИМ человека, находящегося в состоянии опьянения, применять к нему санкцию, предусмотренную ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ⁴, которая «влечет наложение

¹ Правила дорожного движения Российской Федерации утверждены постановлением Совета министров — Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102167882&backlink=1&nd=102026836> (дата обращения: 13.04.2023).

² Постановление Правительства РФ от 06.10.2022 № 1769 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070049> (дата обращения: 13.04.2023).

³ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2022 г. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. 40 с.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 28.02.2023). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102435144&backlink=1&nd=102074277> (дата обращения: 13.04.2023).

административного штрафа в размере 30 тыс. руб. с лишением права управления ТС на срок от полутора до двух лет».

Однако в данном вопросе нет однозначности. В новой редакции ПДД сформулировано усовершенствованное определение понятия «пешеход», исходя из которого следует, что к пешеходам приравниваются «лица, ведущие СИМ». Исходя из ПДД следует различать, когда гражданин выступает как «лицо, использующее для передвижения СИМ» и когда он является «пешеходом, ведущим СИМ», то есть без передвижения. Было бы целесообразно в ПДД более четко определить термины, применяемые в этих ситуациях.

Изменения ПДД установили правила передвижения граждан на СИМ в зависимости от их возраста. Так, движение на СИМ детей в возрасте до 7 лет допускается исключительно в сопровождении взрослых по тротуарам, пешеходным и велопешеходным дорожкам, а также в пределах пешеходных зон. Передвижение на СИМ лиц в возрасте от 7 до 14 лет должно осуществляться только по тротуарам, пешеходным, велосипедным и велопешеходным дорожкам, а также в пределах пешеходных зон. Лица в возрасте от 14 лет должны передвигаться на СИМ по велосипедным, велопешеходным дорожкам, проезжей части велосипедной зоны или полосе для велосипедистов. Также в ряде случаев допускается движение в пешеходной зоне, по тротуару, пешеходной дорожке, по обочине, по правому краю проезжей части дороги. В связи с разрешением передвижения на СИМ детям в возрасте от 7 лет самостоятельно Минтранс предложил ввести в школьную программу соответствующий образовательный модуль, посвященный безопасному передвижению на СИМ⁵.

Установлена максимальная разрешенная скорость для передвижения на СИМ — 25 км/ч (п. 24.6 ПДД). В этой связи возникает вопрос, как лицо, передвигающееся посредством СИМ, должно следить за своей скоростью. Далеко не все моноколеса и иные подобные средства передвижения оснащены спидометром. Для разрешения данного вопроса необходимо оборудовать все СИМ спидометром.

Одновременно нерешенным является и вопрос о том, как сотрудникам Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД Российской Федерации (далее — ГИБДД) контролировать соблюдение скорости СИМ? Более того, в отсутствие государственных регистрационных знаков у СИМ, как у механического транспортного средства, нет возможности автоматической фиксации нарушений ПДД, совершаемых их водителями.

Таким образом, новеллы ПДД не в полной мере разрешают проблему, связанную со средствами индивидуальной мобильности.

Не смог решить проблему технических требований к СИМ и введенный с 1 февраля 2023 г. ГОСТ Р 70514-2022 «Национальный стандарт Российской Федерации. Электрические средства индивидуальной мобильности. Технические требования и методы испытаний»⁶, поскольку он носит исключительно рекомендательный характер, а следовательно, не содержит обязательные требования к СИМ с точки зрения безопасности дорожного движения. Вместе с тем новый участник дорожного движения — лицо, передвигающееся на СИМ, — должен соответствовать Федеральному закону от 09.02.2007

⁵ Минтранс хочет посадить самокатчиков за парты [Электронный ресурс]. Парламентская газета: [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/social/mintrans-khochet-posadit-samokatchikov-za-party.html> (дата обращения: 07.04.2023).

⁶ ГОСТ Р 70514-2022 от 01.02.2023 «Национальный стандарт Российской Федерации. Электрические средства индивидуальной мобильности. Технические требования и методы испытаний». Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200194451> (дата обращения: 14.04.2023).

№ 16-ФЗ «О транспортной безопасности»⁷, который является основополагающим в сфере транспортной безопасности и антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств.

Представляется целесообразным предусмотреть в ПДД обязанность граждан после покупки СИМ регистрировать его в ГИБДД в целях получения свидетельства о его регистрации. Документ мог бы представлять собой пластиковую карточку или иметь цифровую форму и содержать следующие сведения о СИМ: тип, модель, год выпуска, масса СИМ, мощность двигателя, разрешенная максимальная нагрузка, размер колес, максимальная скорость, развиваемая СИМ, внешние световые приборы, материал конструкции, цвет, размер.

Предъявление соответствующего свидетельства на СИМ по требованию сотрудника ГИБДД должно стать обязанностью лица, которое самостоятельно передвигается на СИМ. Передвижение на СИМ, не зарегистрированном в установленном порядке, должно рассматриваться как административное правонарушение, предусмотренное ст. 12.1 КоАП РФ.

В крупных городах России существует множество компаний, которые предоставляют услуги проката электросамокатов и других видов СИМ, увеличивается количество пользователей данных услуг, а значит, и проблем безопасности дорожного движения. Это вызывает повышенную обеспокоенность у представителей общественности и государства.

Пользователи электросамокатов часто стали выезжать на проезжую часть, маневрировать между машинами и другими видами транспортных средств, вследствие чего возросло количество ДТП с СИМ. Так, по данным статистики Научного центра безопасности дорожного движения МВД Российской Федерации, за 2021 г. больше всего ДТП с участием СИМ было совершено при нарушении лицами, использующими СИМ, правил выезда с прилегающей территории (АЗС, дворы, жилые массивы, автостоянки, предприятия и т. д.).

Административная ответственность лиц, использующих СИМ, могла бы стать действенным инструментом безопасности на дорогах.

Особое место здесь занимает проблема административной ответственности за передвижение на СИМ лиц, находящихся в состоянии опьянения. В судебной практике в большинстве случаев указанные лица несли административную ответственность на основании ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ. Однако, в соответствии с изменениями ПДД, лицо, использующее для передвижения средство индивидуальной мобильности, должно нести административную ответственность как пешеход или иной участник дорожного движения. В этой связи необходимо внести в КоАП РФ соответствующие поправки в ст. 12.8: предусмотреть ответственность для нового участника дорожного движения (лицо, передвигающееся на СИМ) и установить более строгие санкции за передвижение на СИМ в состоянии опьянения.

Было бы целесообразно также усовершенствовать ч. 2 ст. 12.29 КоАП РФ, в которой необходимо обозначить, кто является «другим лицом, непосредственно участвующим в процессе дорожного движения» и можно ли его направлять нахождение медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В свою очередь, в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения следовало бы указывать сведения о государственных регистрационных знаках СИМ при их наличии.

⁷ Федеральный закон РФ от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О транспортной безопасности». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111823> (дата обращения: 14.04.2023).

До вступления в силу изменений ПДД в части СИМ в данной сфере сложилась разноречивая судебная практика. Так, сотрудник ГИБДД остановил Ш., который управлял электросамокатом⁸ и находился в состоянии опьянения. Гражданин Ш. оспорил законность обвинений инспектора ГИБДД, опираясь на то, что он является пешеходом. Судья действия Ш. по управлению электрическим самокатом в состоянии опьянения были переквалифицированы с ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ на ч. 3 ст. 12.29 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность лиц, управляющих велосипедом, возчиков или других лиц, непосредственно участвующих в процессе дорожного движения. Таким образом, суд посчитал, что лицо, управляющее электросамокатом, — это иной участник дорожного движения. Вместе с тем стоит отметить, гражданин Ш. проходил освидетельствование на состояние опьянения в соответствии с требованиями для водителей транспортных средств.

На сегодняшний день законность применения к Ш. такой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, представляется спорной, так как в КоАП РФ отсутствует обязанность прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения для иных участников дорожного движения.

Иной пример: гражданина А. привлекли к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ за управление электросамокатом в состоянии алкогольного опьянения. А. не согласился с постановлением и подал жалобу в суд, в которой просил отменить постановление. На судебном заседании А. пояснил, что данный электросамокат является детским и не подлежит государственной регистрации. Следовательно, отсутствует состав правонарушения. Суд решил, что, исходя из технических характеристик электросамоката, принадлежащего А., данное устройство не могло являться транспортным средством, а гражданин А. не являлся водителем транспортного средства и не мог быть субъектом данного правонарушения. Суд отменил постановление мирового судьи по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.8 КоАП и прекратил производство по данному делу⁹.

Размытость административно-правового статуса лиц, перемещающихся на электросамокатах, также наблюдается и в следующей ситуации: гражданина Е. привлекли к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ и подвергли административному наказанию в виде административного штрафа с лишением права управления ТС. Основанием привлечения к ответственности гражданина Е. являлось то, что он управлял электросамокатом в нетрезвом состоянии, который в соответствии с характеристикой ТС относится к «мопеду». Инспектор ГИБДД заметил следующие признаки для привлечения к ответственности водителя: запах алкоголя изо рта и нескладную речь. Гражданин Е. отказался проходить медицинское освидетельствование на состояние опьянения, тем самым нарушил п. 2.3.2 ПДД. Гражданин Е. подал жалобу в суд. С доводами гражданина Е. мировой судья не согласился, ссылаясь на то, что вина Е. в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ полностью

⁸ Решение Судебного участка № 3 г. Ливны Ливенского района Орловской области от 1 июля 2015 г. № 12-260/2017 по делу № 5-249/2015. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/cZlEh5Y45TZt/> (дата обращения: 04.04.2023).

⁹ Решение Советского районного суда г. Казань (Республика Татарстан) от 9 декабря 2019 г. № 12-1983/2019 по делу № 12-1983/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/hYuk9vCW345v/?regular-txt=электросамокат+опьянение®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1673351205860&snippet_pos=448#snippet / (дата обращения: 04.04.2023).

подтверждена¹⁰. Таким образом, суд в соответствии с характеристиками о ТС посчитал электросамокат транспортным средством.

К сожалению, это далеко не исчерпывающий список дел, в котором задействованы лица, передвигающиеся на СИМ в состоянии опьянения. Проблема гораздо шире и требует повышенного внимания, так как нередко она приводит к ошибочной квалификации правонарушения. Необходимо усовершенствовать законодательство в области дорожного движения в части административной ответственности за передвижение на СИМ в состоянии опьянения.

Таким образом, анализ административного законодательства, судебной практики, трудов ученых-административистов и документов по дорожно-транспортной аналитике позволяют предложить следующие меры по совершенствованию законодательства:

1. Внести дополнения в Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹, в ст. 6 указать конкретные транспортные средства, подлежащие государственному учету. Возложить на собственника СИМ обязанность обратиться в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации СИМ.
2. Обязать лиц, передвигающихся на СИМ, иметь шлем, для максимального снижения последствий дорожно-транспортного происшествия. За передвижение без шлема на СИМ применять к нарушителям санкцию ст. 12.6 КоАП РФ.
3. Внести изменения в ПДД и закрепить в них исчерпывающий перечень СИМ.
4. В городах федерального значения регулярно вводить сезонные ограничения на использование СИМ при температуре ниже 0 градусов по Цельсию.
5. Внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ и изложить следующим образом: «Управление транспортным средством, средством индивидуальной мобильности водителем или лицом, передвигающимся на средстве индивидуальной мобильности, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, — влечет наложение административного штрафа в размере 30 тыс. руб. с лишением права управления транспортными средствами, средствами индивидуальной мобильности на срок от полутора до двух лет».

Литература

1. Агапов А. Б. Административная ответственность: учебник для вузов / А. Б. Агапов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2023. 483 с.
2. Вербицкая М. А., Техов Д. Н. Несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: некоторые вопросы административной ответственности. *Философия права*, 2022. № 1 (100). С. 119–124.

¹⁰ Решение Мичуринского городского суда Тамбовской области от 22 сентября 2020 г. № 12-312/2020 по делу № 12-312/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3TZ5JX4xIYIK/?regular-txt=электросамокат+опьянение®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_pos=474#snippet / (дата обращения: 04.04.2023).

¹¹ Федеральный закон РФ от 03.08.2018 № 283-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru//06.08.2018> (дата обращения: 14.04.2023).

3. *Гриненко М. А.* Проблемы правового регулирования административной ответственности за правонарушения в сфере дорожного движения. *Инновационная наука* / под ред. А. А. Сукиасяна. Уфа: Международный научный журнал, 2022. № 10–1. С. 31–35.
4. *Кудрявич С. Б.* Основные проблемы установления и применения административной ответственности за нарушение правил дорожного движения. *Новизна. Эксперимент. Традиции* (Н.Эк.Т), 2022. Т. 8. № 2 (18). С. 34–42.
5. *Стахов А. И.* Административное право России: учебник и практикум для вузов / под редакцией А. И. Стахова, П. И. Кононова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2023. 484 с.
6. *Тарышкин В. В.* Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, 2019. № 19-1. С. 100–101.

Высшее образование как ресурс «мягкой силы» России в новых геополитических условиях Часть 1: литературный обзор и постановка проблемы^{*, **}

Савельчев Леонид Александрович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет международных отношений и политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 2-го курса магистратуры; e-mail: lsavelchev-17@edu.ranepa.ru.

Аннотация

Расширение применения военной силы и деградация культуры диалога между государствами повышают внимание к невоенным способам решения проблем, то есть использованию «мягкой силы» в международных отношениях. Первый выпуск статьи посвящен анализу литературных источников по проблеме использования высшего образования в качестве ресурса «мягкой силы» в международных отношениях. Автор проводит литературный обзор функциональной сущности высшего образования в международных отношениях, а также дает краткий обзор литературы по вопросу использования образовательной сферы как ресурса «мягкой силы» на примере России, — результаты эмпирического анализа будут представлены в следующем выпуске статьи.

В качестве теоретической основы автор применил концепцию «мягкой силы» Джозефа Ная. Помимо прочего, в работе используются два вида литературы: научные статьи и учебные пособия отечественных авторов (М. Лебедева, Л. Рустамова, В. Агеева, С. Шмидт и др.) и зарубежных авторов (С. Atkinson, Е. Carr, А. Crowley-Vigneau и др., S. Lomer и т. д.) по вопросам «мягкой силы» в целом и «мягкой силы» высшего образования непосредственно.

По результатам исследования сделаны два главных вывода. Во-первых, основным инструментом реализации «мягкой силы» в сфере высшего образования является международная студенческая мобильность. Во-вторых, основная функциональная сущность высшего образования в международных отношениях состоит в формировании и изменении политико-идеологических установок студентов посредством передачи культуры, идей и ценностей принимающей страны.

Ключевые слова: студенческая мобильность, высшее образование, «мягкая сила», интернационализация высшего образования, Россия, гуманитарное сотрудничество.

* Статья подготовлена на основе исследовательской работы, результаты которой были апробированы в ходе участия в конкурсе студенческих работ по политологии имени Макса Вебера СЗИУ РАНХиГС в 2022–2023 уч. году, по итогам которого автор занял 1-е место в секции «Международные отношения» (28 апреля 2023 г.).

** Данная статья будет опубликована в двух частях: в первой части автором проведен анализ литературных источников и поставлена проблема, в свою очередь во второй части автор представит основные результаты и выводы эмпирического анализа на примере российского кейса.

Higher Education as a Resource of Russia's "Soft Power" under the New Geopolitical Conditions. Part 1: Literature Review and Problem Statement ^{*,}**

Leonid A. Savelchev, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of International Relations and Politics (Saint Petersburg, Russian Federation)

MA student; e-mail: lsavelchev-17@edu.ranepa.ru.

Abstract

The increasing employment of military force and the decline of the culture of dialog between states have increased the focus on non-military ways of problem solving, i. e., the use of "soft power" in international relations. The first section of the paper deals with the analysis of academic sources on the issue of utilizing higher education as a resource of "soft power" in international relations. The author presents an overview of the existing academic works on the functional essence of higher education in international relations, and provides a concise analysis of scholarly papers on the issue of using the educational sphere as the resource of "soft power" on the example of Russia. The results of empirical analysis will be highlighted in the next section of the article.

As an underlying theory of the study, the author relies on Joseph Nye's concept of "soft power". The author analyzes two types of sources: academic papers and the textbooks by Russian (Lebedeva M., Rustamova L., Ageeva V., Schmidt S., etc.) and foreign authors (Atkinson C., Carr E., Crowley-Vigneau A. et al., Lomer S., etc.) on the issues of "soft power" in general, and "soft power" of higher education specifically.

Two main conclusions have been drawn building on the research findings. Firstly, the major tool for the implementation of soft power in higher education is international student mobility. Secondly, the main functional essence of higher education in international relations consists in shaping and changing students' political and ideological attitudes via the transfer of culture, ideas and values of the host country.

Keywords: student mobility, higher education, soft power, internationalisation of higher education, Russia, humanitarian cooperation.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, особенностями современной рыночной экономики, основанной на научно-технических достижениях, во многом определяющихся качеством высшего образования. Развитие образовательной сферы является неотъемлемым фактором, влияющим на лидирующие позиции на мировой арене [3, с. 3]. Во-вторых, современный кризис мирового порядка, усиление фактора военной силы и деградация культуры диалога между государствами повышают роль невоенных способов решения проблем, направленных на поиск компромиссных решений и мирного сосуществования государств. Одним из таких способов выступает высшее образование, которое является неотъемлемым компонентом «мягкой силы» государств [14, с. 120].

* The article was prepared on the basis of a research paper, the results of which were tested during participation in the Max Weber competition of student papers in political science of the RANEPA in 2022-2023 academic year, according to which the author took 1st place in the section "International Relations" (April 28, 2023).

** This article will be published in two parts: in the first In the second part, the author analyzes literary sources and poses a problem, in turn, in the second part, the author will present the main results and conclusions of the empirical analysis on the example of the Russian case.

Неолиберальная концепция «мягкой силы» применяется для обоснования интернационализации высшего образования¹, она предложена американским ученым Джозефом Наем в 1990 г. [18]. Он интерпретирует «мягкую силу» как способность добиваться желаемых результатов от других с помощью убеждения и привлекательности, а не принуждения и насилия [20, с. 5]. В основе «мягкой силы» государств лежат три основных ресурса: культура, политические ценности (идеология) и государственная политика (внутренняя и внешняя). Высшее образование, являясь одним из компонентов культурного ресурса «мягкой силы», способствует формированию авторитета и влиянию государств на мировой арене. Основные академические дебаты, существующие в научной литературе, сосредоточены на шести основных вопросах, а именно:

- 1) роли высшего образования и студенческой мобильности в распространении культуры, идей и ценностей [7; 11; 14; 19; 20; 21; 22 и др.];
- 2) влиянии мобильности на имидж государств [6; 7; 8; 14; 23];
- 3) развитию глобальных и региональных научно-образовательных сетей на основе общих ценностей [6];
- 4) предотвращении войн между государствами в результате создания идеологических союзников и роста взаимопонимания [22];
- 5) вкладе в формирование «утечки мозгов» [2; 15];
- 6) личных мотивах и намерениях студентов при выборе направлений обучения [7; 16; 17; 24].

Число студентов, получающих высшее образование за пределами своей страны, значительно увеличилось: с 0,8 млн в 1975 г. до 6,4 млн в 2020 г.² Эта тенденция актуализирует обсуждение роли высшего образования «мягкой силы» в межгосударственных отношениях.

Для анализа практики использования высшего образования как ресурса «мягкой силы» в качестве кейса в данной работе была выбрана Россия.

Литературный обзор. Российской «мягкой силе» уделено немало внимания в академическом сообществе ввиду ее отличия от неолиберальной модели, предложенной Дж. Наем: например, Вера Агеева [10] и Сергей Шмидт [9] указывают, что мобилизация «мягкой силы» России носит сугубо правительственную природу, что предопределило особые подходы (например, гуманитарное сотрудничество), институты (преимущественно правительственные или подконтрольные правительству) и инструменты к пониманию российской «мягкой силы».

Высшее образование в качестве составляющей «мягкой силы» России рассматривалось в работах Анатолия Торкунова [8], Анны Великой [1], Анны Матевосян [4], Лейли Рустамовой [6], Марины Лебедевой [3] и др. Эксперты отмечают, что распад СССР негативно повлиял на ресурсный потенциал российского высшего образования, что стало следствием экономического кризиса, потери населения и территорий [1; 3; 6; 8]. Хотя

¹ Термин «интернационализация» неразрывно связан с термином «глобализация». В широком смысле под глобализацией понимают «поток технологий, экономики, знаний, людей, ценностей... через границы» [25, с. 12]. Интернационализация образования в данном случае выступает в качестве инструмента, который способствует развитию процессов глобализации, а именно формированию у студентов международного сознания и развития межкультурных навыков общения для выживания в глобальном мире. Jian Li предлагает разделять интернационализацию на внутреннюю («дома») и внешнюю («за рубежом»). Интернационализация образования «дома» подразумевает развитие образовательной мобильности среди этносов одной страны; в свою очередь интернационализация «за рубежом» подразумевает разработку научно-образовательных проектов на основе взаимовыгодных инициатив и партнерств между правительствами, университетами и образовательными агентствами различных стран [25, с. 13].

² Data. Wissenschaft weltoffen. URL: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/en/data/?w-year=10&w-topics=&w-additional-tables=1> (дата обращения: 13.05.2023).

за последние 30 лет Россия укрепила позиции на мировом рынке экспорта образовательных услуг, поднявшись на 6-е место в 2020 г. по количеству иностранных студентов³, более 70 % целевой аудитории в 2022 г. приходилось на пространство Содружества Независимых Государств (СНГ), Китай и Индию⁴. В этой связи возникает ряд вопросов: во-первых, какие меры необходимо предпринять России для расширения целевой аудитории, а также для удержания текущей и влияния на нее; во-вторых, какие факторы следует предпринять, чтобы конкурировать с мировыми лидерами-экспортерами образовательных услуг: США, Великобританией, Австралией и Германией.

Для ответа на эти вопросы необходимо понять, какова специфика использования Россией высшего образования в качестве составляющей «мягкой силы» в международных отношениях? Это и стало **исследовательским вопросом** данной работы.

Цель исследования состоит в выявлении специфики высшего образования как ресурса «мягкой силы» на примере России.

Задачи исследования:

- определить основы неолиберальной концепции «мягкой силы» Джозефа Ная;
- выявить роль высшего образования как ресурса «мягкой силы» в концепции Джозефа Ная;
- провести критический анализ российского опыта использования высшего образования в качестве компонента «мягкой силы» в новых геополитических условиях (после февраля 2022 г.).

Объектом исследования выступает «мягкая сила» как кооптивная форма силы в международных отношениях.

Предметом исследования является высшее образование как составляющая «мягкой силы» России в международных отношениях.

ПРОВЕДЕННЫЙ АНАЛИЗ

1. Концептуальные основы «мягкой силы». Понятие «мягкой силы» в обобщенном виде апеллирует к силе, отличной от силы насилия и принуждения, будучи известным с незапамятных времен: например, в VI в. до н. э. китайский философ Сунь-цзы в трактате «Искусство войны» утверждал, что свергнуть врага без применения военной силы — есть вершина искусства управления [6, с. 13]. В XVIII в. французский философ Люк де Клапье писал о гибкости власти, называя одну из ее констант «пределом хитроумия» — в качестве инструмента достижения политических целей без применения военной силы [5, с. 17]. В середине XX в. британский политолог Эдвард Карр, размышляя о формах силы, указал, что помимо военной и экономической силы существует и третья форма — «сила над мнением» — искусство убеждать людей и управлять ими «как зверьми вопреки их чувствам и склонностям» на основе риторики политического лидера и пропаганды [13, с. 120].

Не исключено, что американский ученый Джозеф Най, считающийся отцом-основателем неолиберальной концепции «мягкой силы», вдохновился работой Карра. Концептуальный взгляд на феномен «мягкой силы» впервые был опубликован в книге Ная «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» в 1990 г., который он определил как «способность других хотеть того, чего хотите вы» на основе

³ Data. Wissenschaft weltoffen. URL: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/en/data/?w-year=10&w-topics=&w-additional-tables=1> (дата обращения: 13.05.2023).

⁴ Russian Higher Education. Project Atlas. URL: https://iie.widen.net/s/tqtkwrfvmv/russia_2022-longitudinal-table (дата обращения: 19.05.2023).

«привлекательности ваших идей и способности формировать политическую повестку исходя из предпочтений, которые выражают другие» [21, с. 31].

В более поздних трудах Най раскрывал «мягкую силу» как «способность влиять на других при помощи кооптивных средств⁵ формирования информационной повестки, убеждения и создания привлекательного образа для получения желаемых результатов» [21, с. 92] на основе трех столпов: **способностей** (behaviours) — формирование повестки дня, умение убеждать и привлекать; **ресурсов** (primary currencies) — культура, политические ценности, внешняя политика и институты; а также **государственной политики** (governmental policies), апеллирующей публичной, двухсторонней и многосторонней дипломатией [20, с. 31]. При этом связующим звеном перечисленных столпов является ряд **качеств**: способность создавать у объекта, на которого направлено влияние, чувство того, что вы обладаете добротелью (benignity), компетентностью (competence), харизмой (beauty/charism), авторитетом/надежностью (credibility) и доверительностью (trust) — необязательно быть их истинным носителем, однако важно, чтобы целевая группа была убеждена в том, что вы обладаете арсеналом такого рода характеристик [21, с. 92]. Эти группы качеств, по мнению Дж. Наея, имеют решающее значение на ответную реакцию объекта и конвертацию столпов «мягкой силы» (преимущественно ее ресурсов — культуры, ценностей и внешнеполитического курса) в видимые результаты [21, с. 100].

2. **Высшее образование как ресурс «мягкой силы» и инструмент публичной дипломатии.** Най рассматривает высшее образование в рамках такого ресурса «мягкой силы», как культура (см. рис. 1), которую он подразделяет на элитарную (для элиты) и популярную (для масс). Высшее образование в понимании Наея относится к прерогативам высшего класса [20, с. 5].

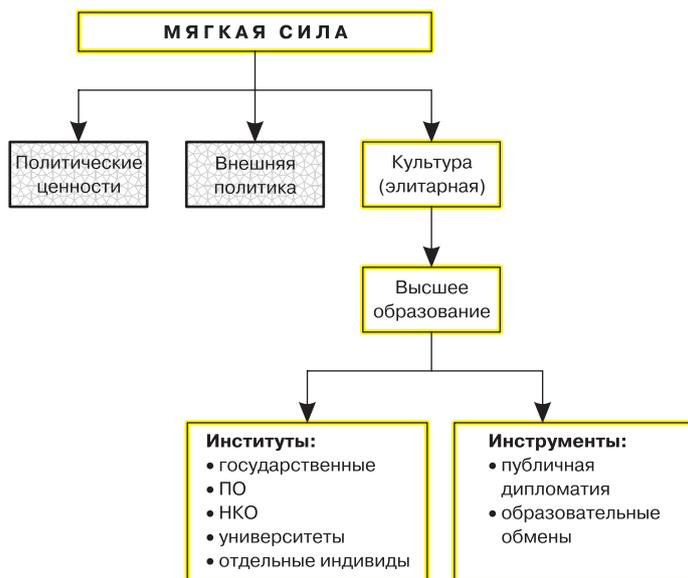

Рис. 1. Место высшего образования в концепции «мягкой силы»⁶

⁵ Кооптивная сила (англ. «co-optive power») — это не что иное, как синоним самой «мягкой силы» — «способность формировать то, что хотят другие посредством привлекательности своей культуры и ценностей, а также способность манипулировать политической повесткой таким образом, чтобы другие потерпели неудачи, попытавшись выразить свои предпочтения ввиду того, что они им покажутся недостижимыми» [21, с. 7]. Иными словами, раскрытие Наем понятия «мягкой силы» — это своего рода терминологическая игра, в которой кооптивность средств подразумевает набор инструментов, с помощью которых достигается привлекательный образ.

⁶ Составлено автором исследования на основе интерпретации концепции «мягкой силы» Джозефа Наея [18–21].

В контексте «мягкой силы» высшее образование предстает в виде ресурса или поля деятельности, в которых «мягкая сила» может быть создана/мобилизована, включая специфический набор институтов и инструментов [23, с. 55]. Институтами или агентами «мягкой силы» — теми, кто привносит ресурсы «мягкой силы» в жизнь [23, с. 55], могут выступать министерства образования, университеты и отдельные индивиды как преподаватели и студенты. В свою очередь инструменты — это те вехи, каналы передачи информации, культуры и ценностей, через которые «мягкая сила» фактически преобразуется в результаты: например, через студенческую мобильность, научные публикации, лекции, конференции, тренинги и средства массовой информации [23, с. 55]. Перечисленные инструменты рассматриваются Наем в качестве составляющих публичной дипломатии, под которой он понимает косвенную форму влияния одного государства на правительства других государств через общение с гражданским обществом [21, с. 106]. Данный факт подразумевает, в частности, что иностранные студенты играют роль инструмента внешней политики принимающей страны (в особенности США) на государства (правительства) отправляющих стран.

Отнесение Наем высшего образования к высшему классу (элите) вытекает из того, что он рассматривает образовательные обмены в качестве развития долгосрочных отношений с «ключевыми лицами» посредством передачи культуры, идей и ценностей. Он указывает, что американские университеты воспитали более 200 мировых политиков [20, с. 109], среди которых премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, канцлер Федеративной Республики Германия Гельмут Шмидт и президент Египта Анвар Садат [21, с. 106].

Идея влияния студенческой мобильности заключается в предположении, что иностранные студенты, набравшись либеральных идей в США, вернувшись на Родину и заняв влиятельное положение в своей стране, будут принимать решения, соответствующие политике США [20, с. 13]. И ключевое условие — быть приближенным к политической элите или являться ее частью — то есть обладать властными политическими полномочиями у себя дома. Аргументируя свою позицию, Най неоднократно называет развал Советского Союза следствием влияния студенческой мобильности с Соединенными Штатами. В частности, он пишет, что либеральные идеи, подхваченные Александром Яковлевым⁷ во время учебы в Колумбийском университете в 1950-х, повлияли на политические реформы Михаила Горбачева, в конечном итоге приведшие к распаду СССР [19, с. 14].

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

«Мягкая сила» — это одна из кооптивных форм силы, противоположных «жесткой силе». Создателем термина и его концептуализации на основе неолиберальной парадигмы международных отношений считается американский ученый Джозеф Най, определивший «мягкую силу» как способность добиваться результатов при помощи привлекательности и убеждения, а не принуждения и насилия.

Высшее образование является ресурсом или полем деятельности, в котором «мягкая сила» может быть мобилизована, в свою очередь студенческая мобильность является формой (инструментом) реализации потенциала высшего образования «мягкой силы». По Джозефу Наю, основная функциональная сущность студенческой мобильности в международных отношениях состоит в формировании глобальной сети выпускников, которые, вернувшись домой после обучения в США, сформировали позитивный образ,

⁷ Считается, что Александр Яковлев был близким соратником Михаила Горбачева. Научным руководителем Яковлева в Колумбийском университете был Дэвид Трумэн, автор концепции политического плюрализма и антикоммунист [22, с. 14].

начали продвигать идеи демократии в своей стране и способствовать принятию лояльных решений в соответствии с интересами внешней политики США. Иными словами, студенческая мобильность играет роль, прежде всего, инструмента по формированию и изменению политико-идеологических установок студентов посредством передачи культуры, идей и ценностей принимающей страны.

В части 2 к данной статье автором будет проанализирован кейс России по проблеме использования «мягкой силы» высшего образования в новых геополитических условиях.

Литература

1. *Великая А. А.* Современная мировая политика: учебник / ред. коллегия: С. С. Жильцов, М. А. Неймарк, О. Г. Карпович; дипломатическая академия МИД России. М.: Проспект, 2023. 600 с.
2. *Ковба Д. М.* Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» / Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод // Образование и наука, 2019. № 21 (10). С. 9–31.
3. *Лебедева М. М.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России / М. М. Лебедева, Ж. Фор // Вестник МГИМО, 2009. № 6. С. 200–205. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-potentsial-myagkoy-sily-rossii> (дата обращения: 14.05.2023).
4. *Матевосян А. Т.* Мягкая сила Российской Федерации в сфере высшего образования (на примере Армении). Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 2. С. 56–68. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/509568966/?ysclid=lnjrk7hp7739759> (дата обращения: 14.05.2023).
5. *Неймарк М. А.* «Мягкая сила» в мировой политике / М. А. Неймарк; предисл. Е. П. Бажанова; дип. академия МИД России. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. 272 с.
6. *Рустамова Л. Р.* «Мягкая сила» и публичная дипломатия: учебное пособие / Л. Р. Рустамова. М.: КНОРУС, 2021. 252 с. (магистратура и аспирантура).
7. *Савельчев Л. А.* О восприятии России как образовательного направления студентами немецкого университета // Управленческое консультирование, 2023. № 5. С. 129–145. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-5-129-145> (дата обращения: 15.06.2023).
8. *Торкунов А.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Российский совет по международным делам (РСМД). 27 февраля, 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/?ysclid=lhexwqq9zp62483431> (дата обращения: 14.05.2023).
9. *Шмидт С. Ф.* Конфронтационная трактовка «мягкой силы»: трансформация американской концепции в России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. № 39. С. 22–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfrontatsionnaya-traktovka-myagkoy-sily-transformatsiya-amerikanskoy-kontseptsii-v-rossii?ysclid=lhgco28s6s258643743> (дата обращения: 14.05.2023).
10. *Ageeva V. D.* The Rise and Fall of Russia's Soft Power // Russia in Global Affairs, 2021. No. 1. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/rise-fall-russias-soft-power/?ysclid=lgno2aaqi1291317582> (дата обращения: 14.05.2023).
11. *Atkinson C.* Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980-2006 // Foreign Policy Analysis, 2010. No. 6 (1). P. 1–22.

12. *Bellamy C., Weinberg A.* Educational and Cultural Exchanges to Restore America's Image // *The Washington Quarterly*, 2008. No. 31 (3). P. 55–68.
13. *Carr E. H.* *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: Reissued with a New Preface From Michael Cox.* London: Palgrave Macmillan, 2016. 368 p.
14. *Crowley-Vigneau A.* That'll Teach Them: Investigating the Soft Power Conversion Model through the Case of Russian Higher Education / A. Crowley-Vigneau, A. A. Baykov, E. Kalyuzhnova / *Высшее образование в России*, 2022. No. 31 (1). С. 120–140. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-120-140.
15. *Krasulja N.* Brain-drain: The positive and negative aspects of the phenomenon / N. Krasulja, M. Blagojevic, I. Radojevic. *Ekonomika*, 2016. No. 62 (3). P. 131–142.
16. *Lomer S.* Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis. *Higher Education*, 2017. No. 74 (4). P. 581–598.
17. *Mulvey B.* International Higher Education and Public Diplomacy: A Case Study of Ugandan Graduates from Chinese Universities. *Higher Education Policy*, 2020. No. 33. P. 459–477.
18. *Nye J. S.* *Bound to lead: The Changing Nature of American Power;* Basic Books, A Member of Perseus Books, L.L.C, 1990. 307 p.
19. *Nye J. S.* *Soft Power and Higher Education* // *Forum for the Future of Higher Education (Archives)*. International, Policy and Law, 2005. URL: <https://library.educause.edu/resources/2005/1/soft-power-and-higher-education> (дата обращения: 14.05.2023).
20. *Nye J. S.* *Soft Power the Means to Success in World Politics.* New-York: Public Affair, 2004. 216 p.
21. *Nye J. S.* *The Future of Power.* New-York: Public Affair, 2011. 300 p.
22. *Perraton H.* *International Students 1860-2010: Policy and Practice round the world.* Palgrave Macmillan: Cham, 2020. 328 p.
23. *Raimzhanova A.* *Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource;* Peter Lang, 2018. 179 p.
24. *Waters J., Brooks R.* *Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities;* Palgrave Macmillan, 2021. 264 p.
25. *Li J.* *Conceptualizing Soft Power of Higher Education: Globalization and Universities in China and the World;* Singapore: Springer, 2018. 251 p.

Специфика устного перевода публичного политического выступления с немецкого языка на русский язык

Серго Глеб Денисович, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; факультет мировой культуры (Санкт-Петербург, Россия)
студент 4-го курса бакалавриата; e-mail: gleb.sergo.01@mail.ru.

Емцова Нина Васильевна, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; факультет мировой культуры (Санкт-Петербург, Россия)
студент 4-го курса бакалавриата; e-mail: qhj.yzp@bk.ru.

Научный руководитель:

Радин Алексей Михайлович, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; факультет мировой культуры; кафедра иностранных языков и лингвистики (Санкт-Петербург, Россия)
доцент кафедры, доктор филологических наук, доцент; e-mail: radin74@mail.ru.

Аннотация

В статье идет речь о специфике устного перевода публичного выступления с немецкого языка на русский. Авторами данной статьи представлены особенности перевода публичных выступлений, рассмотрено понятие публичной речи и ее особенности, охарактеризованы основные методы устного перевода и выделены трудности, связанные с переводом публичного выступления. Выбор темы для рассмотрения обусловлен тем, что многие устные переводчики сталкиваются с разнообразными трудностями во время перевода публичных выступлений, именно поэтому современный устный переводчик должен быть осведомлен о специфике работы с политическими выступлениями, сложностях, с которыми он может столкнуться. Также в статье приводится подробный разбор перевода отрывков из двух политических речей экс-канцлера Германии Ангелы Меркель и даются комментарии по поводу перевода

Ключевые слова: немецко-русский перевод, устный перевод, публичное выступление, политическая речь, синхронный перевод, последовательный перевод, публицистический стиль речи, дистанционный перевод.

The Specifics of Interpretation of a Political Public Speech from German into Russian

Gleb D. Sergo, Saint Petersburg State University of Culture and Arts; Faculty of World Culture (Saint Petersburg, Russian Federation)
BA student; e-mail: gleb.sergo.01@mail.ru.

Nina V. Yemtsova, Saint Petersburg State University of Culture and Arts; Faculty of World Culture (Saint Petersburg, Russian Federation)
BA student; e-mail: qhj.yzp@bk.ru

Academic Supervisor:

Aleksey M. Radin, Saint Petersburg State University of Culture and Arts; Faculty of World Culture; Chair of Foreign Languages and Linguistics (Saint Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Department; Doctor of Science (Philology), Associate Professor; e-mail: radin74@mail.ru.

Abstract

The paper considers the specifics of the interpretation of a public speech from German into Russian. The authors present the specific approaches to interpreting public speeches, consider the concept of public speech and its features, outline the main interpretation techniques, and highlight the challenges of interpreting public speeches. The choice of the topic could be accounted for by numerous and diverse problems faced by those interpreting public speeches. Thus, the research into the subject might be of interest and importance for both interpreters and educators. The paper also provides the detailed analysis of the interpretations of excerpts from two political speeches by former German Chancellor Angela Merkel and the comments on the interpretations.

Keywords: German-Russian interpretation, interpretation, public speaking, political speech, conference interpretation, consecutive interpretation, publicist style, remote interpretation.

Публичное выступление является важным элементом политической жизни. Речи политических деятелей имеют характерные особенности, которые определяются как личностью оратора, так и политической культурой в целом.

Публичное выступление — это изложение с определенной целью какой-либо информации перед аудиторией. Его целью может быть убеждение, объяснение чего-либо, побуждение к действию, развлечение аудитории и т. д.

Публичные речи относятся к публицистическому стилю, для которого характерно использование элементов устного и письменного, книжного и разговорного языка. Для выполнения функций, присущих публицистическому стилю (информативной и экспрессивной), необходимы «особые системы языковых единиц, для которых характерны: информативная насыщенность, лаконичность, конкретность, эмоционально-экспрессивная значимость, прагматичность, оценочность» [3, с. 7]. К таким системам можно отнести, например, нейтральную, разговорную, профессиональную лексику, общественно-политическую терминологию, использование образных средств выразительности [1, с. 216–218].

Публицистический характер языка политических выступлений обеспечивает возможность эффективного, разнообразного воздействия на аудиторию. Основная цель политической речи — побуждение слушателей или зрителей к участию в определенных политических процессах. К стилистическим характеристикам политической речи можно отнести:

- лаконичность изложения;
- специальный отбор языковых средств для достижения доходчивости изложения;
- применение фразеологии и лексики, заимствованной из различных стилей;
- распространенность речевых стереотипов, клише;
- жанровое разнообразие, а также разнообразие языковых средств, эмоционально-экспрессивной лексики;
- смысловую и информативную насыщенность;
- демонстративность [4, с. 75].

Содержательная сторона политической речи сводится к тому, «чтобы сформулировать цели, ценности и общественно-политическую стратегию одной политической группы по отношению к избирателям, а также по отношению к своим политическим оппонентам» [6, с. 174]. Т. В. Юдина выделяет ряд сфер, в которых воспроизводятся все формы общественно-политической коммуникации. К ним относятся:

- парламентские выступления;
- партийные съезды и заседания;

- избирательная кампания;
- международные конференции, встречи и форумы [7, с. 8.].

Повод и обстоятельства, в которых оратор представляет свою речь, также влияют на ее содержание, набор использованных риторических приемов, стиль и регистр.

Самыми распространенными видами устного перевода являются последовательный, при котором переводчик слушает небольшой фрагмент речи полностью и озвучивает перевод после окончания фрагмента, и синхронный, когда переводчик слушает исходный текст и одновременно создает перевод. Оба вида перевода широко применяются в рамках политических конференций, форумов и иных политических мероприятий.

Отметим также тенденцию, возникшую во время пандемии COVID-19 — проведение политических мероприятий в формате видеоконференций. Это в свою очередь оказало влияние на работу переводчиков. Для выполнения работы в удаленном формате переводчику необходимо как минимум освоить новые программы и принципы работы с техникой. На данный момент, однако, вопрос изучения особенностей дистанционного перевода в рамках подобных мероприятий остается открытым, масштабные исследования данной проблемы отсутствуют.

Одна из характеристик политического дискурса в целом, которая может представлять особенную сложность для перевода, — широкое применение политических терминов. Их можно разделить на следующие категории:

1. Названия партий.
2. Названия союзов и сообществ.
3. Названия политических чинов.
4. Названия политических комитетов [2, с. 216].

Помимо этого, сложности при переводе политических публичных речей могут быть связаны с особенностями политического языкового стиля. «Политический языковой стиль (стиль политического языка) — это речевые особенности использования национального языка, присущие определенному политику, определенной политической партии или организации» [5, с. 34]. Каждый оратор представляет речь, ориентируясь на конкретную аудиторию. Возраст, социальный статус зрителей и слушателей влияют на выбор регистра, образных средств выразительности, использование отсылок к каким-либо произведениям культуры и событиям и определяют тактику выступления в целом. Задача переводчика заключается в том, чтобы не только передать основной смысл речи оратора, но также адекватно отразить тон, регистр и стилистические особенности выступления. Важно также отметить, что в ходе выступления оратор может менять свою тактику, импровизировать, основываясь на поведении слушателей и их реакции на речь. Переводчику необходимо быть внимательным к изменениям стиля и тона в выступлении, чтобы передать их в переводе. Неточное отражение данных изменений приведет к искажению восприятия речи теми, кто слушает ее в переводе.

Стоит отметить, что для политических публичных выступлений ораторы обычно используют продуманные заранее подготовленные тексты, составленные специалистами, так называемыми спичрайтерами. Именно поэтому выбор тех или иных примеров и структура выступления не являются случайными, но употребляются осознанно, они служат средствами воздействия на аудиторию.

Для анализа были выбраны отрывки из двух выступлений бывшего канцлера Германии Ангелы Меркель. Речь¹ представленная на 55-й Мюнхенской конференции по

¹ Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 55. Münchner Sicherheitskonferenz. Der Bundeskanzler. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-55-muenchner-sicherheitskonferenz-am-16-februar-2019-in-muenchen-1580936> (дата обращения: 21.04.2023).

безопасности, которая состоялась в Мюнхене 16 февраля 2019 г., где перевод на русский язык был сделан с помощью устного синхронного перевода, а также выступление² на 57-й Мюнхенской конференции по безопасности, которая проходила в 2021 г. и в силу эпидемиологической ситуации проводилась в онлайн-формате. Рассмотрим некоторые из изречений бывшего канцлера Германии и какие способы перевода использовали переводчики. Речь 2019 г. начинается так:

«Sehr geehrte Präsidenten,
Kolleginnen und Kollegen,
Kolleginnen und Kollegen aus den Parlamenten,
lieber Herr Ischinger,
meine Damen und Herren,

natürlich grüße ich auch den Ministerpräsidenten des Freistaats Bayern. Ich glaube, München ist eine gute Gastgeberstadt. Die Kraft Bayerns zeigt sich hier in einer ganz besonderen Weise. Wir haben noch andere schöne Städte in Deutschland, aber heute steht München im Zentrum» (...Я хочу также поприветствовать премьер-министра Баварии, столица которой Мюнхен нас здесь тепло принимает, и есть другие красивые города, но сегодня в центре внимания находится Мюнхен).

Перевод³ вступительной части речи канцлера начинается не с первых слов оратора, возможно, это обусловлено тем, что переводчица не была изначально готова переводить. Переводчица пропускает приветствие президентов других стран и представителей парламента, а также приветствие председателя конференции господина Ишингера и начинает перевод с приветствия премьер-министра Баварии. Переводчица использует много опущений, к примеру, не переводит предложение «Die Kraft Bayerns zeigt sich hier in einer ganz besonderen Weise», которое можно передать как: «Сила Баварии проявляется здесь совершенно особым образом». Такой стиль перевода вполне приемлем, ведь речь идет об устном синхронном переводе, самом сложном виде переводов, в котором главной задачей является успеть перевести главную мысль оратора за короткий промежуток времени.

«Meine Damen und Herren, 2019 denken wir daran, dass vor 250 Jahren Alexander von Humboldt geboren wurde. Alexander von Humboldt lebte an der Schwelle zur Industrialisierung. Er war ein Wissenschaftler und Reisender, der von dem Drang durchdrungen war, die Welt als Ganzes zu verstehen und zu sehen. Er hatte mit diesem Wunsch auch ziemlich viel Erfolg. Sein Credo, wie wir in seinem mexikanischen Reisetagebuch aus dem Jahr 1803 nachlesen können, heißt: „Alles ist Wechselwirkung“» (Дамы и господа, 19-й год на дворе, мы отмечаем двухсотлетнюю годовщину Александра Гумбольдта, он жил на заре индустриальной эры, был ученым, много путешествовал, пытался понять, что происходит в мире, как можно больше увидеть, и ему удалось реализовать свои устремления. В своих мексиканских дневниках он написал: «Все меняется»). Данный отрывок переведен достаточно полно, передано имя и заслуги немецкого географа и путешественника. Переводчицей применена эквивалентность на синтаксическом уровне, в этом случае переводческая операция может быть описана как замена одних единиц другими с сохранением синтаксической константы.

² Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des virtuellen Forums der Münchner Sicherheitskonferenz am 19. Februar 2021 (Videokonferenz). Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-des-virtuellen-forums-der-muenchner-sicherheitskonferenz-am-19-februar-2021-videokonferenz--1860126> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Сенсационная речь Ангелы Меркель о России, США и мире на Мюнхенской конференции по безопасности [видео]. YouTube. URL: <https://youtu.be/nTnRjzE2AQ8> (дата обращения: 21.04.2023).

Также стоит отметить, что переводчица некорректно перевела количество лет, прошедших со дня рождения Александра фон Гумбольдта. Ангела Меркель сказала, что Гумбольдт родился 250 лет назад, а в переводе мы слышим: «...Мы отмечаем двухсотлетнюю годовщину Александра Гумбольдта...»

Отдельной сложностью при переводе является перевод цитат. Цитата Гумбольдта, которую произносит Меркель: *Alles ist Wechselwirkung* передается переводчицей на русский язык как «Все меняется». Более точным эквивалентом слова *Wechselwirkung* в русском языке является слово «взаимодействие». Таким образом, получается, что данную цитату лучше перевести как «Все есть взаимодействие», так как автор имел в виду, что все в нашем мире связано.

«Ungefähr 200 Jahre später, im Jahr 2000, hat der Chemie-Nobelpreisträger Paul Crutzen festgestellt, nachdem er das Ozonloch und die chemischen Wechselwirkungen erforscht hatte, dass wir nun in ein neues geochronologisches Zeitalter eintreten. Eiszeit und Zwischeneiszeit sind vorbei; und wir haben das Anthropozän. 2016 wurde diese Definition dann auch von der internationalen geologischen Gesellschaft übernommen. Das heißt, wir leben in einem Zeitalter, in dem die Spuren des Menschen so tief in die Erde eindringen, dass es auch nachfolgende Generationen als ein ganzes Zeitalter, das vom Menschen geschaffen wurde, ansehen werden. Das sind Spuren von Kernwaffentests, des Bevölkerungswachstums, der Klimaveränderung, der Rohstoffausbeutung, des Mikroplastiks in den Ozeanen. Und das sind nur einige wenige Stichworte von dem, was wir heutzutage tun» (Сегодня на дворе 2019 г., Маль Курцен получил за химические достижения эту премию, констатировал о том, что мы вступили в новую геологическую эру. Закончился ледниковый период, потом наступил антропоцен, то есть мы живем в эпоху, когда следы, которые после себя оставляет человек, настолько глубоки, что они останутся заметными на протяжении жизни многих дальнейших поколений, это биологические следы. Изменение климата, рост населения, добыча полезных ископаемых, пластмасса в мировом океане, это лишь некоторые проявления того, с чем мы имеем дело).

В процессе перевода могут добавляться различные слова, происходить грамматические и лексические преобразования. Могут также добавляться дополнительные предложения, в особенности такое может происходить, когда переводчик не совсем точно улавливает смысл слов оратора и поэтому пытается передать их по-своему. Так произошло и в отрывке, который представлен выше. Ангела Меркель говорит: «Ungefähr 200 Jahre später, im Jahr 2000, hat der Chemie-Nobelpreisträger Paul Crutzen festgestellt, nachdem er das Ozonloch und die chemischen Wechselwirkungen erforscht hatte, dass wir nun in ein neues geochronologisches Zeitalter eintreten», что можно перевести, как «Примерно 200 лет спустя, в 2000 году, лауреат Нобелевской премии по химии Пауль Курцен, изучив озоновую дыру и химические взаимодействия, определил, что мы вступаем в новую геохронологическую эпоху». По всей видимости, переводчица не расслышала слова Меркель или не успевала за ее темпом речи, поэтому сократила предложение и перевела так, будто Пауль Курцен сделал свое заявление не в 2000 году, а в 2019-м.

Еще одной сложностью при переводе может стать перевод имен личностей, на которых ссылается оратор. Для переводчика будет неоспоримым плюсом, если он знает имя того, на кого ссылается спикер, иначе может произойти так, что переводчик неправильно передаст это имя. Так, в переводе данной речи переводчица передала имя нобелевского лауреата Пауля Курцена, как Маль Курцен. Безусловно, это может смутить русского слушателя, если ему знакомо это имя.

«All das hat Auswirkungen auf die globale Sicherheit und auf die Fragen, die genau hier diskutiert werden. Deshalb ist es auch folgerichtig, wenn man sich einmal anschaut, womit diese Tagung 1963 begonnen hat» (Конечно, это все сказывается на глобальной

безопасности. Это тот вопрос, который мы здесь обсуждаем. Поэтому, думаю, имеет смысл вспомнить, с чего начала работу Мюнхенская конференция). При переводе этих слов переводчица опускает год проведения первой конференции — 1963. И использует добавление, делает акцент на названии конференции, проговаривая «Мюнхенская конференция», Меркель же говорит просто «эта конференция».

Теперь рассмотрим некоторые примеры из выступления Ангелы Меркель на Мюнхенской конференции 2021 г.

«Sehr geehrter, lieber Herr Ischinger,
meine Damen und Herren,

ich freue mich, heute bei diesem Forum dabei zu sein, das ja in verschiedener Hinsicht etwas ganz Außergewöhnliches ist — zunächst einmal mit Blick darauf, dass wir in einer Pandemie leben und dass es bisher noch nie notwendig war, anstelle eines physischen Treffens ein solches virtuelles Forum einzuberufen» (Уважаемый господин Ишингер, уважаемые дамы и господа, я очень рада, что имею возможность принимать участие в этом форуме, несмотря на то, что он организован в необычном формате, в первую очередь потому что мы живем в период пандемии и до этого не было необходимости организовывать такой виртуальный форум, потому что невозможно встретиться в живую).

При переводе⁴ данного отрывка используется опущение, переводчик пропускает определенные слова, которые не считает нужным переводить. Это такие слова, как, например: heute — «сегодня». Перевод этого отрывка очень точен и передает всю полноту и смысл высказывания Меркель.

«Ich will zunächst kurz auf meine Rede vor zwei Jahren zurückkommen, als ich mich auf Alexander von Humboldt berufen habe, der überzeugt war: „Alles ist Wechselwirkung“. Damit hat er im Grunde schon vor Jahrhunderten darauf hingewiesen, dass das, was wir heute Multilateralismus nennen, nämlich Zusammenarbeit, die Grundlage unserer politischen Tätigkeit sein sollte. Ich denke, dass uns die vergangenen zwei Jahre einmal mehr vor Augen geführt haben, dass das Bekenntnis zum Multilateralismus wichtig und richtig ist» (Я хотела бы также вспомнить то, что я говорила два года назад, я цитировала Александра фон Гумбольдта, когда говорила, что «все связано». Он сказал это, и эта цитата используется уже на протяжении многих сотен лет, речь идет о том, что нужно работать вместе, работать слаженно, и два года назад мы уже осознали, что мультилатерализм является важным и правильным).

В данном отрывке экс-канцлер ссылается на свою речь, которую она произнесла в 2019 г., разбор части которой представлен выше, и упоминает цитату Гумбольдта: Alles ist Wechselwirkung. Переводчица, осуществлявшая синхронный перевод речи 2019 г., передала эту фразу на русский язык как: «Все меняется». Переводчица, работавшая с речью 2021 г., перевела эту цитату так: «Все связано». Оба эти варианта перевода имеют право на существование, однако второй вариант звучит более логично и подходит по смыслу лучше. Также можно отметить, что при переводе слова der Multilateralismus переводчица использовала кальку и передала его на русский язык как «мультилатерализм», данный перевод может смутить русскоговорящего слушателя, показаться не совсем понятным, более подходящим вариантом перевода слова Multilateralismus будет слово «многосторонность» или словосочетание «многосторонний подход».

В заключение отметим, что в процессе устного перевода встречаются разного рода трудности. Имена, цитаты и отсылки, культурные реалии и многое другое, все это может затруднить работу переводчика, поэтому, если есть такая возможность, перед переводом необходимо обязательно ознакомиться с текстом выступающего. Во время перевода могут

⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=ZpYktyBGt5c>

происходить разного рода ошибки: стилистические или фонологические, переводчик также может использовать свои собственные добавления. В большинстве случаев ошибки не замечаются или же прощаются слушателями, так как у них нет времени заострять свое внимание на них.

Литература

1. *Брандес М. П.* Стилистика текста. Теоретический курс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
2. *Буряковская А. А., Туркова Т. А.* Лексические особенности языка политики. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2009. № 2. С. 215–219.
3. *Войлова К. А.* Публичная речь: норма и современность. Педагогическое образование и наука, 2010. № 7. С. 7–11.
4. *Крупнов В. Н.* Курс перевода. Английский язык: общественно-политическая лексика. М.: Высш. шк., 1979. 253 с.
5. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. Пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
6. *Юдина Т. В.* Дискурсивное пространство политической речи // Сборник научных трудов Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. СПб: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 172–185.
7. *Юдина Т. В.* Теория общественно-политической речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 158 с.

Проблемы правового регулирования франчайзинга в России*

Алина Сергеевна Смирнова, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС; юридический факультет (Нижний Новгород, Россия)

студентка 3-го курса бакалавриата; e-mail: linok2626@yandex.ru.

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы развития франчайзинга в России в условиях влияния современных факторов на функционирование данной бизнес-модели. Подтверждением недостаточного уровня разработанности исследуемой темы, наличия проблемных моментов в сфере регулирования франчайзинговых отношений в России служит, в частности, отсутствие единообразного подхода в отношении вопроса о разграничении правовой природы договора коммерческой концессии (франчайзинга) с иными, схожими по своей специфике договорами, что подчеркивает необходимость комплексного изучения и детальной регламентации положений о договоре коммерческой концессии. На основе проведенного исследования формулируются возможные пути совершенствования гражданского законодательства в части регулирования франчайзинговых отношений. В частности, обосновывается необходимость введения положения о преддоговорном этапе в обязательном порядке, которое позволило бы приблизить договор коммерческой концессии к модели франчайзинга, получившей распространение за рубежом.

Ключевые слова: франчайзинг, бизнес-модель, договор коммерческой концессии, лицензионный договор, договор об оказании услуг, исключительные права, предпринимательская деятельность, сотрудничество.

Problems of Legal Regulation of Franchising in Russia**

Alina S. Smirnova, Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of RANEPA; Faculty of Law (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

BA student; e-mail: linok2626@yandex.ru.

Abstract

The paper deals with some challenging issues of franchising development in Russia under the influence of modern factors on the functioning of this business model. The insufficient treatment of the issue addressed, as well as the existence of some gaps in regulating franchising relations could be confirmed by the lack of the consistent approach to the issue of differentiating the legal nature of the commercial concession (franchising) agreement with other similar contracts. This fact highlights the need for a comprehensive study and detailed regulation of the provisions of the commercial concession agreement. Building on the conducted research the author identifies some possible ways of improving civil legislation in terms of regulating franchise relations. In particular, the paper substantiates the need to introduce the mandatory provision on the pre-contractual stage, which would provide the opportunity to bring the commercial concession agreement closer to the franchising model, which has become quite common overseas.

* Статья подготовлена по итогам XIV Апрельской конференции СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург).

** The article was prepared based on the results of the XIV April RANEPA Conference (St. Petersburg).

Keywords: franchising, business model, commercial concession agreement, license agreement, service agreement, exclusive rights, entrepreneurial activity, cooperation.

В рамках современных реалий активно продолжает развиваться система франчайзинга, представляющая собой бизнес-модель, посредством которой начинающий предприниматель может вести производственную деятельность под маркой уже закрепившейся на рынке известной компании, что позволяет обеспечить фирме поддержку в конкурентной борьбе, снизить риски банкротства и тем самым повысить эффективность своей деятельности, что необходимо для совершенствования экономики на современном этапе. Причем важно отметить, что развитие франчайзинга ставится в зависимость от происходящих в мире событий, доказательством чему послужил период пандемии COVID-19, в условиях которой предпочтение потенциальные франчайзи отдавали покупке более востребованных в сложившейся ситуации франшиз [3, с. 169], в частности в сфере оказания медицинских услуг и доставки товаров. Также, что касается сферы общественного питания, в 2022 г. в России в связи со сложившейся на сегодняшний день обстановкой франчайзи были вынуждены перейти под новый бренд — «Вкусно и точка», что подчеркивает актуальность исследования франчайзинга. Однако развитие исследуемого института обусловлено наличием на практике ряда проблем, в частности связанных с недостаточной проработанностью соответствующих положений на законодательном уровне и, как следствие, непониманием специфики анализируемого термина.

В первую очередь сложности понимания правовой природы франчайзинга вызваны отсутствием единой дефиниции «франчайзинга» как на легальном, так и на доктринальном уровне. В. В. Витрянский и М. И. Брагинский в своем научном труде указывают, что «понятие “коммерческая концессия” было использовано при подготовке Гражданского кодекса Российской Федерации, как наиболее соответствующее по смыслу английскому franchising» [2, с. 978]. Однако некоторые исследователи критикуют подмену понятия «франчайзинг» «коммерческой концессией», обосновывая это тем, что «франчайзинг» — понятие, включающее в себя более широкий перечень правомочий сторон по сравнению с договором коммерческой концессии, где пользователю предоставляется лишь право распространять продукцию, в то время как франчайзинг предполагает не только распространение, но и производство товаров; коммерческая концессия уже не предусматривает такого тесного сотрудничества между сторонами. Тем самым можно утверждать, что «коммерческая концессия» — так или иначе проявление «франчайзинга», однако не во всех случаях франчайзинг — коммерческая концессия. Данные обстоятельства свидетельствуют о целесообразности *внесения поправок* в действующее законодательство. Так, В. И. Белоусов и Ж. Л. Баянова предлагают заменить название гл. 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ): «Договор коммерческой концессии» на «Договор франчайзинга», и дополнить п. 1 ст. 1027 данного закона следующим положением: «...Сопровождать операционную деятельность пользователя (франчайзи) путем оказания организационной и технической поддержки, если иное не предусмотрено договором» [1, с. 5]. Урегулирование изложенной проблемы таким способом позволит избежать необходимости заключения смешанного договора, который на практике по содержанию как раз часто приравнивают к договору франчайзинга и используют такую договорную модель, нежели договор коммерческой концессии.

Необходимость совершенствования норм о коммерческой концессии имеет место и в отношении положений о порядке его заключения. Прежде всего, это касается отсутствия в нормах отечественного законодательства регламентации преддоговорного этапа франчайзинговых отношений. Важность включения данных положений в гл. 54 ГК РФ

обусловлена тем, что регулируемая договором коммерческой концессии предпринимательская деятельность связана с финансовыми и организационными рисками, минимизировать которые можно с помощью преддоговорной стадии заключения договора, в рамках которой стороны осуществляют раскрытие информации и согласовывают условия будущего договора. Несмотря на закрепление в ГК РФ общих норм о преддоговорных отношениях (ст. 429, 434.1), в части коммерческой концессии подобные положения не получили обязательной регламентации. В связи с этим следует согласиться с предложением исследователей о включении в ст. 1031 ГК РФ следующего положения: «Правообладатель перед заключением договора обязан раскрыть информацию о показателях своего бизнеса: товарообороте, издержках, рентабельности; о компаниях-партнерах; о прошедших и текущих судебных процессах» [1, с. 9]. Такие поправки позволят предотвратить ущемление прав, прежде всего, пользователя, как менее защищенного участника отношений, еще до подписания договора. Интересна, кроме того, позиция Ю. А. Стрельцовой, которая указывает на возможность использования в качестве образца для законодательства в случае договора коммерческой концессии модельный закон УНИДРУА «О раскрытии информации о франшизе» [4, с. 154] (передаваемых пользователю по договору правах). В частности, на практике проблема обеспечения защиты пользователя связана с его потребностью в раскрытии содержания права на **ноу-хау**, которое не подлежат регистрации в Роспатенте, что создает опасность для пользователя в виде получения пустой франшизы. В то же время недопустимость регистрации таких сведений весьма *обоснована*, что связано со спецификой **ноу-хау**: правообладатель, раскрывая данную информацию, нарушает главный признак секрета производства и в целом коммерческой тайны — конфиденциальность, что может повлечь за собой отрицательные для данной стороны договора последствия. В связи с этим предложение о включении в законодательство положений о раскрытии на преддоговорном этапе информации о франшизе целесообразно дополнить нормами об ответственности потенциального пользователя за разглашение коммерческой тайны, о чем он должен быть заблаговременно уведомлен; либо же в рамках данного этапа урегулировать обязанность правообладателя предоставить по требованию контрагента сведения, подтверждающие действительное, правомерное правообладание ведущей компанией информацией, лежащей в основе ее коммерческой деятельности, но в то же время не раскрывающие секрет производства. Так, фиксация в ГК РФ норм о *преддоговорном регулировании* отношений сторон в рамках анализируемого договора позволит сделать такую бизнес-модель более привлекательной для потенциального пользователя и тем самым «приблизить» отечественный договор коммерческой концессии к зарубежной модели франчайзинга.

Таким образом, пробелы в области правового регулирования договора коммерческой концессии связаны как с недоработкой понятийного аппарата, так и с отсутствием, недостаточной конкретизацией изложенных положений. Подтверждением этому служит анализ судебной практики: Верховный Суд Российской Федерации, употребляя в одном из своих решений¹ термин «лицензиат», не разграничивает правовую природу договора коммерческой концессии и лицензионного договора: «Открытие ресторана под торговой маркой SUBWAY и использование ее в процессе своей деятельности является не правом, а обязанностью лицензиата». Указанное положение свидетельствует об отсутствии единообразного понимания специфики договора коммерческой концессии и, как следствие, подчеркивает необходимость комплексного изучения и регламентации положений о данной договорной конструкции.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2016 г. № 78-КГ16-38 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке.

Так, вышеприведенная позиция из определения Верховного Суда РФ является одним из примеров судебной практики, свидетельствующих о нередком отождествлении судами исследуемого договора с лицензионной договорной моделью. Такая позиция объясняется наличием в лицензионном договоре (ст. 1235 ГК РФ) такого условия, как предоставление права на использование исключительных прав. Однако важно заметить, что специфика договора коммерческой концессии обусловлена предметом данной договорной модели, выраженным в передаче исключительных прав, обладающих комплексным характером (причем обязательным условием является передача товарного знака (знака обслуживания)), в отличие от лицензионного договора, где в пользование предоставляется отдельный объект или совокупность одного вида объектов. Кроме того, анализ правовой характеристики договора коммерческой концессии позволяет выявить такие отличительные от лицензионной модели черты, как перечень особых, обусловленных характером предпринимательской деятельности обязанностей участников правоотношения (например, ограничение использования исключительных прав пользователем: строго в рамках предпринимательской деятельности); ограничения в части субъектного состава; установление субсидиарной ответственности правообладателя за надлежащее качество производимых товаров, осуществляемых услуг пользователем, в то время как лицензионный договор не предусматривает ответственности лицензиара за качество товаров и услуг лицензиата. Таким образом, лицензионные обязательства выступают лишь элементом отношений, регулируемых договором коммерческой концессии, и, согласно п. 4 ст. 1027 ГК РФ, подлежат субсидиарному применению к названному договору.

Большинством правоведов, к числу которых относится И. Ю. Тихомирова [5, с. 111], кроме того, отмечается целесообразность отнесения данной договорной модели к группе договоров об оказании услуг. Обоснование представленной позиции видится в том, что предметом договора коммерческой концессии является определенный перечень действий. В частности, в соответствии со ст. 779 ГК РФ под услугой следует понимать «совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности». Опираясь на данное положение, И. Ю. Тихомирова предмет договора коммерческой концессии характеризует как «действия по перепродаже пользователем товаров, которые принадлежат правообладателю на праве собственности» [5, с. 111]. Говоря о действиях со стороны правообладателя по предоставлению пользователю комплекса исключительных прав, в данном случае они рассматриваются в качестве «вспомогательных». Однако можно констатировать, что пользователь, выступая исполнителем, приобретает право на оплату осуществляемой им услуги, что противоречит содержанию ст. 1030 ГК РФ, согласно которой обязанность по выплате вознаграждения правообладателю лежит именно на пользователе. Ряд авторов в отношении исследуемого вопроса определяют услугу уже как действия правообладателя по предоставлению контрагенту права пользования комплексом исключительных прав, а также по осуществлению консультаций и в целом действий, направленных на обеспечение взаимодействия между сторонами договора. Аргументом в пользу отождествления договора коммерческой концессии и договора возмездного оказания услуг выступает также факт отсутствия в п. 2 ст. 779 ГК РФ в перечне изъятий услуг, предусмотренных гл. 54 ГК РФ. Однако нужно сказать, что договор коммерческой концессии не включен в данный список в силу того, что услуга не является его предметом, а названные ранее действия правообладателя следует рассматривать как его дополнительные обязанности. Кроме того, пользователь выплачивает вознаграждение правообладателю именно за предоставленный ему комплекс исключительных прав, а не за осуществление последним действий, направленных на их взаимодействие.

Таким образом, хоть договор коммерческой концессии и включает в себя схожие со смежными договорами элементы, однако рассматривать его стоит как самостоятельную

и поименованную модель обязательственного правоотношения. На это указывают и нормы гражданского права: в случае отсутствия специальных норм, закрепленных в гл. 54 ГК РФ, субсидиарно применяются общие положения об обязательствах, а не об отдельных, смежных с анализируемым договорах.

Литература

1. *Белоусов В. И.* Институт коммерческой концессии в России и франчайзинг за рубежом: соотношение, проблемы правового регулирования и варианты их решения / В. И. Белоусов, Ж. Л. Баянова. Текст: электронный // *Baikal Research Journal*, 2022. № 3. С. 1–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-kommercheskoy-kontsessii-v-rossii-i-franchayzing-za-rubezhom-sootnoshenie-problemy-pravovogo-regulirovaniya-i-varianty-ih> (дата обращения: 07.03.2023).
2. *Брагинский М. И.* Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг: учебное пособие / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. М.: Статут, 2011. С. 1058.
3. *Золотарева Д. А.* Исследование проблем развития франчайзинга в отрасли общественного питания в России в период пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. Скиф, 2022. № 4 (68). С. 168–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-problem-razvitiya-franchayzinga-v-otrasli-obschestvennogo-pitaniya-v-rossii-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 09.03.2023).
4. *Стрельцова А. Ю.* Основные элементы договора коммерческой концессии в РФ [Электронный ресурс]. Вестник ННГУ, 2021. № 6. С. 153–157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-elementy-dogovora-kommercheskoy-kontsessii-v-rf> (дата обращения: 10.03.2023).
5. *Тихомирова И. Ю.* Договор франчайзинга: сложности реализации на современном этапе развития гражданского законодательства [Электронный ресурс]. Скиф, 2020. № 6 (46). С. 110–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-franchayzinga-slozhnosti-realizatsii-na-sovremennom-etape-razvitiya-grazhdanskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 15.03.2023).

Использование цифровых технологий организованной преступностью

Черявко Евгений Джонович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет социальных технологий (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студент 3-го курса бакалавриата; e-mail: ont@myrambler.ru.

Научный руководитель:

Майборода Эльвира Тагировна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра правоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
кандидат философских наук, доцент; e-mail: mayboroda-et@ranepa.ru.

Аннотация

В данной статье ставится цель исследовать использование цифровых технологий организованной преступностью. В настоящий момент преступные сообщества активно пользуются потенциалом цифровых технологий, что позволяет им действовать анонимно, быстро и эффективно. Понимание того, как организованная преступность использует эти технологии, имеет решающее значение для разработки эффективных стратегий борьбы с этой растущей угрозой. Автор стремится пролить свет на то, как именно преступные организации используют технологии и какие сложности это создает для правоохранительных органов всего мира. Осуществляется это путем следующих методик: а) изучения соответствующих криминологических и уголовно-правовых исследований ученых, посвященных использованию цифровых технологий организованными преступными группировками; б) анализа законодательных актов и разбора публикаций по этой теме в российских и зарубежных СМИ, в которых сообщалось о реальных случаях использования этих технологий преступниками. Результаты исследования представлены несколькими ключевыми выводами. Во-первых, цифровые технологии служат катализатором для расширения влияния преступников, поскольку те используют такие достижения, как зашифрованные каналы связи, теневые веб-платформы и криптовалюты. Во-вторых, существуют проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в борьбе с организованной преступностью, использующей цифровые технологии. В-третьих, в статье подчеркивается необходимость введения мер регулирования в отношении криптовалюты, являющейся основным средством расчета в преступных операциях, а также важность международного сотрудничества для ликвидации преступных сетей. Понимание того, как указанные технологии используются в преступной деятельности, имеет значение для разработки эффективных стратегий борьбы с организованной преступностью и защиты общества.

Ключевые слова: организованная преступность, цифровые технологии, анонимность, даркнет, криптовалюта, киберпреступления, Интернет.

Use of Digital Technologies by Organized Criminals

Evgeny J. Cheryavko, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of Social Technologies (Saint Petersburg, Russian Federation)
BA student; e-mail: ont@myrambler.ru.

Academic Supervisor:

Mayboroda Elvira Tagirovna, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of Law (Saint Petersburg, Russian Federation)

PhD in Philosophy, Associate Professor; e-mail: mayboroda-et@ranepa.ru.

Abstract

This article aims to investigate the employment of digital technologies by organized criminals. Criminal organizations are now actively exploiting the potential of digital technology to operate anonymously, quickly, and effectively. Being aware of the way the organized crime uses these technologies is crucial for developing effective strategies to combat this growing threat. The author seeks to highlight the specific ways of employing technology by criminal organizations as well as the challenges it creates for law enforcement agencies around the world.

This research has been done via the following techniques: a) studying the relevant criminological and criminal law academic papers on the use of digital technologies by organized criminal groups; b) analyzing the legislative acts and reviewing the publications on this topic in Russian and foreign media, featuring the actual cases of criminals using these technologies.

The author presents the study findings by drawing several key conclusions. Firstly, digital technologies serve as a catalyst for criminals to expand their influence as they utilize advances such as encrypted communication channels, shadow web platforms, and cryptocurrencies. Secondly, there are challenges faced by law enforcement agencies in combating organized criminals that uses digital technologies. Thirdly, the article emphasizes the need to introduce some regulatory measures for cryptocurrency, which is the main means of payment in criminal transactions, and the importance of international cooperation to dismantle criminal networks. Achieving the awareness of the way these technologies are used in criminal activities is important for the development of effective strategies to combat organized crime and to protect the society.

Keywords: organized crime, digital technologies, anonymity, darknet, cryptocurrency, cybercrime, Internet.

ВВЕДЕНИЕ

По определению А. И. Гурова, организованная преступность представляет собой относительно массовое функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников, занимающихся совершением преступлений как промыслом (бизнесом) и создающих с помощью коррупции систему защиты от социального контроля [1, с. 5].

Влияние организованной преступности на общество обширно и охватывает широкий спектр преступной деятельности, такой как незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, отмывание денег, коррупция, киберпреступность и т. д. Подобные деяния создают серьезные угрозы для общественного благополучия.

В последние годы цифровые технологии стали катализатором расширения и преобразования многих видов деятельности, в том числе и преступной.

Цель исследования — изучение применения цифровых технологий организованной преступностью.

Методология исследования базируется на анализе существующих криминологических и уголовно-правовых исследований ученых, а также на анализе публикаций по этой

теме в российских и зарубежных СМИ, в которых отражены реальные случаи использования цифровых технологий преступниками.

В данной статье под понятием «технологии» или «цифровые технологии» подразумеваются различные цифровые инструменты и веб-приложения, используемые организованными преступными группами для облегчения своей преступной деятельности.

СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье рассматриваются несколько видов цифровых технологий, связанных с организованной преступностью:

- а) **Инструменты киберпреступности:** вредоносное программное обеспечение, которое используется организованными преступными группами.
- б) **Коммуникационные технологии:** средства безопасной связи, используемые организованными преступными группами для координации своей деятельности и уклонения от обнаружения правоохранительными органами, в частности сеть Tor.
- в) **Финансовые технологии:** инструменты, которые позволяют организованным преступным группам скрывать и переводить незаконно полученные средства.

Организованные преступные группировки используют технологии как мощный инструмент для усиления своей незаконной деятельности и преодоления традиционных барьеров. В этом разделе рассматриваются различные способы использования технологий преступными организациями для достижения своих целей, включая киберпреступность, отмывание денег, кражу личных данных, криптовалюту и использование теневых интернет-рынков.

а) Киберпреступность

Организованные преступные группы используют уязвимости в компьютерных сетях, системах и программном обеспечении для осуществления широкого спектра незаконных действий. Эти действия включают, среди прочего, взлом, утечку данных, атаки программ-вымогателей и распределенные атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS).

Наибольшее число преступлений в 2022 г. пришлось на атаки программ-вымогателей. Они по-прежнему являются киберугрозой номер один, причем не только для международных корпораций, но и российского бизнеса¹.

Помимо слабой законодательной основы противодействия киберпреступности одной из основных проблем является недостаточность компетентных лиц, выявляющих и предотвращающих киберпреступления [2, с. 141–143].

б) Отмывание денег

Отмывание денег — это процесс, в котором полученное имущество, приобретенное или аккумулируемое вследствие незаконной деятельности, перемещается или скрывается для того, чтобы прервать преступную цепочку [3, с. 262–268].

Отмывание денег является важнейшим компонентом организованной преступности, поскольку преступники стремятся скрыть происхождение своих незаконных доходов и интегрировать их в законную финансовую систему.

Согласно данным Центрального банка Российской Федерации (далее — ЦБ РФ), в последние годы объемы вывода денежных средств за рубеж в банковском секторе

¹ Киберцунами: как 2022 год изменил мир IT-преступлений в России [Электронный ресурс]. Известия IZ: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1447317/mariia-frolova/kibertsunami-kak-2022-god-izmenil-mir-it-prestuplenii-v-rossii> (дата обращения: 11.05.2023).

значительно снизились: если в 2014 г. данная цифра составляла 816 млрд руб., то в 2018 г. — 73 млрд руб., в 2019 г. — 66 млрд руб., а в 2020 г. — 52 млрд руб. ЦБ РФ отмечает, что среди сомнительных банковских операций на сумму 52 млрд руб. 24 млрд руб. выведены за рубеж по авансовым платежам по импортируемым товарам [6, с. 44–46], что может косвенно свидетельствовать о переносе незаконных операций в криптоиндустрию, которая не контролируется финансовыми организациями.

Появление децентрализованных финансов (DeFi) и технологии блокчейна еще больше усложнило усилия по борьбе с отмыванием денег, поскольку преступники изучают новые способы использования этих новых финансовых экосистем.

в) Кража персональных данных

Персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)².

Организованные преступные группы применяют различные методы для кражи таких данных, используя технологии для сбора личной информации и использования уязвимостей на онлайн-платформах. Фишинг, вредоносное ПО и тактика социальной инженерии используются для получения личных и финансовых данных отдельных лиц, которые затем используются для присвоения ложной личности или осуществления мошеннических действий [4, с. 2–3].

Посредством кражи персональных данных преступники могут открывать банковские счета, подавать заявки на кредиты и участвовать в других схемах финансового мошенничества. Технологии предоставляют им возможность выдавать себя за отдельных лиц, манипулировать цифровыми записями и совершать преступные действия в крупных масштабах, что приводит к значительным финансовым потерям и репутационному ущербу жертв.

г) Криптовалюта

Рост криптовалют произвел революцию в финансовом ландшафте и поставил новые задачи в борьбе с организованной преступностью. Преступные организации все чаще используют криптовалюты, поскольку эти цифровые активы обеспечивают повышенную анонимность и безопасность. Децентрализованный характер криптовалют в сочетании со сложностью отслеживания транзакций создает серьезные препятствия для правоохранительных органов, пытающихся отследить и арестовать незаконные средства.

На данный момент основные виды криптовалюты представлены следующими монетами: биткоин, Litecoin, Ethereum, NEM, DASH, Ripple, Monero и др. Самая популярная из всех выше представленных монет — биткоин, и именно с данной монетой проводится большая часть операций³.

д) Теневые интернет-рынки

Развитие Интернета предоставило организованным преступным группам платформы для скрытного участия в незаконной деятельности. Эти подпольные торговые площадки способствуют продаже незаконных товаров и услуг, включая наркотики, поддельные документы, оружие, инструменты для взлома и украденные данные. Анонимность, обеспечиваемая сетью Tor, и использование криптовалют в качестве средства обмена усложнили для правоохранительных органов задачу эффективного проникновения в эти сети и их ликвидацию.

² О персональных данных: фед. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 № 123-ФЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 12.05.2023).

³ The Cryptocurrency Tumblers: Risks, Legality and Oversight [Электронный ресурс]. 2017. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3080361 (дата обращения: 22.09.2023).

ПРИМЕРЫ ГРОМКИХ ДЕЛ, В КОТОРЫХ ТЕХНОЛОГИИ ИГРАЛИ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ РОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

а) BTC-е была известной биржей криптовалют, которую обвиняли в содействии обширным операциям по отмыванию денег и использовании киберпреступниками платформы для конвертации своих нечестных доходов в криптовалюты⁴.

Власти выявили, что BTC-е был причастен к отмыванию преступных доходов на миллиарды долларов, включая средства, полученные в результате хакерских атак, атак программ-вымогателей, незаконного оборота наркотиков и других незаконных действий. Биржа работала в условиях секретности, что позволяло пользователям проводить транзакции без предоставления подробной личной информации, тем самым сохраняя свою анонимность.

Сложная схема отмывания денег, используемая BTC-е, включала в себя многоуровневую цепочку транзакций и смешивание средств для дальнейшего запутывания денежного следа. Используя криптовалюты, преступники могли легко переводить средства через границы, минуя традиционные банковские системы и избегая проверки финансовых учреждений.

Этот случай высветил настоятельную необходимость усиления мер регулирования и международного сотрудничества для эффективной борьбы с отмыванием цифровой валюты. В то время как правительства и регулирующие органы приложили усилия для ужесточения надзора и введения более строгих правил «Знай своего клиента» (KYC) и «Противодействие отмыванию денег» (AML) в отношении бирж криптовалют, анонимный характер этих цифровых активов продолжает создавать проблемы.

б) Убийство подполковника следователя МВД Евгении Асцатуровны Шишкиной в 2018 г., заказанное через темную сеть⁵, является пугающим примером того, как технологии сыграли значительную роль в содействии деятельности организованной преступности. Этот случай подчеркивает опасную конвергенцию киберпреступности и насилия в реальном мире, когда анонимность и охват Интернета создают питательную среду для преступных предприятий [5, с. 1–3].

Использование темной сети, скрытой части Интернета, доступной только через специальное программное обеспечение, позволяет преступникам действовать в тени, защищенной от традиционных правоохранительных мер. Это позволяет им общаться, планировать и осуществлять незаконные действия, включая акты насилия, с невообразимым ранее уровнем анонимности и безопасности.

В случае со следователем МВД Е. А. Шишкиной преступники использовали даркнет, чтобы заказать ее убийство. Они искали услуги киллера через онлайн-форумы, общались под псевдонимами и использовали методы шифрования, чтобы избежать обнаружения⁶. Это не только демонстрирует изощренный характер преступных операций, но и подчеркивает растущую изощренность организованной преступности в использовании технологий в своих целях. При этом важно отметить, что преступник был найден и осужден на 14 лет лишения свободы⁷.

⁴ ФБР против BTC-е: как рухнула крупнейшая русская криптобиржа [Электронный ресурс]. РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2018/01/5a2f1e0d9a7947f2b3ae49dc> (дата обращения: 13.05.2023).

⁵ Шишкина Евгения Асцатуровна [Электронный ресурс]. Управление на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу. URL: https://цфоут.мвд.рф/PRESS_SLUZHBA/Nashi_geroi_2/item/18167788/ (дата обращения: 29.05.2023).

⁶ Расправа за «дело»: кто убил следователя Шишкину [Электронный ресурс]. Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/22/12316279.shtml> (дата обращения: 13.05.2023).

⁷ Убийце следователя Шишкиной дали 14 лет: жуткие смски, равнодушные полиция [Электронный ресурс]. Московский комсомолец: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/11/17/ubiyce-sledovatelya-shishkinoy-dali-14-let-zhutkie-smski-ravnodushie-policii.html> (дата обращения: 29.05.2023).

ТРУДНОСТИ В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Стремительное развитие технологий поставило перед правоохранительными органами множество сложностей в борьбе с организованными преступными группировками.

Одной из основных трудностей, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, является анонимность и шифрование, обеспечиваемые даркнетом и различными каналами связи. Преступники используют эти платформы для безопасного общения, планирования своей деятельности и облегчения незаконных транзакций, что делает чрезвычайно сложной задачу для правоохранительных органов по отслеживанию и перехвату их сообщений.

Другой сложностью можно назвать глобальный охват сети Интернет, что создает серьезные проблемы юрисдикционного порядка. Лицо, нарушающее закон, может находиться в одной стране (в одной юрисдикции) и в то же время причинять вред обществу в другой стране (другой юрисдикции). Это не только препятствует расследованию и уголовному преследованию, но и создает юридические препятствия при сборе доказательств, выдаче подозреваемых и исполнении судебных решений в различных государствах.

Еще одним препятствием является вопрос разных уровней технологических возможностей и ресурсов стран. Это может создать сложности для эффективного сотрудничества. В развивающихся странах может не хватать необходимой инфраструктуры, технического опыта и ресурсов для борьбы со сложными киберпреступными сетями. Этот цифровой разрыв может усугубить проблемы международного сотрудничества, поскольку некоторым странам может быть трудно идти в ногу с развивающейся тактикой и технологиями, используемыми организованными преступными группами.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В ответ на растущую угрозу крайне важно разрабатывать эффективные меры для борьбы с преступной деятельностью, а именно реализовывать регуляторные меры для решения конкретных вопросов, связанных с использованием технологий организованными преступными группировками.

Одним из возможных подходов является совершенствование законодательства и нормативно-правовой базы для решения конкретных проблем, связанных с технологиями. Например, регулирование криптовалют.

Законодательная база, которая существует на данный момент в Российской Федерации, отражает некоторые проблемы, связанные с регулированием рынка криптовалют. Если обратиться к Федеральному закону «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁸, а также иным актам, то можно отметить, что цифровая валюта обозначается в качестве имущества⁹. Но при этом, если обратиться к положениям Гражданского кодекса (ст. 128 ГК РФ), то цифровая валюта до сих пор не определена в качестве имущества и объекта гражданских

⁸ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 06.07.2023).

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7871578ce9b026c450f64790704bd48c7d94bcb/ (дата обращения: 07.07.2023).

прав¹⁰. Однако проблемное поле правового регулирования на данных вопросах не ограничивается — проблемы возникают также и в рамках уголовного права в контексте квалификации преступлений, которые связаны с обращением и использованием криптовалюты [7, с. 2].

Также усилия должны быть сосредоточены на содействии международному сотрудничеству и обмену информацией между правоохранительными органами для преодоления существующих ограничений и облегчения обмена информацией и опытом.

Однако на пути эффективного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью существуют определенные преграды. Одной из них являются различия в правоприменительной практике разных стран. Каждое государство имеет свою собственную правовую базу, стандарты сбора доказательственной базы и процедуры, которые могут создавать значительные препятствия при обмене информацией и доказательствами. Отсутствие гармонизации и взаимного признания применяемых правовых мер часто приводит к задержкам, неэффективности и юридическим осложнениям в трансграничных расследованиях и судебных преследованиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показывает, что постоянно развивающийся характер технологий представляет собой серьезное препятствие для правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью. Инструменты шифрования, глобальный характер Интернета, криптовалюты — все это создает трудности для противодействия преступным группам.

Так, в частности, были сделаны следующие выводы: во-первых, цифровые технологии служат катализатором для расширения влияния преступников, поскольку те используют такие достижения, как зашифрованные каналы связи, теневые веб-платформы и криптовалюты. Во-вторых, существуют проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в борьбе с организованной преступностью, использующей цифровые технологии. В-третьих, существует необходимость введения мер регулирования в отношении криптовалюты, являющейся основным средством расчета в преступных операциях, а также важность международного сотрудничества для ликвидации преступных сетей.

Решение этих проблем требует реализации эффективных мер регулирования и международного сотрудничества. В частности, необходимо разработать законодательство и правила, регулирующие использование технологий, особенно в отношении криптовалюты, которая широко используется преступниками. Также расширение международного сотрудничества и обмена информацией между правоохранительными органами поможет преодолеть существующие ограничения.

Литература

1. *Гуров А. И.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых организованными группами: учеб. пособие / под ред. Е. С. Жигарева; М-во внутр. дел РФ Моск. высш. шк. милиции. М.: МВШМ, 1992. 70 с.
2. *Жуков А. З.* Киберпреступность: актуальные проблемы и уголовно-правовая оценка в системе современного права. Проблемы экономики и юридической практики, 2019. Т. 15. № 4. С. 141–143.

¹⁰ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 06.07.2023).

3. *Кирьянова Д. А.* Криптовалюта: угроза финансовой безопасности РФ. Сборник статей международной практической конференции «Проблемы обеспечения финансовой безопасности и эффективности экономических систем в XXI в.». Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2017. С. 262–268.
4. *Кузьмин Ю. А.* Кража персональных данных (криминологический аспект) [Электронный ресурс]. *Oeconomia et Jus*, 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krazha-personalnyh-dannyh-kriminologicheskiy-aspekt> (дата обращения: 13.05.2023).
5. *Номоконов В. А., Тропина Т. Л.* Киберпреступность как новая криминальная угроза [Электронный ресурс]. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*, 2012. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-novaya-kriminalnaya-ugroza> (дата обращения: 29.05.2023).
6. *Нугуманов А. Р.* Отмывание денег: оценка состояния и мер противодействия. *Современная наука*, 2022. № 1. С. 44–46.
7. *Баратов Ю. А.* Квалификация преступлений, совершенных с использованием криптовалюты. *Право и управление*, 2023. № 3.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности на рубеже XIX–XX вв. и в настоящее время*

Шамсутдинов Тимир Альфирович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет государственного и муниципального управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 3-го курса бакалавриата; e-mail: timir_shamsutdinov@mail.ru.

Аннотация

В статье рассматривается влияние государства на предпринимательство. Приводится анализ регуливающей роли государства, дается обоснование необходимости государственного регулирования в условиях рыночной экономики. Автором представлен анализ объемов и форм государственного участия в экономике в конце XIX — начале XX вв. и в современной России. В статье изучается отношение предпринимателей к актуальной системе государственного регулирования и на основе статистических данных формируется мнение о проводимой в настоящее время предпринимательской политике. В заключении представлен желаемый образ государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: государственное регулирование, предпринимательство, провалы рынка, предпринимательская политика, индустриализация, налогообложение, государственная поддержка.

State Regulation of Entrepreneurial Activity at the Turn of the XIX–XX Centuries and at the Present Time**

Timir A. Shamsutdinov, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of State and Municipal Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student; e-mail: timir_shamsutdinov@mail.ru.

Abstract

The paper considers the influence of the state on entrepreneurship. The author conducts the analysis of the state's regulatory role and substantiates the necessity of the state regulation in the conditions of market economy. The paper analyzes the scope and the scale as well as the forms of state participation in the economy in the late XIX — early XX century and in modern Russia. The article studies the attitude of entrepreneurs to the current system of state regulation and building on statistical data formulates the attitude to the current entrepreneurial policy. The author concludes by presenting the desired format of state regulation of entrepreneurial activity.

Keywords: state regulation; entrepreneurship; market failures; entrepreneurial policy; industrialization; taxation; state support.

* Статья подготовлена по итогам научно-практической конференции «Государственное управление на рубеже XIX–XX вв. Опыт реформаторства С. Ю. Витте», состоявшейся 28 октября 2022 г. в СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург).

** The article was prepared based on the results of the scientific and practical conference “Public Administration at the Turn of the XIX–XX Centuries. The Experience of S. Yu. Witte’s Reformism”, held on October 28, 2022 at the NWIM RANEPА (Saint Petersburg).

Государство выполняет ряд важнейших функций в системе хозяйствования, поэтому вопрос его взаимодействия с частным сектором экономики считается в обществе одним из центральных. Усиление роли государства в регулировании общественного производства вызвано объективными предпосылками, а именно постоянно возрастающими масштабами экономической деятельности и усложнением системы и характера внутренних и международных экономических связей. Однако даже в сложные переходные этапы эта роль не должна быть такой, как в условиях командной экономики, когда абсолютно все параметры определяются директивно.

Тот факт, что рыночная экономика не может обойтись без мер государственного регулирования, становится понятен во время экономических кризисов. В эти периоды замедляются темпы торговли, растет уровень безработицы, а уровень благосостояния населения стремительно падает. Объективная необходимость государственного участия в рыночной экономике появилась из-за присущих рыночному механизму негативных последствий. К тому же самой общественной жизни вмешательство государства требуется как особый инструмент, обладающий исключительным и легитимным правом принуждения. Таким образом, при возникновении кризиса экономики влияние государства возрастает, а при стабильном развивающемся рынке — снижается. Главное, чтобы государственная политика способствовала поддержанию развития экономики и уберегала от кризисов, при этом не разрушая рыночную основу.

Государство проявляло серьезное влияние на социально-экономическое положение на протяжении всей истории страны. Его современная экономическая роль — результат долгого развития системы, в процессе которого условия, формы и методы воздействия государства на экономику постоянно менялись.

В истории России большой подъем экономики, а именно развитие капитализма, эпоха стремительной индустриализации, пришлось на рубеж XIX и XX вв. В конце XIX в. меняется экономическая ситуация в России, завершается процесс формирования всероссийского рынка, страна превращается в единый экономический организм. Кроме того, завершается промышленный переворот, который начался еще в 30-е гг. XIX в. Соответственно, появляется много нового как в политической, так и в социально-экономической сфере: новые политические течения, идеологии, социальные классы и т. д.

Такое масштабное перестроение экономики в России порождает особый интерес для изучения роли государства на данном этапе и дальнейшего ее сравнения с современными механизмами государственного регулирования. Выбор периода конца XIX — начала XX в. и сравнение присущих ему методов государственного регулирования предпринимательства с методами, используемыми на современном этапе истории России, обусловлен также сходством особенностей развития экономики в обоих периодах. Как на рубеже XIX–XX вв., так и в начале XXI в. Россия переживает время колоссальных перемен в экономике и предпринимательстве. В конце XIX в. продолжается переход к капитализму, идет индустриализация, Россия стремится догнать ведущие западные страны по уровню экономического развития. Похожая ситуация складывается на рубеже XX–XXI вв., когда страна переходит к рыночной экономике, идет приватизация, и Россия снова стремится догнать ведущие западные страны по уровню экономического развития. В этих условиях целью работы является проведение анализа и сравнения методов и объемов государственного регулирования предпринимательства, потому что именно в переходные моменты проводимая политика и выбранная система обретает наибольшее значение для дальнейшего развития государства.

На данный момент наиболее распространенным типом экономической системы является смешанная экономика, которая включает в себя положительные стороны разных систем экономики. Смешанная экономика основана на рыночных механизмах конкуренции

и ценообразования, но при этом включает макроэкономическое регулирование [7, с. 49]. В такой системе государство выполняет конкретную роль, потому что рыночная экономика, как и любая другая система хозяйствования, не идеальна. Рынок имеет свои положительные и негативные стороны, поэтому стремление государства разработать и внедрить механизм, который сможет препятствовать разрушительным последствиям рыночной экономической системы (монополизму, кризисам и спадам, безработице и бедности и т. д.) естественно и обоснованно.

Макроэкономическая политика определяет вектор развития целой страны. Успех страны и благосостояние населения зависят от того, как относится государство к национальной экономике и, в частности, к предпринимательству. Государственная власть видит в предприятиях драйвер прогресса или источник пополнения бюджета? Вот основной вопрос, который определяет характер взаимодействия государства с экономикой и впоследствии влияет на уровень социально-экономического развития.

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

С одной стороны, в настоящее время рыночный механизм считается самым эффективным способом регулирования экономических процессов, потому что он обладает следующими свойствами [8, с. 214]:

- способствует наиболее эффективному распределению ресурсов;
- обеспечивает свободу выбора и действий экономическим субъектам;
- обладает высокой адаптивностью и гибкостью;
- предоставляет возможность удовлетворять потребности населения максимально широким спектром товаров и услуг высокого качества;
- позволяет идти на риск в стремлении получить максимальную прибыль, способствуя оптимальному использованию результатов научно-технического прогресса;
- способствует быстрому и оправданному внедрению инноваций в производственные процессы.

При рассмотрении перечисленных положительных свойств рыночной экономики возникает вопрос, зачем в таком случае нужно государственное регулирование экономики.

Проблема заключается в том, что рыночный механизм не всегда способен справиться с теми задачами, решения которых ждет общество. Рыночной экономике свойственны провалы рынка.

Провалами рынка называют такие проявления действия рыночных механизмов, которые побуждают субъектов рынка принимать неоптимальные или нежелательные для общества экономические решения. Иными словами, это такие ситуации, в которых рыночные механизмы направляют деятельность фирм в такое русло, которое субъективно выгодно для них, но не оптимально или нежелательно с точки зрения всего общества [8, с. 214].

Обычно рыночной экономике присущи следующие провалы рынка [3]:

- монополизация;
- неравномерность доступа к информации;
- неспособность производства общественных благ;
- неравномерность доходов;
- неспособность справиться с внешними эффектами.

Обычно государство компенсирует перечисленные недостатки рынка, с которыми оно не может справиться самостоятельно и одновременно эффективно. Государство ответственно за создание равных условий предпринимательства, ограничение монополизации, производство общественных благ, так как рынок не способен в полной мере удовлетворить

коллективные потребности общества, ответственно также за фундаментальные научные разработки, потому что для предпринимателя это невыгодно, за регулирование рынка труда и т. д.

Специально разработанные программы дают возможность избежать экономических катастроф, резкого падения производства. Однако по мере развития научно-технической революции в индустриальных странах стали отказываться от глобального распространения государственного вмешательства, а международные финансовые организации начали внедрять новые либеральные экономические теории [6, с. 234].

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Государственное регулирование предпринимательской деятельности представляет собой упорядоченную правовыми актами различного уровня деятельность государства в лице его органов, проводимую совместно с носителями хозяйственных интересов, направленную на отношения в сфере предпринимательской деятельности, в целях недопущения, изменения или прекращения хозяйственной ситуации определенного рода или, напротив, поддержания их в соответствующем состоянии при помощи системы средств [4, с. 163].

Другими словами, государственное регулирование предпринимательской деятельности — система целенаправленного воздействия государства на процессы функционирования субъектов предпринимательства, направленная на приведение их деятельности в соответствие с экономической политикой государства.

Несмотря на то, что на международной арене в каждой конкретной стране система государственного регулирования экономики отличается, потому что строится и функционирует с учетом национальных особенностей, этапов развития и преследуемых задач, в большинстве развитых государств государственное регулирование включает в себе общие для всех цели. В итоге все сводится к стремлению улучшить благосостояние нации, увеличить степень удовлетворенности жизнью и достичь социальной гармонии.

Государственное регулирование частного капитала преследует следующие цели [8, с. 223]:

- экономический рост (увеличение объемов и качества производства);
- полную занятость;
- стабильность цен;
- справедливость распределения доходов;
- экономическую свободу;
- экономическую обеспеченность (обеспеченность всех граждан всеми необходимыми товарами);
- торговый баланс (стабильный курс национальной валюты и внешнеторговый баланс).

Важно, чтобы воздействие государства не разрушало предпринимательство, а, наоборот, стимулировало его развитие, создавая благоприятную среду, фундамент для продуктивного взаимодействия частного сектора и государства.

Воздействие государства на экономику может осуществляться прямыми методами — субсидиями, дотациями и т. д., или косвенными методами (кредитно-денежная политика, налоговая политика и т. д.). Прямые методы подразумевают, что субъекты экономики в ряде вопросов должны принимать решения, предписанные государством. Косвенное воздействие подразумевает создание определенной среды, предпосылок и законодательной базы, чтобы субъекты принимали решения самостоятельно, но при этом соответствовали политике государства.

Также методы управления могут быть экономическими или административными. В развитых странах с рыночной экономикой административные методы используются в небольших объемах. Их область применения, как правило, ограничена вопросами экологичности и создания минимально необходимых условий благосостояния для необеспеченных слоев населения. Однако их роль может возрасти в критические для экономики моменты. Экономические методы, в свою очередь, представляют собой глобальные программы: прогнозирование, планирование, финансовое и денежно-кредитное регулирование [6, с. 240].

В начале 2000-х гг. Дэвид Одреч и Рой Турик обозначили, что необходимы изменения в экономической системе, что нужен глобальный переход от управленческой к предпринимательской модели экономики, к новой политике содействия предпринимательству. Переход к новой экономической политике предполагал концентрацию на косвенных формах содействия вместо использования прямых методов регулирования, концентрацию на самих предпринимателях как основных действующих лицах и лидерах. Для побуждения потенциальных предпринимателей к активным действиям был предложен ряд мер: освобождение бизнеса от чрезмерной регуляторной нагрузки, снижение доли государственного сектора и поддержка вложений в человеческий капитал [2, с. 50].

Таким образом, государственное регулирование предпринимательства должно быть направлено, в первую очередь, на создание общих условий жизнедеятельности рыночной системы, которые будут способствовать ее развитию, а не на конкретные субъекты. Государство призвано сформировать благоприятную основу для развития предпринимательства, не вмешиваясь непосредственно в экономические процессы, оно берет на себя ответственность за контролирование рисков, препятствующих росту экономики и выполнению поставленных задач в конкретных условиях.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Рубеж XIX и XX вв. пришелся в России на стадию сильного развития капитализма, на начальный этап индустриализации. Также стоит помнить, что с середины 1880-х гг. правительство возобновило политику протекционизма, которая была направлена на сохранение капиталов внутри страны. Благодаря всем перечисленным факторам, а также ввиду масштабного привлечения иностранных инвестиций и технологий осуществлялось экономическое развитие России в этот период. Именно поэтому министр финансов С. Ю. Витте занимался активным привлечением зарубежного капитала помимо повышения таможенных пошлин. Россия смогла осуществить индустриальный скачок в начале XX в. благодаря значительному включению в национальную экономику иностранного капитала путем получения кредитов и выпуска государственных облигаций. С. Ю. Витте поддерживал и санкционировал открытие зарубежных акционерных обществ на территории России, а также банков, крупной долей в которых владели иностранные партнеры. Для этих учреждений действовали различные льготы, сниженное налогообложение [1].

Особенностью индустриализации 1890-х гг. стала быстрая монополизация лидирующих отраслей промышленного производства, преобладающая роль синдикатов. Например, более 80% российского производства изделий из металлов находилось под контролем синдиката «Продамет», а больше половины всего выпуска листового железа контролировалось синдикатом «Кровля», в других отраслях промышленности была такая же ситуация, были образованы «Продвагон», «Продуголь» и другие монополистические объединения. В табачной отрасли был создан Табачный трест — его создали англичане, скупившие все русские табачные компании [5, с. 218–224].

Во владении государства находилось более 30 крупнейших казенных заводов, две трети железных дорог, система связи, лесные территории и земля [1, с. 32]. Правительство не только управляло огромной государственной собственностью, но и активно вмешивалось в хозяйственную деятельность частных предприятий следующим образом [1]:

- регулирование ценообразования;
- высокие таможенные пошлины в рамках протекционизма;
- распределение заказов казны по частным предприятиям;
- предоставление кредитов частным производителям через государственный банк.

В конце XIX — начале XX вв. в России прослеживалась подавляющая роль государства в экономике. В Российской империи сложилась действительно сильная самодержавная власть, поэтому и экономическая политика проводилась во многом в ее интересах. При этом правительство старалось поставить под тотальный контроль формирование капиталистической системы, чтобы ограничить проявление негативных последствий, ведь она должна была стать лишь инструментом для становления новой промышленности. Поэтому характерной чертой формирования нового производства стало участие государства в организации и деятельности субъектов производства в отраслях, представляющих стратегический интерес для государства (металлургия, транспорт, связь, природные ресурсы и т. д.). Такое вмешательство государства в экономику имело место быть, потому что развитие России в этот период осуществлялось в условиях нестабильности и проведения масштабных изменений, а в таких условиях очень важно сохранить все системообразующие отрасли и ресурсы.

АКТУАЛЬНАЯ КАРТИНА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

По оценкам специалистов Центра исследований структурной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», и для отечественных компаний, и для компаний с иностранной собственностью в российской экономике наиболее распространенной формой взаимодействия государства и бизнеса является такая, в которой правительство рассматривает предпринимательство как источник пополнения бюджета, а второй по частоте ответов стала модель, в которой государство почти не участвует в развитии предпринимательства, ограничиваясь контролем за соблюдением законодательных актов (рис. 1).

Также на рисунке видно, что по мнению предприятий государство редко воспринимает бизнес как партнера, стремится привлекать инвестиции, улучшать деловой климат, а также вовлекать предприятия в инновационные и/или модернизационные проекты и программы, но тем не менее такая форма взаимоотношений существует. Это говорит о том, что государство рассматривает предпринимателей как драйвер прогресса, пусть еще не на достаточном уровне.

Для российских компаний наиболее значимыми функциями государства являются, с одной стороны, защита отечественных производителей на рынках (в которой заинтересованы 47% фирм обрабатывающей промышленности), с другой — поддержка свободной конкуренции (39%). При этом второе наиболее актуально для радикальных инноваторов — компаний, предлагающих рынкам новую в мировом масштабе продукцию. Такие компании также острее остальных нуждаются в определении государством приоритетов, стратегическом планировании и создании условий для иностранных инвестиций. К числу важных для российского бизнеса функций государства также относятся развитие инфраструктуры, обеспечение «правил игры» и финансирование социальной сферы и науки [9, с. 58].

Рис. 1. Распределение компаний обрабатывающих отраслей с иностранной и российской собственностью по типу отношения с государством на федеральном, региональном и местном уровнях власти, %¹

По результатам опроса, проведенного «Левада-Центром» (рис. 2), можно также сделать вывод, что государство воспринимает предпринимательство в большей степени как статью доходов бюджета. На это указывает тот факт, что 42% опрошенных выбрали высокие налоги как фактор, осложняющий ведение бизнеса, 26% респондентов отметили высокие ставки по кредитам, 19% указали на бюрократизм и зарегулированность экономики, и 18% респондентов отметили недостаточную поддержку со стороны государства.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что на данный момент взаимодействие государства и предпринимателя в России выглядит как одностороннее извлечение государством выгод от предпринимательства. Государство применяет различные механизмы для получения прибыли от деятельности предприятий: высокое налогообложение и высокие ставки по кредитам, слабая поддержка и сильное регулирование. В теории, государство должно создавать благоприятную среду для ведения бизнеса, что впоследствии позволит повысить качество жизни населения, но на практике видно, что сейчас бизнес в большей степени существует, чтобы обслуживать интересы государства. Но стоит понимать, что в статье было рассмотрено только одностороннее мнение предпринимателей. В Российской Федерации существует множество государственных программ и других мер поддержки предпринимательства, которые включают в себя субсидирование, грантовую поддержку, федеральные и региональные программы поддержки и т. д.² Данные государственные программы направлены на развитие успешного предпринимательства, достойного и эффективного труда, возможностей для самореализации, а также на развитие науки, промышленности и технологий³. Все это подтверждает наличие у государства интереса к развитию предпринимательства, пусть по мнению самих предпринимателей пока недостаточного.

¹ Источник: Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Кузык М. Г. Новые контуры промышленной политики. В: Материалы XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 57 (дата обращения: 14.10.2022).

² Субсидии для бизнеса 2023: как получить государственную поддержку [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220211/subsidii-1772345993.html> (дата обращения: 05.04.2023).

³ Направления госпрограмм [Электронный ресурс]. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/home> (дата обращения: 05.04.2023).

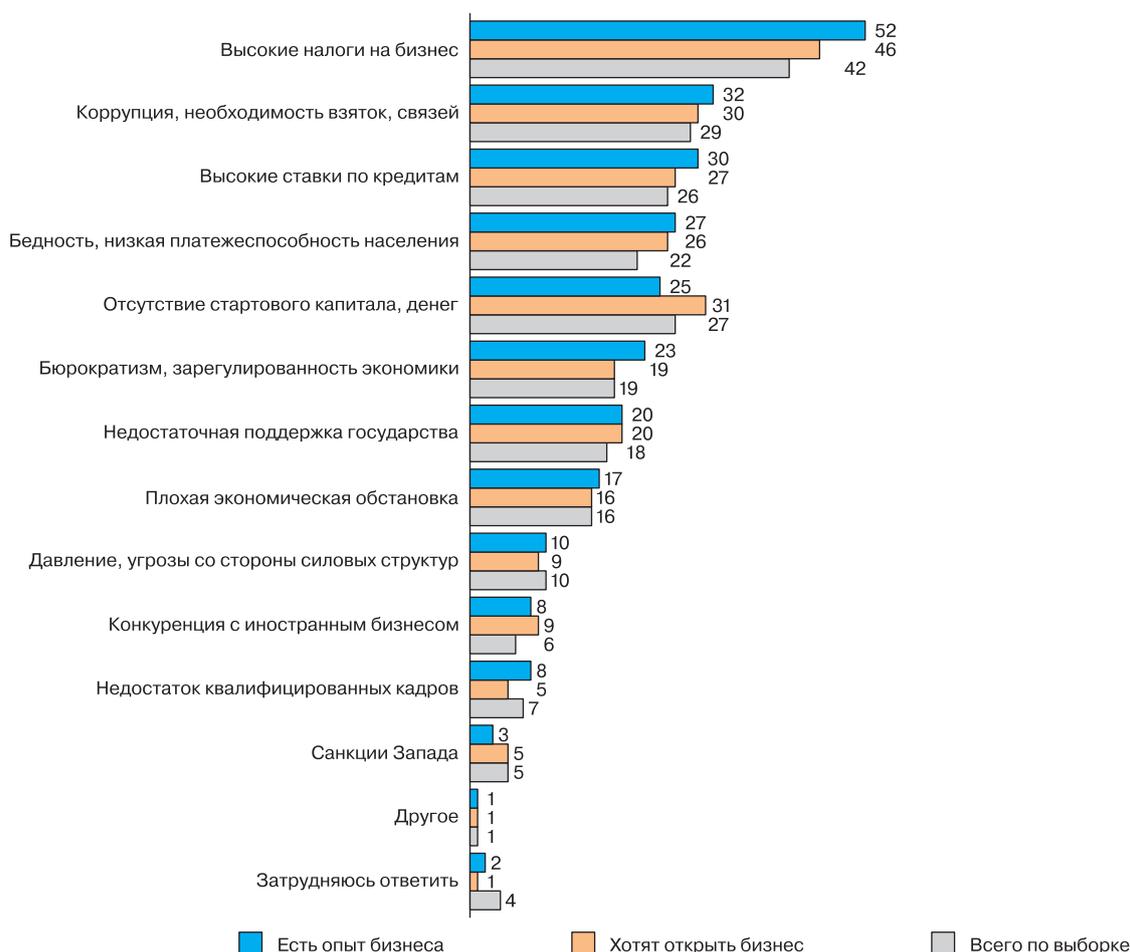

Рис. 2. Мнение взрослого населения страны относительно сложностей ведения бизнеса в России, %⁴

ВЫВОДЫ

Системы государственного регулирования предпринимательства на рубеже XIX–XX вв. и в настоящее время сопоставимы ввиду схожести экономической обстановки на протяжении двух этапов. Как в конце XIX — начале XX в., так и в начале XXI в. Россия переживает время колоссальных перемен в экономике и предпринимательстве, переходит от устаревших экономических систем к новым и непривычным. Такие нестабильные периоды сопровождаются большим количеством реформ, внедрением новых законов и т. д. Все это требует усиленного участия государства, потому что на переходных этапах возрастает риск возникновения глубокого экономического кризиса. Как в начале XX в., так и в начале XXI в. роль государства в экономике огромная. Большое количество предприятий находятся под контролем органов власти, присутствует развитый государственный сектор, также сохраняется государственный контроль за стратегическими и природными ресурсами (долю государства в экономике Российской Федерации все еще не могут оценить однозначно, она колеблется от 33 до 70%)⁵, а также проводится политика протекционизма и импортозамещения. Разница заключается в том, что в конце XIX в. уровень развития субъектов экономики не был так высок, как в настоящее время. На данный

⁴ Как заниматься бизнесом в России [Электронный ресурс]. ЛЕВАДА-ЦЕНТР : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/18/kak-zanimatsya-biznesom-v-rossii> (дата обращения: 15.10.2022).

⁵ МВФ оценил долю государства в российской экономике в 33% [Электронный ресурс]. РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/03/2019/5c879e0c9a79472f59316a90> (дата обращения: 05.04.2023).

момент предпринимательство является достаточно развитым институтом, чтобы действовать без масштабного контроля государства; предпринимателям необходимо больше свободы для активного участия в глобальных международных процессах, а государство своим всеобъемлющим участием затормаживает этот процесс.

Безусловно, роль государства в экономической системе велика, особенно в критические для экономики страны моменты. Государство помогает компенсировать все риски и провалы рыночной экономики с целью обеспечить более стабильные и благоприятные условия как для жизни, так и для экономической деятельности. Однако государственное регулирование должно быть направлено не столько на рынок и его субъекты, сколько на создание и поддержание условий, влияющих на деятельность экономических субъектов и, в частности, предпринимателей. Государство должно регулировать развитие и размещение субъектов экономики и производительных сил, специализацию предприятий, грамотное и обоснованное использование человеческого потенциала и природных ресурсов, обеспечение доходности деятельности субъектов экономики и т. д.

Такой образ государственного регулирования обеспечивает свободное развитие предпринимательства и вместе с этим дает все необходимые условия. Рыночный механизм в своей сущности влечет непредсказуемость результатов и перспектив развития всего общества. В этом заключается его несовершенство и ограниченность, и именно это обуславливает необходимость взаимодействия рыночной системы с инструментами государственного регулирования экономики.

Литература

1. *Беспалов С. В.* Экономическая модернизация России в конце XIX — начале XX в. Экономическая модернизация России в конце XIX — начале XX в., 2014. № 2014. С. 1–120.
2. *Земцов С. П.* [и др]. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года. Вопросы экономики, 2020. Т. 10. С. 44–67.
3. *Каменева С. С.* «Фиаско» рынка и необходимость государственного вмешательства в рыночную экономику. Экономика и бизнес: теория и практика, 2018. № 11-1. С. 105–109.
4. *Ковалева И. В., Чернов М. В.* Понятие государственного регулирования предпринимательской деятельности. Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2015. № 12 (134). С. 163–167.
5. *Конотопов М. В.* Экономическая история: учебник для бакалавров / М. В. Конотопов, С. И. Сметанин, А. В. Тебекин. 12-е изд. Москва: Издательство «Юрайт», 2022. 641 с.
6. *Лобачева Е. Н.* Экономическая теория: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 501 с.
7. *Маховикова Г. А.* Экономическая теория: учебник и практикум для вузов / Г. А. Маховикова, Г. М. Гукасян, В. В. Амосова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 443 с.
8. *Родина Г. А.* [и др.]. Макроэкономика для управленческих специальностей: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 471 с.
9. *Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Кузык М. Г.* Новые контуры промышленной политики. В: Материалы XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 73 с.

Историко-правовые проблемы реализации концепции «судебной столицы» в Санкт-Петербурге

Щеглова Анна Константиновна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; юридический факультет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студентка 2-го курса бакалавриата; e-mail: ascheglova-21@edu.ranepa.ru.

Научный руководитель:

Копятина Гульнара Николаевна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра правоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
старший преподаватель; e-mail: kopyatina-gn@ranepa.ru.

Аннотация

Проанализирована предусмотренная внесенными в 2020 г. изменениями в п. 2. ст. 70 Конституции Российской Федерации возможность перемещения органов государственной власти из Москвы, с точки зрения разделения властей в пространственном аспекте. Санкт-Петербургу, как главному кандидату на статус «судебной столицы», дается историко-правовая характеристика. Сделан вывод о соответствии реализации положений упомянутой статьи Конституции Российской Федерации принципу федерализма и демократизма. Особое внимание уделено анализу материалов средств массовой информации изучаемого в конкретном случае периода.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, многостоличность, судебная столица, юридическая столица, Конституционный Суд, криминальная столица, разделение властей, деконцентрация власти, федерализм, пространственное разделение властей, административный центр.

Historical and Legal Issues of Implementing the “Judicial Capital” Concept in St. Petersburg

Anna K. Shcheglova, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of Law (Saint Petersburg, Russian Federation)
BA student; e-mail: ascheglova-21@edu.ranepa.ru.

Academic Supervisor:

Gulnara N. Kopyatina, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department Law (Saint Petersburg, Russian Federation)
Senior Lecturer of the Department; e-mail: kopyatina-gn@ranepa.ru.

Abstract

The paper considers the possibility of relocating the state authorities from Moscow stipulated by the amendments made in 2020 to paragraph 2. of Article 70 of the Constitution of the Russian Federation in terms of spatial separation of powers. The author characterizes St. Petersburg in historical and legal perspectives as the main candidate for the status of “judicial capital”. The conclusion is drawn concerning the compliance of the implementation of the provisions of the above article of the Constitution of the Russian Federation with the principle of federalism and democracy. The author focuses on the analysis of mass media materials on the period studied.

Keywords: St. Petersburg, multicapitalism, judicial capital, legal capital, Constitutional Court, criminal capital, separation of powers, deconcentration of power, federalism, spatial separation of powers, administrative center.

Принцип разделения властей закреплён в ст. 10 Конституции Российской Федерации: он предполагает независимость органов законодательной, исполнительной, судебной власти и, главным образом, разграничение их полномочий — данный принцип рассматривают по большей части именно в этом аспекте, хотя, безусловно, «разделение властей» — куда более глубокое понятие. Например, оно также включает в себя организационную самостоятельность органов государственной власти, которая проявляется в наличии собственного аппарата, нормативной базы, руководителей и, конечно, помещения. При этом традиционно для российской практики все федеральные органы государственной власти находятся в Москве, в случае Конституционного Суда — в Санкт-Петербурге⁶, как в городах федерального значения «столичного» статуса.

Это характерно для большинства стран, но, конечно, есть исключения. Например, в Германии Федеральный Конституционный Суд располагается в провинциальном городе Карлсруэ [4, с. 145]. Что касается Конституционного Суда Российской Федерации и его настоящего расположения вне столицы, правда далеко не в провинции, то факт его территориального отделения от иных органов государственной власти можно объяснить и как вынесение Конституционного Суда за классическое деление властей по примеру Президента и Прокуратуры, поскольку, как выразился председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин: «Конституционное правосудие становится гарантией удержания властей в границах их компетенции, очерченной Конституцией на основе принципа разделения властей»⁷. В этом смысле отдаление Конституционного Суда от административного центра нашей страны (то есть места, где находятся федеральные органы государственной власти) вполне логично. Однако все-таки необходимо исходить из того, что у Конституционного Суда двуединая юридическая природа — он выполняет судебные функции и является судом, а не квази-судебным органом, как, например, Конституционный Совет во Франции [1, с. 112], а потому одновременно и находится, и не находится в системе разделения властей. Именно поэтому идея перемещения в Санкт-Петербург всей ветви судебной власти также имеет право на жизнь.

Нельзя не упомянуть и следующее: пространственное разделение властей отвечает принципам федерализма. Это весьма актуально для России как федерации с закреплённым в 2020 г. принципом «единой публичной власти». Сама по себе единая публичная власть вполне соответствует российской действительности в вопросах территориального устройства власти (с учетом создания федерации по национально-территориальному принципу), однако комбинация единой публичной власти с концентрацией ее в одном субъекте Российской Федерации чревата усилением асимметрии и без того достаточно выраженной в нашей стране.

Более того, размещение органов государственной власти в крупных городах, например в городах-миллионерах, на наш взгляд, улучшит их экономическое развитие, поскольку закономерно увеличится финансирование всего субъекта на содержание государственного

⁶ Ст. 115 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 01.12.2021). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102031436> (дата обращения: 05.02.2023).

⁷ Принцип разделения властей в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. Выступления и публикации Председателя КС РФ: [сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=2> (дата обращения: 05.02.2023).

органа. Это в какой-то степени решит региональный вопрос, а именно чрезмерную концентрацию населения в Москве, ведь переезд любого государственного органа из Москвы предполагает и смену кадров (скорее, сотрудников, обеспечивающих работу органа, но все же) [3, с. 4].

Между тем, многие противники данной идеи указывают на огромную трату бюджетных средств на сам переезд, а также на будущие частые командировки представителей органов власти. И если, в связи с распространенной со времен пандемии практики «онлайн-заседаний», необходимости в частых командировках может и не возникнуть, то огромные финансовые затраты при перемещении органов власти неизбежны. Однако, думаю, можно согласиться с тем, что они являются необходимой «жертвой» для достижения результата⁸ [2, с. 9]. В конце концов любая реформа требует решения тех или иных денежных вопросов.

Продолжая мысль о пространственном разделении властей, необходимо отметить, что в России сильны тенденции складывания дуалистической модели столицы [2, с. 3], что подтверждается не только переездом в 2008 г. Конституционного Суда РФ и инициативой перемещения Верховного Суда РФ с Судебным департаментом в Санкт-Петербург, но и поправками, внесенными в Конституцию в 2020 г., а именно в ч. 2 ст. 70: «Местом постоянного пребывания отдельных федеральных органов государственной власти может быть другой город, определенный федеральным конституционным законом»⁹. На самом деле можно говорить, что подобная дуалистичность характерна для России, по сути, практически с момента основания Санкт-Петербурга, который стал столицей в 1712 г. и пробыл в таком статусе целых 205 лет, на протяжении которых Матушка-Москва не утрачивала отдельные функции столичного города: например, все императоры продолжали короноваться в Большом Успенском соборе Московского Кремля. После событий 1812 г. Москва «возродилась» в глазах общественности как по-прежнему важный и сильный город в России.

В 2020 г. при обсуждениях поправки в ст. 70 появилась идея «многостоличности». Председатель совета общероссийской общественной организации «Российский общественный институт избирательного права» И. Б. Борисов, например, предложил закрепить Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики «ближе к этому региону» и даже создать новое министерство для сотрудничества с Китаем и Индией и также расположить его «ближе к государствам-партнерам»¹⁰.

Что касается Санкт-Петербурга, то ситуацию с передислокацией туда судебной ветви власти неоднократно комментировал Президент РФ В. В. Путин. Так, еще в 2018 г. Президент отмечал, что, «если судебная власть России будет немножко в сторонке от исполнительной, хуже не будет. А город приобретает ярко выраженную столичную функцию»¹¹.

⁸ Иванов А. А. Перемены всегда положительны, даже если в определенный момент кажется, что это не так. Закон, 2012. № 11. С. 8–9.

⁹ Конституция Российской Федерации: принята Всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 05.02.2023).

¹⁰ Эксперты: размещение федеральных органов власти вне Москвы поможет развитию регионов [Электронный ресурс]. Рамблер/новости: [сайт]. URL: https://news.rambler.ru/politics/43676927-eksperty-razmeschenie-federalnyh-organov-vlasti-vne-moskvy-pomozhet-razvitiyu-regionov/?utm_content=news-media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.02.2023).

¹¹ Макаров А. Путин заявил о скором переезде Верховного Суда в Петербург [Электронный ресурс]. 78.ru: [сайт]. URL: https://78.ru/news/2018-03-15/putin_zayavil_o_skorom_pereezde_verhovnogo_suda_v_peterburg (дата обращения: 05.02.2023).

В октябре 2022 г. во время пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай» Президент напрямую поддержал деконцентрацию: «Эта проблема излишней централизации всех федеральных структур в Москве — она существует. Я, например, сторонник делать так же, как и в некоторых других странах, а именно децентрализовать эти полномочия и компетенции центрально-столичные в другие регионы России. Мы, например, судебные центры создаем в Петербурге. Там уже Конституционный Суд работает. Есть конкретные планы строительства Верховного Суда»¹².

По отношению к судебной власти такая инициатива, на наш взгляд, вполне учитывает роль Санкт-Петербурга в формировании российской государственности и права. Что касается других регионов, то, как я уже отмечала, такая инициатива соответствует и развивает принципы федерализма.

Тем не менее не все увидели в этом плюсы. Так, судья Конституционного Суда в отставке Т. Г. Морщакова сообщила о своих опасениях по поводу создания в России единого высшего суда по примеру Supreme Court в США, первым шагом к которому стала смена адреса Конституционного Суда, а вторым — упразднение Высшего Арбитражного Суда с передачей его функций судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда¹³. Несмотря на то, что данные опасения разделяют многие юристы и политологи, особая роль Конституционного Суда, сложившаяся в российской практике, навряд ли позволит такому «слиянию» реализоваться. Что касается упразднения Высшего Арбитражного Суда, то этот вопрос требует отдельной дискуссии, однако нам представляется, что решение, принятое в 2014 г., значительно упрощает функционирование судебной системы, а потому подобное объединение вполне актуально и обоснованно.

На самом деле инициативы пространственного разделения властей имели место еще раньше. Так, в 1994 г. президент Чувашской Республики Н. В. Федоров направил Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину письмо с предложением изменить адрес Конституционного Суда, а именно разместить его в Чебоксарах, чтобы он оказался «вне конъюнктурных политических процессов, что явится предпосылкой для его политического раскрепощения»¹⁴. Как известно, такого переезда не произошло. Тогда подобное заявление вызвало бурю язвительных комментариев со стороны СМИ¹⁵, а в 2008 г. по отношению к Санкт-Петербургу оно приобрело явно агрессивный характер: Петербургу приписывали статус криминальной столицы и считали недопустимым объединение судебной и «бандитской» власти¹⁶.

Обвинения Санкт-Петербурга в криминогенности и низком уровне правовой культуры горожан звучали, как правило, не из уст юристов. Подобные высказывания, выражая таким образом неодобрение передислокации Конституционного Суда, позволяли себе в основном журналисты или обычные пользователи Интернета.

Все обвинения в низком уровне правовой культуры в сторону Петербурга необоснованны. Практически все негативные моменты, связанные по большому счету с переживанием нашей страной кризисных периодов, имели место и в других городах России, в ряде случаев еще и в более выраженных формах, не исключая и саму Москву. В таком случае

¹² Путин заявил, что выступает сторонником децентрализации [Электронный ресурс]. РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20221027/putin-1827330195.html> (дата обращения: 05.02.2023).

¹³ Перспективы переезда Конституционного Суда из Москвы в Петербург [Электронный ресурс]. НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/1135259.html> (дата обращения: 05.02.2023).

¹⁴ Инициатива Николая Федорова. Карлсруэ в Чувашии [Электронный ресурс]. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/94605> (дата обращения: 05.02.2023).

¹⁵ *Феофанов Ю.* Станут ли Чебоксары столицей российского правосудия? Известия. М., 1994. С. 2.

¹⁶ См. Переезд суда — туда! [Электронный ресурс]. Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2292411> (дата обращения: 05.02.2023).

единственным способом «не оскорблять судебную власть» совмещением ее с «бандитской» остается только не размещать суды ни в каком городе, что само по себе абсурдно. Петербург же обязан такой славой в силу своей популярности и пристального внимания со стороны всей России, «активной» работы средств массовой информации и кинематографа. При этом нельзя отрицать огромного вклада города и его жителей в развитие институтов государства и права России, а потому переезд высших судов в Санкт-Петербург есть в действительности акт исторической справедливости.

Современная Россия подхватывает и развивает все, что было достигнуто в петербургский период российской истории. История зарубежных стран показывает, что при выборе города для размещения государственных и международных органов практически всегда учитывался исторический опыт. Так, международный уголовный суд расположился в Гааге — родине «отца» международного права Г. Гроция. Конституцию Европейского союза 2004 г. планировали подписать в Риме — как в центре зарождения европейской цивилизации. Страсбург — место дислокации Европейского суда по правам человека, был выбран потому, что всегда являлся спорной территорией между Францией и Германией — странами-инициаторами создания международного органа; таким образом произошло окончательное примирение сторон. Как показала практика, эффективность работы Конституционного Суда в Санкт-Петербурге остается достаточно высокой. Но переездом суда была восстановлена историческая справедливость — город с неоспоримо важной ролью в истории государства и права России вновь обрел статус столицы юридической. Именно так творится право, ибо это справедливое и важное решение. Особенно отрадно, что подобное реформирование может затронуть не только Санкт-Петербург, но и ряд других субъектов Российской Федерации, для которых переезд органов государственной власти откроет новые перспективы развития.

Литература

1. Данилова Н. В. Особенности реализации французской модели конституционной юстиции в странах Азии и Африки. СКО, 2012. № 2 (87). С. 111–121.
2. Таболин В. В. Столицеведение: правовые подходы к исследованию. Государственная власть и местное самоуправление, 2020. № 8. С. 9.
3. Тарибо Е. В. Итоги пятилетнего пребывания Конституционного Суда в Петербурге: исторический контекст. Журнал конституционного правосудия, 2013. № 4. С. 1–4.
4. Kurtishi E. The Constitutional Court of the Federal Republic of Germany. Sciendo, 2020. С. 143–155. URL: https://www.researchgate.net/publication/351397424_The_Constitutional_Court_of_the_Federal_Republic_of_Germany (дата обращения: 05.02.2023).

«Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) /
“Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T)

Том 9. Выпуск 3 (23) — 2023
Российский научно-практический журнал
(сетевое издание)

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ
Заведующая издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ
Редактор
А. А. ВОРОНА
Корректор
И. Е. ВИЛЬМАН
Верстка
С. И. ШИРОКОЙ

Сдано в набор 02.10.2023.
Подписано к публикации 19.10.2023.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-82820 от 18 февраля 2022 г. («Новизна. Эксперимент.
Традиции» (Н.Экс.Т) / “Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T))

(С 2014 по 2021 г. журнал выпускался под названием “Administrative Consulting”,
свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-59415 от 22 сентября 2014 г.).

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.
Тел. (812) 335-94-97.